

МЕРЦАНИЕ ЗКРАНА

• Впервые на
русском
языке

ТЕРРИ
ПРАТЧЕТТ

С2428119

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ – известный во всем мире создатель серии романов о Плоском мире, первый из которых, «Цвет волшебства», издан в 1983 году.

В общей сложности им написано свыше пятидесяти бестселлеров.

Романы Пратчетта неоднократно адаптировались для театра и кино, он является лауреатом многочисленных премий, включая медаль Карнеги, а также возведен в рыцарское достоинство за заслуги перед литературой.

Во всем мире продано свыше 75 миллионов экземпляров его книг, переведенных на 37 языков.

«Плоский мир» – это непрерывная история мира, чем-то похожего на наш, за исключением того, что располагается он на плоском диске, покоящемся на спинах четырех слонов, которые стоят на панцире гигантской черепахи, плывущей сквозь космос.

Помимо обычных людей, Плоский мир населен волшебниками, гномами, стражниками, ворами, попрошайками, вампирами и ведьмами.

История Плоского мира состоит из множества отдельных книг, которые можно читать в любом порядке. Однако чтение их в определенной последовательности может доставить особое удовольствие за счет знакомства со всеми мельчайшими деталями, украшающими эту блестяще выстроенную Вселенную.

TERRY PRATCHETT

(1948-2015)

**TERRY
PRATCHETT**

**A BLINK OF
THE SCREEN**

ТЕРРИ
ПРАТЧЕТТ

МЕРЦАНИЕ
ЭКРАНА

Москва
2021

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П70

Terry Pratchett
A BLINK OF THE SCREEN

Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 2012
First published as A Blink of the Screen by Transworld
Publishers, a part of the Penguin Random House group
of companies

Перевод с английского Максима Сороченко

Иллюстрация на переплете Анастасии Мацулиной

Пратчетт, Терри.

П70 Мерцание экрана : [сборник фантастических рассказов] / Терри Пратчетт ; [перевод с английского М. Сороченко]. — Москва : Эксмо, 2021. — 416 с. — (Терри Пратчетт).

ISBN 978-5-04-111819-8

Дьявол нанимает рекламщика, чтобы популяризировать Ад. Писатель убивает опостылевшего персонажа, но следующим утром тот объявляется на пороге его дома. Незадачливые путешественники попадают в мир оживших рождественских открыток — и видят там то, что Лавкрафту не снилось. Волшебники Незримого Университета думают, как пережить проверку лорда Витинари, а капитан Моркоу решает проблему преступности среди анк-морпорской молодежи.

Встречайте сборник коротких историй эра Терри Пратчетта: от фэнтези и стихов до научной фантастики, от первого опубликованного рассказа, написанного юным Терри в 13 лет, до отрывков, не вошедших в повести о Плоском мире.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-111819-8

© М.К. Сороченко, перевод
на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Спасибо моему старому другу
и агенту Колину Смайту,
потратившему немало сил и времени
на изучение множества пыльных газет
в поиске оставленных мною следов.*

*Удивительно, но ему это
действительно нравится...*

ПРЕДИСЛОВИЕ А. С. БАЙЕТТ

Помню, как я впервые купила книгу Пратчетта (роман «К оружию! К оружию!») в книжном магазине на Слоун-сквер. Тогда мне отчаянно хотелось хотя бы психологически очутиться где-нибудь в другом месте, и яркая стопка романов о Плоском мире показалась мне подходящим для этого средством. Я принялась их листать. Не могу сказать, что обложки Джоша Кирби с его буйными драконами и розовыми пышногрудыми мультишными женщинами были в моем вкусе. Но в конце концов меня покорило слово «Анк-Морпорк». Такое выдумать мог только настоящий писатель. К тому же в моем детстве существовал другой Плоский мир — в сборнике скандинавских саг была иллюстрация индийского мифа, повествующего о том, что земля балансирует на четырех слонах, стоящих на гигантской черепахе, обвитой змеей.

Притащив книгу домой, я проглотила ее за аллом, и все — меня затянуло в этот мир с головой. Следом я купила оставшиеся книги и прочитала их по порядку. С тех пор каждое лето, обдумывая уже собственные книги, я перечитываю эти произведения заново. И каждый раз вдруг на-

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

хожу новую шутку, которую не поняла с первого раза. К тому же этим романам присуща совершенно необычайная сила повествования великого рассказчика. Позже я стала ценить и искусство Джоша Кирби. Его творениям свойственна разудалая энергия и замысловатость — как дерзкая, так и изощренная, — которая идеально подходит для иллюстрации этих историй.

Терри Пратчетт говорил, что его читатели — это люди, профессионально работающие с компьютерами. Но его романами не меньше увлекаются и мои друзья из литературного мира (однажды в книжном магазине, где я проводила встречу с читателями, мне пришлось очень вежливо выкручивать свежую книгу — кажется, это был роман «Вор времени» — из рук моего многоопытного и блестяще эрудированного редактора). А на прошлой неделе у меня состоялась интересная беседа с одним высоколобым философом о воображаемых мирах вообще и о Плоском мире в частности. А еще есть люди, которые в принципе не читают ничего, кроме Пратчетта. Например, мальчишки двенадцати лет, ненавидящие книги. Поэтому я надеюсь, что Пратчетта никогда не станут преподавать в школе — не случайно биография на обороте первых книг Пратчетта утверждала, что «некоторые люди считают это литературой». Безусловно, это литература, но такая, которой лучше всего наслаждаться в уединении и покое.

Дж. Р.Р. Толкин придумал термин «вторичный мир» для обозначения вымышленных фантастических миров с собственной географией, животными, историей и народами. Человечество всегда

нуждалось в иных реальностях, где существовали бы воображаемые вещи и жили другие, отличающиеся от нас люди. Все это богато представлено в многочисленных произведениях — от сказок и мифов народов мира до городских легенд.

Создатель вторичных миров должен обладать неисчерпаемой изобретательностью — как в широком масштабе, так и в мельчайших деталях. Мир Пратчетта оттого и прекрасен, что его питает чистая энергия великого рассказчика: он показывает нам все, что мы хотим узнать о драконе, стражнике, сюжете или месте действия. Он рассказывает нам намного больше того, что мы могли ожидать, и это действительно производит впечатление.

От книги к книге Пратчетт становится лучше, а его мир — еще затейливее. Он сильнее привязывается к своим персонажам, которые становятся все более и более сложными: просто вдумайтесь, какой извилистый жизненный путь проходит капитан Ваймс — от горького пьяницы, возглавляющего деморализованную Ночную Стражу, до командора, способного арестовать одновременно две армии за нарушение мирного договора. Пратчетту становится все труднее испытывать неприязнь к придуманным им образам. Он может изобрести причудливые второстепенные формы жизни: например, принадлежащего Ваймсу бесенка из «Груши» (он же персональный бес-органайзер), чье существование искупается его способностью вести офисную канцелярию; или бухгалтера по имени Э.И. Пессимал, посланного проинспектировать Стражу и в конце концов ставшего героем. (Википедия постоянно объясня-

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ет мне Пратчетта. Вот я, например, не знала, что слово «пессимальный» означает «плохой в максимально возможной степени» или «не обладающий достаточным качеством или ценностью».) Но под его пером может рождаться и настоящее зло: взять хотя бы господина Кнопа, негодяя из романа «Правда», или главного квизитора Ворбиса из «Мелких богов» — обоим свойственны беспощадная целеустремленность, настоящая жестокость и ограниченный взгляд на жизнь, изменить который не дано никому.

Как говорил Толкин, вторичные миры должны быть гармоничными. Всегда существует риск, что создатель ударится в романтику или захочет оказывать воздействие на читателя — дидактическое или сентиментальное. Я перечитывала Толкина ради пейзажей и постоянного ощущения опасности и всегда испытывала проблемы с произведениями об обычных детях, оказавшихся во вторичных мирах. Дж.К. Роулинг блестяще проработала магию в своем произведении, но ее мир берет начало в школе-интернате, в которую мне совсем не хочется возвращаться. Мне никогда не нравился К.С. Льюис, поскольку я чувствовала, что он пытается морально манипулировать как мной, так и персонажами. Филип Пулман пишет красиво и драматично, но он постоянно полемизирует с Льюисом, отчего рискует сорваться в ту же дидактическость и родительский контроль. Пратчетт же, несмотря на подчеркнутую буффонаду и совершенно кошмарные или, наоборот, чрезмерно сложные для понимания шутки, каким-то образом демонстрирует взрослую мудрость. Как читательница я ему доверяю.

Как-то раз один телевизионный интервьюер спросил меня: «Разве все это не про нас самих?», и я с негодованием ответила: «Нет!», потому что мне важно, чтобы мой вторичный мир был другим — отдельным от меня, но при этом гармоничным. Но следует все же признать: Пратчетт пишет о нас. Он одинаково хорошо разбирается как в полицейских, бизнесменах, мошенниках, убийцах, банках, акциях и музыке, так и в гоблинах, ведьмах, драконах, троллях и гномах. Ну и, конечно же, в компьютерах. Но то, что он пишет, нельзя назвать ни сатирой, ни аллегорией. Все, что он помещает в свой мир, потом *живет* в этом мире — по своим собственным энергетическим и логическим законам.

Многие рассказы, собранные под обложкой книги «Мерцание экрана», описывают вторжения из вторичных миров в наш. Писатель-фантаст убивает героя-варвара, а потом встречает его на пороге дома, когда тот приходит познакомиться со своим создателем. Смерть пляшет на дискотеке. Первый рассказ, «Предприятие Аида», был написан Пратчеттом в тринадцать лет. Речь в нем идет о вторжении дьявола в квартиру рекламщика. Пратчетт извиняется за свой первый опыт, но нельзя не увидеть в нем очень бодрый темп и неплохую концовку. Впрочем, всем его рассказам свойственны крепкие концовки. Особенно мне нравится тот, который основан на реальном инциденте 1973 года, когда из перевернувшегося в Голливуде грузовика выпало несколько ящиков с цыплятами, и они поселились в кустарнике. А еще мне симпатична странная история, в кото-

рой отчаявшиеся путешественники оказываются заперты в мире викторианских рождественских открыток — с сугробами, покрытыми «серебристыми блестками», чудовищными дроздами и «жуткой прямоугольной щелью». Есть рассказы и о компьютерах, в том числе один, написанный в 1990 году. Повествование в нем ведется от лица дружелюбного ремонтника — не очень умного, но неплохо разбирающегося в технике. Он работает с машинами, внутри которых люди создают собственные реальности (рассказ опять же с отличной концовкой!).

Вторую часть книги составляют несколько рассказов о Плоском мире — в том числе длинная и очень сильная история о матушке Ветровоск, а также забавная версия национального гимна Анк-Морпорка.

А еще есть грустное стихотворение о том, что

Твои мама и папа не станут учить
Сути смерти, но будут питомцев дарить.

Пратчетт комментирует его: «Я старался сочинять так, будто мне тринадцать лет — с тем самым чувством искреннего серьезного дилетантства. Возможно, это не так уж и отличается от того, что писалось мною в лучшие годы...»

Мне кажется, я знаю, что он имеет в виду. То, что понял его учитель, когда Пратчетту было тридцать лет, готовы с радостью признать и мы — тридцатилетние дети, ботаники и гики, читающие писатели и университетские преподаватели: Пратчетт действительно прирожденный писатель и неподражаемый создатель своего собственного мира.

Короткие произведения не о Плоском мире

ПРЕДПРИЯТИЕ АИДА

Журнал *Science Fantasy*
(под редакцией Джона Карнелла),
№ 60, вып. 20, август 1963 г.

Более ранняя версия рассказа опубликована
в журнале *Technical Cygnet* —
издании Хай-Уикомской
средней общеобразовательной школы
с техническим уклоном.

Аааа!.. мне хочется зажать уши руками и громко петь «лалалала», чтобы не слышать, как ты читаешь эту историю.

Она такая детская! Заметь, мне было тогда три-надцать лет. Это первая написанная мною вещь, которую опубликовали. Собственно, это первая вещь, которую я писал с ощущением, что сочиняю настоящую историю.

Все началось с домашнего задания. Учитель английского поставил мне за рассказ высшую оценку и опубликовал его в школьном журнальчике. Одноклассникам он понравился. В их глазах я превратился в настоящего писателя.

И это стало очень важной вехой, поскольку до того дня я ничем толком не интересовался. Да,

я хорошо говорил по-английски, но во всем остальном был совершеннейшей посредственностью — одним из тех ребят, которых не замечают учителя, и они этому только рады. Мне ничего не удавалось даже в спорте, за исключением одного прекрасного семестра, когда нам разрешили поиграть в хоккей. Только там я сумел развернуться и показать себя грубым и очень опасным игроком.

Одноклассников это впечатлило. Я нюхнул крови.

В те времена их было три — да-да, всего три журнала на всю Великобританию, публиковавших фэнтези и научную фантастику. Звучит невероятно, но это так. Я уговорил тетю, у которой была пишущая машинка, перепечатать мой рассказ и отоспал его Джону Кафнеллу, редактору всех трех журналов. Хватило же у меня наглости!

Он рассказал принял.

О господи!

Четырнадцать фунтов гонорара хватило на то, чтобы купить подержанную пишущую машинку Imperial 58 у моего учителя машинописи (моя мать решила, что поскольку я теперь писатель и все такое, то должен уметь печатать сам). Теперь, спустя годы, мне кажется, что для четырнадцати фунтов это была слишком хорошая машинка, и я не удивлюсь, если выяснится, что мама с папой втихаря за нее доплатили.

К счастью, прежде чем я успел нанести механическому устройству фатальные повреждения, меня полностью захватила учеба, а потом экзамены, после которых я устроился работать в местную газету. Там я научился писать более-менее сносно или, по крайней мере, по-журналистски.

Я только что перечитал рассказ, и у меня тут же зачесались пальцы от желания снять с него шкурку, отрегулировать темп повествования и перемешать все эти собранные в кучу клише. Короче говоря, переписать его от начала до конца. Но это было бы глупо, поэтому я просто стисну зубы.

Давай уже, читай дальше.

*Я тебя не слышу! Лалалалалала!*¹

Тигель открыл входную дверь и застыл на пороге как вкопанный.

Представьте себе ядро грозового облака. Обильно посыпьте золой и украсьте серой по вкусу. Теперь у вас есть примерное представление, во что превратилась прихожая Тигеля.

Дым валил из-под двери кабинета. Смутно припомнив фильм, который он когда-то видел, Тигель прижал к носу платок и, пошатываясь, побрел на кухню. Одно ведро воды спустя он вернулся. Дверь не поддалась. Внутри кабинета находился и домашний телефон — на случай экстренной необходимости. Поставив ведро на пол, Тигель толкнул дверь плечом, но безрезультатно. Тогда он отступил к противоположной стене и сузил слезящиеся от дыма глаза. Крепко стиснув зубы, он бросился в атаку.

Дверь распахнулась сама собой. Описав грациозную дугу, Тигель пролетел через всю комнату до самого камина. Затем все потемнело, в прямом и переносном смысле, и он потерял сознание.

¹ Здесь и далее перед началом каждого рассказа — предисловие Терри Пратчетта (*прим. отв. ред.*).

Стадо слонов, обутых в сабо, танцевало на голове Тигеля кадриль. Приоткрыв глаза, он разглядел склонившуюся над ним расплывчатую фигуру.

— На, выпей.

Ах, этот целебный веселящий сок! Ах, тонизирующий суп-шатунец! Слоны, переобувшись в шлепанцы, приступили к степенному медленному вальсу. Виски, как всегда, оказало желаемый эффект. Тигель вновь открыл глаза и поглядел на посетителя внимательнее.

— Кто ты, дьявол?..

— Совершенно верно!

Голова Тигеля ударилась о решетку с глухим стуком.

Дьявол поднял его и усадил в кресло. Тигель приоткрыл один глаз.

Дьявол был одет в строгий черный костюм с красной гвоздикой в петлице. Тонкие вощенные усики в сочетании с аккуратной бородкой придавали ему величавый вид. На столе лежали плащ и складной цилиндр.

Тигель догадывался, что это значит. Десять лет подряд вытягивать деньги у ничего не подозревающего бизнесмена... неудивительно, что его настигла Немезида. Он поднялся на ноги и отряхнулся сажу с одежды.

— Ну что, пойдем? — печально спросил он.

— Пойдем? Куда?

— В Иное Место, полагаю?

— В Иное Мес...? Ах, ты имеешь в виду мой дом? Силы небес... Ой, прошу прощения... Адские силы, нет! Никто не спускался туда почти две тысячи лет. Сам не пойму почему. Нет,

я пришел к тебе за помощью. Там Внизу адский бизнес просто остановился — никаких больше падших душ. Единственный парень, который спускался к нам за последние две тысячи лет, — это дрянь-человечек по имени Данте. И ушел он оттуда с совершенно неправильным впечатлением. Ты бы слышал, что он обо мне рассказывал!

— Кажется, я где-то о нем читал.

— В самом деле? Во всяком случае, его бредни — плохая для меня реклама. Собственно, для этого я к тебе и пришел.

— Не понял? — Тигель навострил уши.

— Я хочу, чтобы ты отрекламировал Ад. Осторожно! Ты пролил напиток прямо на ковер.

— П-почему я? — прохрипел Тигель.

— Но ведь ты владелец рекламной компании «Честная сделка», не так ли? Мы хотим, чтобы ты подготовил общественность, сделал ее Адски сознательной. Не для вечных мук, конечно. Однодневные экскурсии по Аду или даже Большие Туры — всякое такое...

— А если я откажусь?

— Что скажешь о десяти тысячах фунтах?

— До свидания!

— Двадцать тысяч!

— Хмм... А разве не я должен ставить условия: «принеси мне веревку из песка» и так далее?

Дьявол послушал.

— Сорок тысяч. Это мое последнее предложение. Кроме того... — Дьявол сложил кончики пальцев вместе и улыбнулся потолку, — мне известно несколько довольно компрометирующих

фактов по делу «Пэйн-Смит Продактс», которые мы могли бы предать огласке...

— Вот теперь ты говоришь на моем языке. Значит, сорок тысяч фунтов и молчание по делу «ПС»?

— Да.

— Договорились.

— Я так рад, что ты теперь на моей стороне, — признался Дьявол.

Тигель сел за письменный стол из красного дерева и достал блокнот. Затем указал на полированную серебряную шкатулку:

— Сигарету?

— Благодарю.

Тигель также взял сигарету и, не глядя, нащупал зажигалку. Внезапно ему в голову пришла одна мысль.

— А откуда мне знать, что ты тот самый Старина Ник?

Дьявол вздрогнул.

— Попрошу без фамильярности! Для тебя я Николас Люцифер. Ну кто еще, кроме меня, может знать о деле «ПС»?

Глаза Тигеля сверкнули.

— Может, ты какой-нибудь хитропопый сынщик? Ну давай, убеди меня как-нибудь!

— Ну ладно. Сам напросился. Кстати, пистолет, который лежит в твоем левом кармане, против меня бесполезен.

Дьявол небрежно качнулся вперед и протянул палец в сторону Тигеля.

— Ну вот, я же говорил. Ты липовый, бесчес...

Хрясь!

Через комнату пронеслась молния. Кончик сигареты Тигеля раскалился.

— Уб... убедил!

— Вот и славно.

Тигель быстро взял себя в руки.

— Что ж. Приступим к делу. Как я понял, ты хочешь, чтобы Ад эксплуатировался всеми возможными способами?

— Да.

— Боюсь, я мало чем смогу помочь, пока не увижу это место лично — с точки зрения живого человека, как ты понимаешь.

— Понимаю. Что ж, я прихватил бы тебя с собой на обратном пути, но, боюсь, это станет для тебя довольно кошмарным опытом. Впрочем, если подождешь меня на углу улицы — скажем, в восемь часов вечера? — мы можем прогуляться туда пешком. Согласен?

— Хорошо.

— Тогда увидимся. Всего хорошего!

— Чao!

Пуф!

И Дьявол исчез. Комнату вновь наполнил сернистый дым. Тигель открыл окна и тут же их закрыл. Если какой-нибудь назойливый сосед заметит дым, то Тигель замучается объяснять пожарным, куда делся пожар. Он прошел на кухню и сел с задумчивым видом, сожалея о том, что мало читал фантастику.

Желание Тигеля, чтобы Дьявол не совал нос в его дела, было вполне логично — как и для многих других разумных существ. Причина неприятия крылась в том, что они с Дьяволом слишком

разные. Тигель открыл холодильник и достал банку пива.

Когда рядом разгуливает некто, знающий о вешах, которые человек предпочел бы держать при себе, — это опасно. Любовь Тигеля к деньгам боролась со стремлением к свободе. Он хотел получить эти сорок тысяч фунтов, но не хотел, чтобы рядом был Люцифер.

Внезапно его осенила гениальная мысль. Ну конечно! Почему бы нет? Он схватил шляпу и поспешил в местную церковь.

Тигель стоял под проливным дождем на углу улицы. Маленькие струйки стекали по спине, замшевые туфли быстро намокали. Он взглянул на часы. Без одной минуты восемь.

— Псст!

Вздрогнув, Тигель обернулся.

— Я здесь!

Он увидел, как посреди тротуара поднялась крышка канализационного люка. Голова Дьявола высунулась наружу.

— Ну же, давай!

— Прямо сюда?

— Ага.

Тигель протиснулся в узкое отверстие.

Плюх!

Все, придется тратиться на новые ботинки.

— Ладно, пойдем, — сказал Дьявол.

— Я и не знал, что Прямо Туда можно пройти по канализации.

— Это самый короткий путь, старина. Сворачиваем налево.

На некоторое время наступила тишина, нарушаемая лишь эхом шагов: замшевых туфель Тигеля и Дьявольских копыт.

— Долго еще?

Они шли уже несколько часов. Ноги Тигеля насквозь промокли, он начал чихать.

— Почти добрались, приятель.

Дошлипав до конца туннеля, они очутились на краю темной долины. Вдалеке Тигель разглядел гигантскую стену с крошечной дверью. Через долину бежала черная речка, воздух был напитан серой.

Дьявол сдернул кусок брезента с горба, возвышавшегося у входа в туннель.

— Позвольте представить: «Герион II»!

Тигель моргнул. «Герион II» представлял собой «Форд-Т», скрещенный с «Остин 7» — и со вкусом покрашенный в сернисто-желтый цвет.

Дьявол дернул за боковую дверь, и та отвалилась.

Они забрались внутрь. Удивительно, но машина завелась всего с пары взмахов пусковой рукоятки.

«Герион II» неспешно попыхтел через серную равнину.

— Хорошая машина, — похвалил Тигель.

— Не то слово! Сорок драконьих сил. Я сам собрал ее из деталей и обломков, найденных на Земле. Это несложно, если высакивать на поверхность возле свалки. — Дьявол проскрипел зубами, когда им с Тигелем пришлось на большой скорости проскочить сквозь облако серы. — Про-

блема только в том, что наверху часто оказывается какая-нибудь груда железа.

Он потер голову. Тигель заметил, что один из его рогов перевязан.

Наконец они резко затормозили у реки. Машина испустила клубы пара.

У берега была пришвартована потрепанная плоскодонка. Дьявол помог Тигелю забраться внутрь и взялся за гузло... в смысле, за весло.

— А что случилось с этим... как его там... Хароном?

— Мы не любим об этом говорить.

— О.

Наступила тишина, нарушающая лишь поскрипыванием весел.

— Наверное, вам теперь придется строить мост.

— Это да...

Тигель крепко задумался.

— И брат за проход по полпенни... Кстати, — добавил Тигель, — в лодку затекает вода. Я чувствую, как она плещется у меня вокруг лодыжек.

Дьявол даже не обернулся.

— Приплыли.

Он протянул Тигелю потрепанную кружку для оплаты проезда, на которой сохранились едва различимые инициалы «Б. Г.». Уладив формальности, они продолжили путь.

Через некоторое время они остановились перед воротами. Тигель поднял голову и прочитал слова:

«ОСТАВЬ НАДЕЖДУ,
ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ»

— Так себе надпись.
— Неужели?
— Нужны неоновые огни.
— М-да?
— Красные такие.
— Хмм.
— И чтобы моргали.
— Пожалуй...

Они вошли внутрь.

— Фу, мальчик! Отстань от него.

Три языка лизнули Тигеля одновременно.

— Возвращайся в свою конуру!

Скулящий Цербер скрылся с глаз.

— Не обижайся на него, — сказал Дьявол, поднимая Тигеля и стряхивая с него пыль. — Он сам не свой с тех пор, как набил шишку о ногу Орфея.

— В мифе об этом ничего не сказано.

— Я знаю. И это очень печально, поскольку реальная история была гораздо... хм... интереснее. Впрочем, мы отвлеклись.

Тигель внимательно огляделся. Судя по всему, они оказались в вестибюле отеля. В одной из стен располагался небольшой альков с письменным столом, на котором в раскрытом виде лежала огромная, покрытая пылью книга для регистрации жильцов.

Дьявол распахнул маленькую деревянную дверь.

— Сюда, пожалуйста.

— А что там?

— Мой офис.

Тигель проследовал за ним по узкой лестнице, сильно скрипевшей под ногами.

Офис Дьявола, неустойчиво притулившийся к стенам Ада, был довольно ветхим. В одном из углов — там, где Стикс выходил из своих берегов, — осталось влажное пятно; с деревянных стен частично слезли обои. Ржавая печка в углу раскалилась докрасна. Тигель заметил, что пол был завален какими-то старыми газетами, счетами и рецептами разнообразных заклинаний.

Дьявол опустился в просторное кресло. Тигель сел на вычурный плетеный стул, который едва не развалился под его весом.

— Выпьем? — предложил Дьявол.

— Не возражаю, — ответил Тигель.

— Довольно приятный напиток, — сказал он спустя некоторое время. — Твой рецепт?

— Ага. Он очень простой: берем две пинты крови летучей мыши и одну пинту... эй!.. У тебя лицо посерело! С тобой все в порядке?

— Глп! Кхак! М-м... все в порядке, спасибо. Кха... может, перейдем к делу?

— Хорошо.

— Ну что ж. Насколько я понял, наша главная трудность состоит в том, чтобы заставить публику воспринимать Ад — и тебя, если уж на то пошло — совершенно всерьез. Я к тому, что по общепринятым представлениям Ад — это что-то вроде огненной печи с падшими душами, которых вы пихаете туда вилами, ордами демонов и других тварей, которые бегают вокруг и воют... Кстати, а где все лю... в смысле, обитатели?

— Кто?

— Падшие души, демоны, баньши и так далее...

— Ах, ты про это. Как я уже сказал, сюда две тысячи лет никто не заглядывал, кроме этого ничтожества Данте. А те души, которые были здесь, постепенно упорным трудом заслужили перевод в Чистилище, а потом в... ну ты понял. Так что демонам пришлось искать себе другую работу.

— Ушли в сборщики налогов... — пробормотал Тигель.

— Именно так. Что касается огненных печей, то в рабочем состоянии осталась лишь одна — «Марк IV», вон та, в углу. Очень удобна для кулинарных экзерсисов, но ничего другого с нею не затеешь.

— Понятно... У тебя есть под рукой карта Ада?

— Где-то была.

Дьявол порылся в старой дубовой конторке, стоявшей у него за спиной, и извлек оттуда пожелтевший пергаментный свиток.

— Вот. Свежеё карты у меня нет.

— Сойдет. Дай-ка взглянуть. Хмм... Как я понимаю, мы приехали отсюда?

— Ага. Это затенение — Серная Долина.

— Хорошее место. Уверен, компания «Акме¹ Майнинг» многое бы отдала, лишь бы получить права на добычу серы.

— Серьезно?

— Абсолютно. Правда, вначале пришлось бы строить дорогу для большегрузного транспорта...

¹ Вымышленная торговая марка, фигурирующая во множестве художественных и мультипликационных фильмов (в основном американских). — Здесь и далее, за исключением оговоренных случаев, прим. переводчика.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

— Хмм...

— И рыть большой туннель с поверхности Земли...

— ...а вот здесь кофе-бар. А там танцевальный зал. В дальнем конце — гоночная трасса. Дорожка для боулинга...

— ...а тут можно построить парк аттракционов...

— ...оставив место для ресторана здесь...

— ...несколько киосков с мороженым поставить там, там и там...

— ...здесь весь вечер будет играть джаз-банд. Свяжись со своими демонами и предложи им зарплату повыше, чтобы они вернулись и помогли с управлением...

— ...пусть Орфей организует джазовый оркестр — я уверен, что Аполлон будет только рад...

И так далее и тому подобное. Вскоре карту испещрили символы, обозначающие все что угодно — от танцевального зала до велодорожки. Затем они откинулись на спинки кресел и принялись обсуждать Этап Первый: презентацию Ада широкой публике.

Конечно, вначале без трудностей не обошлось. День, когда Дьявол впервые материализовался на футбольном поле в финале Кубка, запомнили надолго.

Естественно, он попал на первые полосы всех популярных газет. Знаменитая пивоварня подала на Дьявола в суд за убытки, поскольку большинство зрителей финала Кубка после этого случая зареклись пить.

Телефонные линии по всему миру раскалялись, плавились и пригорали друг к другу, пока Тигеля терзали выгодными предложениями крупные финансовые магнаты. Рекламные фирмы боролись за покровительство Дьявола. Работа над туннелем ЛОНДОН — АД быстро продвигалась под руководством Тигеля. Дьявол на время переехал к Тигелю, заявив, что все эти краны, бульдозеры и тому подобное делают Ад по-настоящему адским.

— Только посмотрите, как любит Цербер «Собачью Вкуснятинку»! Блестящая шерстка, сверкающие клычки и три головы — и все это благодаря «Собачьей Вкуснятинке»! «Собачья Вкуснятинка» в удобной жестяной банке на две унции! Цербер говорит вам, что «Собачья Вкуснятинка» — это пр-р-росто восторг! Спрашивайте «Собачью Вкуснятинку» в магазинах вашего города!!

— Все выдающиеся личности курят «Раковые Палочки!»

— Скажите, Люцифер, почему вы курите «Раковые Палочки»?

— Потому что мне нравится их свежий вкус, аромат превосходного табака, а также пятьдесят фунтов, которые вы мне платите за произнесение этих банальностей...

— Скажите, сэр, как вы относитесь к расовой дискриминации?

— Ну, я... э-э-э... как бы это сказать...

— Что вы думаете о молодом поколении?

— Я думаю, что... э, ну да!. Определенно!

— Вы согласны с тем, что демонстрация насилия на телевидении является причиной прискорбного роста национальной статистики преступлений?

— Хмм... э-э-э... нет... в смысле, да. Я имею в виду, что... как бы нет, но...

— Спасибо, сэр, что вы согласились прийти в нашу студию сегодня вечером, чтобы изложить свою точку зрения на столь животрепещущие вопросы. Огромное спасибо. Что ж, дамы и господа, настраивайтесь на нашу волну через неделю, и мы...

Тигель бесстрастно оглядел собравшихся: несколько вечно недовольных третьестепенных парламентариев, начинающие старлетки, скучающие репортеры, ну и, конечно же, привычно усталая группа гвардейских офицеров, потягивающих третьесортное шампанское. Пестрая разношерстная толпа. Тигель, превратившийся за последнее время в настоящего эксперта по затхлым атмосферам, определил в составе воздуха ядреный запах лежалого табака, духи «Цветы зла», метан, а также легкую примесь угарного газа. Он повернулся к Дьяволу, вытворявшему чудеса с шейкером для коктейлей.

— Это, мой друг, и есть то, что смеют называть «светской вечеринкой», — ритуал, который до сих пор соблюдают в лучших домах на Белгрейв-сквер. Кажется, он состоит из...

— Да брось, Ти. Это самая шишикарная тусовка, в которой я участвовал за последние пятьсот

лет, и я собираюсь сделать ее лучшей из лучших...

Приглушенный *хрусь!* указал на то, что Дьявол и вправду решил сделать все, что было в его силах.

Наступило свежее ноябрьское утро. На тихой улице, носившей название Крэнберри-авеню, пели птички, падали листья и завтракал Тигель. Переежевывая бекон с грибами, он перевернул газету. Привлекшая внимание колонка сплетен заставила его вспомнить о Дьяволе.

Бросив газету в мусорное ведро, он вытер рот салфеткой и направился в гостевую спальню.

Представшая взору сцена поражала хаосом. По всей комнате валялись бумажные шляпы, воздушные шарики и серпантины. Пустых бутылок было еще больше. Сам Дьявол, все еще облаченный в запасной фрак Тигеля, лежал поперек кровати и громко храл.

— Пора вставать! — бессердечно крикнул Тигель.

Эффект превзошел ожидания. Дьявол взмыл в воздух на два фута и тут же упал, ухватившись за голову. Тирада, которую он выдал, заставила Тигеля покраснеть до ушей.

Тигель повозился немного на кухне и вернулся с чашкой крепкого черного кофе.

— Держи.

— Ай! Не так громко. — Дьявол шумно отхлебнул. — Так-то лучше. А что было вчера вечером?

— Ты смешал водку и зеленый шартрез.

— Ой!

— Вот именно. А теперь ноги... в смысле, копыта в руки — и вперед! Церемония открытия Ада начнется в полдень.

— Но я не могу... Ай!

— Извини, но надо. Придется пить кофе галлонами и терпеть. Пошли!

Джазовая мелодия эхом отражалась от стен Ада. Поп-музыка разносилась по темным коридорам, смешиваясь со щелканьем игровых автоматов. Эспрессо тек реками. Визг разгоряченных мотоциклов перемежался воплями бандитов — как призрачных, так и человеческих (гитарное бренчание, например). Рост популярности Ада мог соперничать разве что с ростом суммы на дьявольском банковском счету.

Сам Дьявол, сидевший на высоком балконе, прилепленном к стене Ада, налил себе стакан воды и принял три таблетки транквилизатора.

Бушевала буря. За последний месяц Северное полушарие планеты охватили грозы, не имевшие себе равных в истории человечества. Метеорологи проводили все рабочие дни за изучением зерен, водорослей и других артефактов для гадания, но даже они были вынуждены признать, что находятся в полной растерянности.

Сидя в большом кабинете своего нового загородного дома, Тигель подбросил в камин еще одно полено и поудобнее устроился в кресле. Буря и не думала утихать.

Его совесть — по необходимости самая крепкая и непрошибаемая в Европе — тем не менее его

мучила. С этим предприятием Аида что-то было не так. Конечно, не в денежном отношении, поскольку комиссионные за последние три недели оказались чрезвычайно щедрыми, на что ясно указывали загородный дом, две машины, пять скаковых лошадей и одна яхта.

Ад имел большой успех. Туда стекались самые влиятельные люди, его одобрили представители высших политических кругов.

Но что-то было не так. И это было как-то связано с сильными грозами.

Где-то внутри его сознания маленький Тигель, оснащенный крыльями, нимбом и арфой, неистово прыгал по совести Тигеля. Вдали пророкотал гром.

Бум!

Дьявол появился неожиданно. Он выглядел очень взволнованным и немедленно устремился к бару. Налив себе настойки белладонны, Дьявол повернулся к Тигелю.

— Это невыносимо! — возопил он. Руки его дрожали.

— Невыносимо что?

— Все! Они превратили мое жилище в сумасшедший дом! Шум! Шум! Шум без конца! Я нормально выспаться не могу! Ты хоть понимаешь, что я толком не спал уже две недели? Эти бесконечные вопли подростков...

— Так, секундочку! Хочешь сказать, они тебя терзают?

— Очень смешно!

— Почему бы тебе не закрыть Ад на некоторое время и не отдохнуть?

— Я пытался. Небеса ведают...

Бум!!

— Я пытался! Думаешь, получилось? Нет! На меня накинулась кучка каких-то головорезов и принялась угрожать мне «навалить», если я попытаюсь закрыть их ревущий рай...

БУМ!!

— Я шагу не могу ступить, чтобы меня не окружили дикие орды охотников за автографами! Я ведь теперь знаменитость! Ни секунды покоя! В Аду теперь сущий ад! — Дьявол упал на колени, по лицу его текли слезы. — Ты должен мне помочь! Спрячь меня! Сделай хоть что-нибудь! Я прошу тебя, Господи...

Молния расколола Небеса надвое. От грома, многократно усиленного эхом, Тигель вжался в кресло и прикрыл ладонями рвущиеся барабанные перепонки.

Наконец настала тишина.

Дьявол лежал посреди комнаты в круге света.

Затем гром заговорил:

— ТЫ ХОЧЕШЬ ВЕРНУТЬСЯ?

— О да, Господи! Пожалуйста! Мне так жаль! Я за все прошу прощения, за все! И за ту шутку с яблоком, честно!

Стоявший на полке бюст Чарльза Дарвина разлетелся на мелкие осколки.

— Мне так жаль! Забери меня обратно, пожалуйста...

— ИДЕМ.

Дьявол исчез. Бушевавшая снаружи буря прекратилась.

Потрясенный Тигель поднялся с кресла. Ша-

таясь, он подошел к окну и посмотрел на быстро проясняющееся вечернее небо.

Затем из заката появилась Рука Света, поднятая в знак приветствия.

Тигель улыбнулся.

— Не стоит благодарности, сэр. Был рад помочь.

И он закрыл окно.

РАЗГАДКА

Technical Cygnet, 1:10, июль 1964 г.

Этот рассказ я совершенно не помню. Был период, очень давно, когда я фонтанировал идеями, концепциями и сырьими фрагментами диалогов, чтобы посмотреть, не вспыхнут ли они волшебным образом и не превратятся ли в приличный рассказ или роман. Те, из которых ничего не вышло, были безжалостно отправлены в битоприемник (если вы знакомы с этим термином, то, вероятно, провели возле компьютеров столько же лет, сколько и я). Должно быть, я написал «Разгадку» между делом, а потом упорхнул, чтобы попробовать что-то еще.

— Золото? Или в этот раз речь идет о бриллиантах?

Пайкрафт резко обернулся.

— Что за...

Инспектор шагнул через крошечный люк в кабину пилота и неопределенно махнул рукой назад.

— Там достаточно большой парашютный отсек. Однако мне пришлось выбросить твой па-

шют, так что в твоих же интересах внимательно следить за полетом.

Пайкрафт вернул на место рукоятку управления.

— Да я с тебя шкуру спущу, — пробормотал он. — Мало было унизительного обыска в Лемэе, так ты и на мой частный самолет пробрался!..

— Может, уже заткнешься? — ласково предложил инспектор. — Мы здесь вдвоем, так что нет нужды изображать из себя «возмущенного гражданина». Тебе эта роль не идет. — Он закурил сигарету, решив из осторожности воздержаться от того, чтобы предложить одну Пайкрафту. — Йохан Пайкрафт, я задерживаю вас...

— За что? Ты ничего не докажешь.

— ...за контрабанду.

— Какую еще контрабанду?

Рука Пайкрафта медленно соскользнула с сиденья к маленькому бронзовому огнетушителю.

— Пока не знаю. Однако за последние три недели ты на этих потрепанных самолетиках совершил пятнадцать перелетов через горы, внезапно у тебя появилось много денег, и ты — известный контрабандист. И вот я спросил себя: «Густав, откуда у него столько денег?» И я ответил себе: «Густав, дорогой, он просто вернулся к своему обычному занятию, только и всего».

— В Лемэе ты ничего не нашел.

Пальцы Пайкрафта обхватили огнетушитель.

— Точно! Вероятно, ты протащил контрабанду в самолет после обыска. Поэтому, будь так добр, разверни машину и...

Он быстро отступил в сторону, когда тяжелый огнетушитель пролетел через весь салон. Само-

лет резко накренился. Пытаясь его выровнять, Пайкрафт ухватился рукой за центр приборной панели.

* * *

Высоко на склоне заснеженной горы две маленькие фигурки склонились над слабо горящим костром.

Инспектор еще раз взглянул на останки самолета.

— Хорошо полетали...

— Лучше бы разбились. Если нас не добьет холод, то съедят волки.

Несколько мгновений они молча смотрели на костер.

— Что ж, — проговорил инспектор. — Теперь, я думаю, ты можешь мне сказать... Что за контрабанду ты перегонял?

Пайкрафт печально посмотрел на него.

— Самолеты, — ответил он.

КАРТИНА

Technical Cygnet, 1:11, май 1965 г.

Ну ничего себе! Как давно это было! Я очень рад, что никогда не пытался продать этот рассказ, но это еще один случай, когда я играл со словами, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Авторы периодически этим занимаются.

Это было далеко не лучшее произведение искусства.

Художник изобразил небо не тем цветом и, видимо, в попытке скрыть свою ошибку понаделал пятен. Перспектива, если можно так выразиться, была искажена. А подобную растительность не увидишь даже в самом жутком кошмаре. Словом, картина представляла собой некий сюрреалистический адский пейзаж.

Даже рама выглядела так, будто вот-вот развалится.

Тем не менее Джон повесил ее на одну из обитых войлоком стен своей камеры. Какой бы странной и страшной ни была картина, но все-та-

ки она олицетворяла хоть какую-то связь с внешним миром; хоть какое-то напоминание о том, что существуют и другие вещи, кроме еды, сна и нерегулярных визитов врачей. Иногда эти врачи смотрели на него сквозь смотровые отверстия обитой войлоком двери и качали головами.

— Такое не лечится, — говорил один.

— Если только мы не отберем у него эту... картину, — отвечал другой.

— Это его убьет.

— Он убьет себя сам, если мы это не сделаем. Ты же знаешь, что именно она стала причиной его... его...

— ...безумия.

— По-другому и не скажешь. Теперь эта картина — основа его мира. Думаю, она — единственное, в чем он не сомневается. Вчера он сказал, что на картине изображен единственный правильный мир и что мы живем в фальшивом. С таким упрямством ничего нельзя поделать.

— Значит, если он лишится картины, то либо вылечится, либо... умрет?

— Да. Скажу ему об этом завтра, когда приду на осмотр. Возможно, шок от потери придуманного мира его излечит.

Впрочем, излечение представлялось сомнительным. Джон все так же сидел в углу камеры, сгорбившись и задумчиво глядя на картину. Со стороны казалось, что он пытается что-то вспомнить...

Тихие шаги в коридоре заставили его вздрогнуть. Время вышло: они пришли забирать его картину! Он сделал последнее огромное, отчаянное усилие...

И камера сделалась пустой.

Они так и не узнали, куда он делся и как ему удалось сбежать. Девять дней тайна будоражила умы, но со временем забылась.

Врач сохранил картину, повесив ее в своем рабочем кабинете. Он понимал, что подозрение его абсурдно, но никак не мог от него избавиться.

Иногда он разглядывает картину всеми тремя глазами, а потом переводит взгляд за окно — на зеленое солнце, висящее над горизонтом. Он надеется, что ошибся.

Ибо как можно выжить в мире с коричневой землей, зелеными листьями и голубым небом, на котором висит одно-единственное солнце?

ПРИНЦ И КУРОПАТКА

«Детский цикл» Дядюшки Джима, еженедельная газета
Bucks Free Press, 6, 13, 20 декабря 1968 г.

«Детский цикл», опубликованный под псевдонимом «Дядюшка Джим», представлял собой серию из семидесяти с лишним рассказов, написанных в период с 1965 по 1973 г. В настоящий сборник включены два рассказа цикла: «Принц и куропатка», а также «Ринсмангл, гном с Ровной Пустоши».

Давным-давно (так начинаются все сказки) жил-был юный принц — правитель Страны Солнца. Это была славная страна — полная долгих дней под голубым небом. Почти все в ней было либо желтым, либо золотым.

Дома здесь строили из песчаника и крыли золотой черепицей. Желтые нарциссы и лютики обрамляли поля спелой кукурузы, и золота под землей было так много, что им мостили улицы.

На западе этой страны возвышалась горная гряда, где у принца был — я еще не сказал, что

его звали Альфред? — так вот, был у него собственный охотничий домик.

Однажды он охотился со своими рыцарями на оленей, и вдруг лошадь понесла его прочь сквозь густой сосновый лес, пока звуки охоты совершенно не затихли. Принц натянул поводья и стал успокаивать своего скакуна.

К тому времени, когда ему это удалось, он оказался в незнакомой части лесистой горы — на краю широкой поляны. Он понял, что случилось с его лошадью — под подпругу седла попала острые колючки. И пока он вытаскивал ее, прямо в центр поляны выскоцил олень.

Это было то самое животное, на которое он охотился. Но, прежде чем он успел дотянуться до лука, из-за деревьев с шипением вылетела серебряная стрела и убила оленя.

«Ай-яй-яй! — подумал принц. — В моих горах завелись браконьеры!»

Из-за деревьев выехал отряд рыцарей на белых конях и в серебряных доспехах. Возглавляла их светловолосая принцесса в серебристом одевании.

Стоит ли говорить, что в тот миг она показалась Альфреду самой милой, самой хорошенкой, самой прекрасной (и так далее) из всех принцесс, которых ему когда-либо доводилось видеть — даже несмотря на то, что ее волосы были более волос его бабушки.

Рыцари подобрали убитого оленя и поскакали прочь, а Альфред, разумеется, последовал за ними. Вскоре он понял, что оказался на другой стороне горы.

И вот что он увидел в свете заходящего солнца: над землей по ту сторону гор висела большая серебристая луна. Вся земля сияла серебром, в траве росли серебряные цветы, а вдали ехала его принцесса.

— Что это за место? — удивился принц вслух.

На дереве над его головой кто-то кашлянул и ответил:

— Страна Луны, разумеется.

Поглядев вверх, принц увидел, что стоит под старой дикой грушей, почти лишенной листьев, с сучковатыми ветвями и высохшими плодами. На самой нижней ветке сидела крупная, жирная, уродливая коричневая птица с большими бровями.

— Что за птица говорит со мною? — осведомился Альфред.

— Я куропатка, — ответила птица. — Вернее, Куропатка, Сидящая На Грушевом Дереве. А ты принц Альфред. Девушку зовут принцесса Селена, и если ты хочешь на ней жениться, то придется поухаживать: шоколад, цветы и всякое такое.

— Кажется, у нее и так есть все, что она только может пожелать, — возразил Альфред.

— Как угодно, — ответила куропатка. — Я просто пытаюсь помочь. Только скажу, что она

обещала выйти замуж за того, кто преподнесет ей на Рождество подарок, который танцует, скачет, играет музыку, бьет ритмы, носит ведра, шипит, откладывает яйца, может уместиться на пальцах одной руки, поет, кудахчет, воркует, играет бровями и приятен на вкус. И все одновременно, прошу заметить.

— Но зачем так сложно? — удивился принц Альфред.

— Ее отец, король Страны Луны, решил, что жениться на его дочери сможет лишь тот, кто сумеет придумать достойный подарок. Видишь ли, у него нет сыновей, так что будущий жених принцессы со временем станет королем этой страны, — поведала куропатка.

— Возможно, в загадке скрыт попугай, — задумчиво произнес принц. — Это на них похоже.

— Император Радужной Страны пытался дарить попугая, — ответила куропатка. — Ничего не вышло.

Принц попрощался с мудрой старой Куропаткой, Сидящей На Грушевом Дереве, и в глубокой задумчивости вернулся домой.

На следующий день он собрал всех дворцовых волшебников, мудрецов и мыслителей и задал им вопрос: что танцует, скачет, играет музыку, бьет ритмы, носит ведра, шипит, откладывает яйца, может уместиться на пальцах одной руки, поет, кудахчет, воркует, играет бровями и приятно на вкус?

— Высказывайтесь, — добавил он, — а то останетесь без рождественской премии!

— Интересная загадка... — пробормотал один из волшебников.

Но сколько ни бились над ней мудрецы, так и не смогли найти ответа.

Тогда принц устроил большое соревнование с золотым кубком в качестве приза тому, кто ответит на его загадку.

Но несмотря на то что зал дворца до отказа заполнился почтальонами, разбиравшими письма с ответами, и многочисленной очередью из людей, жаждавших выиграть кубок, никто из них не смог придумать ничего похожего на правильный ответ. Принц сел на золотой трон и вздохнул.

Вдруг в самом конце очереди он заметил куропатку. Она пришла пешком, поскольку была слишком толстой, чтобы летать.

— Что ты здесь делаешь? — ахнул принц Альберт.

— Я пришла за призом, — ответила куропатка.

— Ты хочешь сказать, что с самого начала знала правильный ответ?

— Но ты же меня не спрашивал, верно? Впрочем, мне кубок не нужен. То, что мне нужно, легче воздуха и не стоит ничего, но я не скажу тебе, что имею в виду. Во всяком случае, пока.

— Ну и какой подарок я должен преподнести принцессе? — спросил принц Альфред.

— Терпение! — ответила куропатка. — Вначале я хочу встретиться с некоторыми из твоих подданных. Будь добр, позови Королевского Птицелова, Хранителя Королевских Драгоценностей, Мастера Королевской Музыки, самого высокопоставленного лорда твоей страны, главную Королевскую фрейлину и, скажем, четырех крестьян. Они нужны мне, чтобы изготовить подарок. А потом я хочу, чтобы ты нанес визит принцессе и ее отцу и пригласил к моему грушевому дереву в горах.

Принц так и сделал, поскольку ему было очень любопытно узнать, что задумала куропатка. Он отправился в Страну Луны и привел короля, принцессу и множество их рыцарей к дереву.

— Это и есть подарок? — осведомился король. — Груши, может, и приятны на вкус, но и только. Они не поют.

— Секундочку, — ответил принц, с тревогой глядя на дорогу.

— Я не намерен ждать весь день, — сердито сказал король. — Показывай подарок, который ты подготовил для моей дочки, или мы уезжаем.

— Погоди, отец, — вмешалась принцесса Селена. — Кажется, там что-то происходит.

Увидев приближающееся облако пыли, принц Альфред издал радостный возглас.

Теперь можно было разглядеть очень странную толпу.

Во главе ее шел маленький мальчик по имени Берт — сын Королевского Птицелова. В руках он нес три огромные клетки. В одной из них сидели две нахохленные горлицы, в другой — три французские курицы, а в самой большой — все время

бившейся о колени мальчика — четыре маленькие зеленые птички.

На голове у Берта сидела куропатка. Она крепко держалась за его волосы и подавала команды остальным. Ее голос звучал довольно приглушенно, так как она удерживала в клюве пять золотых колец.

За Бертом вышагивал сам Королевский Птицелов, погоняя семерых шипевших лебедей и шестерых ковылявших гусынь. Птицы то и дело путались под ногами у восьми доярок, шедших следом.

Затем ехал большой барабан, толкаемый барабанщиками. За ним не отставали другие восемь барабанщиков, игравших на ходу совместно с десятью волынщиками.

Замыкали шествие одиннадцать лордов на конях с развевающимися мантиями и карета с двенадцатью фрейлинами.

— Вы знаете, что делать, — сказала куропатка, когда шествие добралось до старой груши.

Сморщеные плоды посыпались дождем. Ломая ветки и наступая друг другу на пальцы, все полезли на дерево.

— Скорее, скорее! — командовала куропатка. — Ну что, готовы? Теперь говорите принцессе, что именно мы подарили.

— Двенадцать танцующих дам, — ответили фрейлины с нижней ветки.

— Одиннадцать скачущих лордов, — воскликнули лорды, взмывая вверх и вниз. Скрип! Хруст!

— Десять трубящих волынщиков... Раз, два. Раз, два, три, четыре... — пропели волынщики и завели энергичную мелодию.

— Девять барабанящих барабанщиков! —
Тынц! Бум!

— Восемь доярок с молочными ведрами.

— Ш-ш-ш! Ш-ш-ш! — прошипели семь лебедей, которые очень сердились от того, что не могут уплыть со своих веток.

— Га-га-га! Га-га-га! — прокричали шесть гусянь, откладывая яйца.

— Динь! Тинь! — прозвенели на ветру пять золотых колец.

— Фьюить! Фьюить! — пропели четыре маленькие зеленые птички.

— Ая Ко-ко! — прокудахтали три французские курицы.

— Гули-гули! — проворковали две горлицы.

Все затаили дыхание и уставились на куропатку. Убедившись, что все смотрят только на нее, она взъерошила перья, расправила крылья и голосом противным, как нахадчная бумага, запела:

— И Куропатка, Сидящая На Гррррушеенном... — Шея ее вытянулась, лицо покраснело, она сделала глубокий вдох и задвигала бровями. — Деееерреевее!

Последовавшую тишину разбил хохот короля, сидевшего на коне и утиравшего слёзы смеха.

— Это самое забавное, что я видел за долгие годы, — сумел выговорить он. — Оно действительно делает все, что нужно! Женись на моей дочери во что бы то ни стало!

— Думаю, это прекрасный подарок, — согласилась принцесса.

— Кха, кха, — тактично кашлянула сидевшая на верхней ветке куропатка. — В награду я хочу

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

спеть на твоей свадьбе песню, которую сочинила сама.

— Ну конечно, — ответил принц. — И вообще, я приглашаю всех вас до единого!

Итак, на Двенадцатый День Рождества (так уж вышло) они сыграли большую свадьбу в огромном шатре, установленном возле грушевого дерева в горах, куропатка спела свою песню, и принц тут же назначил ее премьер-министром.

Несколько маленьких волынщиков переели так, что их пришлось отвозить домой на тачках, но принц всех наградил медалями, и все были очень счастливы.

РИНСМАНГЛ, ГНОМ С РОВНОЙ ПУСТОШИ

«Детский цикл» Дядюшки Джима,
еженедельная газета Bucks Free Press,
16 марта — 18 мая 1973 г.

Это одна из тех штучек, которые я обычно писал в вечернее время по четвергам: более ранняя и короткая версия того, что впоследствии превратилось в «Угонщиков». Имя главного героя нашло отклик в более позднем персонаже — волшебнике Ринсвинде, впервые появившемся в романе «Цвет волшебства».

Давным-давно жил гном. Он обитал в дупле дерева, стоявшего посреди Ровной Пустоши — в странной таинственной земле, что простирается к северу от города Блэкбери. Звали его Ринсмангл, и, насколько ему было известно, он был единственным оставшимся в мире гномом.

Он не очень-то походил на гнома. Да, он, конечно, носил остроконечную шляпу, как положено гному, но помимо нее на нем был только

потрепанный костюм из мышиных шкурок и старое, довольно вонючее кротовое пальто. Питался он орехами, ягодами, объедками от пикников, а также птичьими яйцами, если удавалось их раздобыть. Словом, жизнь его была суровой и нерадостной.

Однажды он сидел в своем дуплистом дереве и грыз фундук. Снаружи лил дождь, и дерево слегка протекало. Ринсмангл чувствовал боль в суставах.

— Как мне это все надоело! — воскликнул он. — Нет мочи от сырости.

Его услышала сова, жившая на соседнем дереве.

— Тебе стоит покинуть дом и взглянуть на мир, — подлетев ближе, сказала она. — В нем есть и другие места, кроме Ровной Пустоши.

И она поведала ему об улицах Блэкбери и даже более отдаленных местах, где всегда светит солнце и синеет море. Впрочем, сведения ее были не вполне точны, поскольку узнала она их от черного дрозда, который слышал рассказы ласточки, отдыхавшей там на каникулах. Тем не менее Ринсмангл пришел в необычайное возбуждение.

С невыразимой скоростью он упаковал все свои пожитки в носовой платок.

— Я ухожу! — воскликнул он. — Туда, где всегда светит солнце! Далеко, говоришь, туда добираться?

— Ну-у, — протянула сова, не имевшая об этом ни малейшего понятия. — Около двух миль, полагаю. Или чуть больше.

— Тогда до свидания! — ответил Ринсмангл. — Счастливо оставаться. Если бы ты умела читать, а я писать, то я мог бы прислать тебе открытку.
Он слез с дерева и отправился в путь.

* * *

Когда гном Ринсмангл двинулся по дороге до Блэкбери, он действительно не понимал, насколько это далеко. Не переставая лил дождь, и вскоре гном продрог.

Через некоторое время он увидел автостоянку, а на ней — припаркованный грузовик, водитель которого наверняка ушел пообедать. Ринсмангл частенько наблюдал, как грузовики проезжают мимо его дерева, поэтому нисколько не удивился. Он забрался на колесо и заглянул под брезент в поиске теплого местечка для сна.

Грузовик был полон картонных коробок. Надорвав уголок одной из них, Ринсмангл обнаружил множество твердых жестяных банок — ужасно неудобных для сна.

Тем не менее он задремал — ровно в тот момент, когда грузовик тронулся, чтобы продолжить путь до Блэкбери.

Проснулся Ринсмангл от сильного грохота, который вскоре прекратился. В коробке было абсолютно темно. Немного подождав, он осторожно выглянул наружу.

Первое, что он увидел, был еще один гном.

— Привет, — сказал гном. — Там что-то интересное? Кажется, консервы с печеными бобами. Слушай, помоги достать банку!

Совместными усилиями они принялись терзать картонную коробку, пока оттуда не выкатилась одна из банок. Коробка стояла на верхней полке стеллажа, но другой гном вскарабкался на нее легко, как опытный альпинист. Банку они спустили вниз на куске нити.

— Меня зовут Перьеголовый, — представился гном. — Ты здесь недавно, правильно? Только что из деревни?

— Вообще-то я думал, что я единственный гном во всем мире, — признался Ринсмангл.

— Что ты, нас здесь полно! Кому захочется жить в дупле дерева, когда можно поселиться вот в таком универмаге?

За разговором они выбрались из кладовой и отправились в путь, катя перед собой жестянную банку. Магазин, конечно, закрыли на ночь, но кое-где еще горел свет. Один раз они чуть не попались dame, мывшей пол, и пришлось прятаться. Но после долгого и трудного подъема по лестнице Перьеголовый привел Ринсмангла к жилищу гномов.

Гномы выстроили себе дом под досками пола — между магазином игрушек и отделом строительных товаров. А еще они... скажем так... «одолжили» множество сегментов железной дороги из магазина игрушек и собрали нечто вроде подпольного метро до самого ресторана. Они даже установили телефонную связь между колонией и гномами, жившими двумя этажами ниже — в отделе мужских костюмов. Конечно, увиденное потрясло Ринсмангла. Когда он во-

шел в дом гномов вместе со своим новым другом Перьеголовым, толкая перед собой банку с печеными бобами, он почувствовал себя не в своей тарелке. Гномы жили в маленьких картонных домиках под половицами — с просверленными в них отверстиями для света. Перьеголовый вкатил жестянку в дом и закрыл за собой дверь.

— А тут намного лучше, чем в старом дуплистом дереве, — озираясь, заметил Ринсмангл.

— Должно быть, все в ресторане, — пробормотал Перьеголовый. — Между прочим, здесь живут около трехсот гномов. Откровенно говоря, я не очень-то понимаю, зачем ты мучаешься в дупле! Большинство гномов уже много лет обитают в закрытых помещениях!

Он провел Ринсмангла вдоль пола, затем они пролезли через дыру в кирпичной стене и оказались на очень узком уступе. «Здесь у нас лифт», — пояснил Перьеголовый. Конечно, гномам удавалось воспользоваться большим лифтом, но для удобства на краю шахты они соорудили другой — поменьше, приводившийся в движение заводным механизмом.

После долгого спуска во тьме они прибыли в отдел мужских костюмов. Он был ярко освещен. Несколько гномов работали на гигантской швейной машине.

— Добрый вечер! — крикнул один из хлопотливых гномов, потирая руки. — Привет, Перьеголовый! Чем могу помочь?

— Мой друг одет в кротовые брюки, — ответил Перьеголовый. — Вы не могли бы сшить ему

что-нибудь изящное из твида? Мы не можем допустить, чтобы гном выглядел так, будто только что вылез из гриба!

Гномы-портные стали трудиться не покладая рук. Они сшили Ринсмангу костюм из квадратика ткани, позаимствованного из каталога образцов. Остатков хватило даже на запасной жилет.

Перьеголовый повел Ринсмангла обратно под половицы, а потом в отдел игрушек, где большинство гномов проводили ночь (отсыпались они днем, пока магазин работал). Все лампы ярко горели. Два гнома затеяли гонки на игрушечных автомобильчиках вокруг выставочных стендов. Другие гномы, разбившись на две команды, устроили на большом настольном футболе товарищеский матч. Собравшаяся толпа зрителей пищала от возбуждения.

— Неужели люди никогда не приходят сюда ночью? — осведомился немного шокированный Ринсмангл. — Я к тому, что... разве вы не выставляете дозорных и все такое?

— О, после уборщиц сюда вообще никто не заходит, — ответил Перьеголовый. — Весь магазин принадлежит только нам!

Но гном ошибся. Дело в том, что работники универмага уже давно заметили, как по ночам исчезает еда и с места на место перемещаются вещи. Однако они были разумными людьми и не верили в гномов. Поэтому купили кота.

Ринсмангл увидел его первым. Оторвав взгляд от футбольного поля, он заметил огромный зе-

леный глаз, пристально наблюдавший через приоткрытую дверь. Ринсмангл никогда не видел кошек, но это чудище было похоже на лису. А кто такие лисы, он знал не понаслышке.

— Спасайся, кто может! — завопил он что есть мочи.

Кот толкнул дверь, и в этот раз его заметили все. Пронзительно и тревожно закричав, несколько гномов откатили ковер и раскрыли люк в подземное жилище, но было слишком поздно. Кот скачками вбежал в комнату и уставился на гномов.

— Стойте где стоите, — прошипел Ринсмангл. — Он схватит вас, если вы побежите!

К счастью, все гномы замерли — возможно, из-за того, каким тоном это было сказано. Быстро поразмыслив, Ринсмангл бросился к одной из игрушечных машин. Кот попытался его догнать, но гном уже газанул с места.

Он не очень хорошо управлялся с рулем, но тем не менее сумел выехать из отдела игрушек, прежде чем врезаться в витрину. Быстро выскочив из перевернувшейся машины, он вскарабкался на стебель растения в горшке ровно в тот момент, когда кот бросился к нему.

Гном Ринсмангл вскарабкался на растение в горшке ровно в тот момент, когда кот стремглав помчался за ним. С самого верхнего листа ему удалось перескочить на полку. Затем он побежал к стопке фарфоровых тарелок и спрятался за нею, уронив, к сожалению, несколько из них на пол.

Примерно через полчаса коту надоело ждать, и он побрел прочь. Ринсмангл осторожно спустился вниз.

Когда он вернулся в жилище гномов под досками пола, там царил настоящий хаос. Некоторые семьи собирали пожитки, другие о чем-то шумно спорили.

Перьеголового он застал укладывающим свои вещи в старую банку из-под чая.

— О, привет! — сказал Перьеголовый. — Ловко ты придумал отвлечь кота!

— А что ты делаешь?

— Ну... ведь теперь, когда у них есть кот, мы же не сможем оставаться здесь, верно? — проговорил Перьеголовый.

Кот стал лишь частью свалившихся на них бед. В ту же ночь к ним поднялся сторож, обычно дежуривший на первом этаже. Увидев на полу сломанные вещи, он немедленно вызвал полицию.

Весь следующий день взбудораженные гномы пытались уснуть, и, когда магазин закрылся на ночь, главные гномы созвали всех на срочный совет. Им оставалось только уходить — в этом не было сомнений. Но куда?

И тогда Ринсмангл встал и сказал:

— А почему бы вам не вернуться назад на природу? Ведь гномы когда-то жили там.

Все потрясенно затихли. Наконец один толстый гном возразил:

— Но здесь такая чудесная еда... А за городом водятся дикие звери. Я слышал, они даже хуже кошек!

— Кроме того, — добавил кто-то еще, — как мы туда попадем? Нас тут триста! А до природы много миль!

В этот момент в помещение ворвалась парочка встревоженных гномов, тащивших за собой блюдце с синим порошком. «Оно странно воняет!» — воскликнули они. Блюдце было найдено в ресторане.

Ринсмангл принюхался.

— Это яд, — произнес он. — Они думают, что мы — мыши! Говорю вам, если мы не уберемся отсюда как можно скорее, нас всех убьют!

— Думаю, он прав, — сказал Перьеголовый. — Но как нам уйти? Представьте, сколько дорог нам придется пересечь!

С каждым днем положение гномов становилось все хуже и хуже. После того как люди расходились по домам, в магазине, кроме кота, оставались сторожа, бродившие теперь по этажам. Гномы едва осмеливались выходить наружу.

Но, несмотря на очевидную нависшую над ними опасность, они никак не могли придумать, как уйти. Никому не хотелось оказаться в городе со всеми его опасностями. Каждый день в магазин заезжали грузовики с товарами, но далеко не все гномы готовы были стать безбилетниками — ведь никто не знал, куда их занесет.

— Нам так много придется брать с собой! — стонал Главный Гном, сидевший с печальным видом на пустой катушке из-под ниток. — Веревки, одежду, кучу других вещей! А еще еду. Иначе многие молодые гномы не продержатся на приро-

де и пяти минут. Ты же видишь, какая у нас была легкая жизнь!

Ринсмангл почесал в затылке.

— Согласен, но рано или поздно все равно придется решиться. А где Перьеголовый?

Перьеголовый — тот самый гном, у которого остановился Ринсмангл, — тем временем организовал набег на книжную секцию в надежде отыскать литературу о жизни на природе.

Группа усталых гномов вернулась ближе к рассвету, волоча за собой большой бумажный пакет.

Но в нем лежала всего одна книга, не имевшая никакого отношения к жизни на природе. Ринсмангл посмотрел на нее долгим взглядом.

— «Самоучитель езды на автомобиле», — прочитал он название. — Хмм...

Открыв с некоторым трудом книгу, он увидел большое изображение органов управления автомобилем. Воцарилось долгое молчание.

Наконец Главный Гном сказал:

— Все это, конечно, очень интересно, но я не думаю, что ты достаточно большой, чтобы управлять хоть чем-нибудь!

— Это да, — согласился Ринсмангл, — но все же... Перьеголовый, ты можешь показать, куда здесь на ночь ставят грузовики? У меня появилась одна идеяка...

Ранним вечером следующего дня два гнома добрались до большой подземной автостоянки, на которой парковались грузовики универмага.

Путешествие заняло довольно много времени, поскольку книгу они тащили за собой по очереди.

На то, чтобы изучить грузовик, потребовалась целая ночь. В отдел игрушек они вернулись только под утро — очень усталые и испачканные машинным маслом.

Ринсмангл собрал гномов вместе.

— Думаю, мы сможем покинуть это место со всеми вещами, — объявил он. — Но для этого надо потрудиться. Видите ли, придется ехать на грузовике.

Чтобы научить гномов управлять автомобилем, он нарисовал множество схем и чертежей. Сотня гномов станут поворачивать руль, дергая за веревки, а пятьдесят возьмут на себя рычаг переключения передач. Другие группы гномов будут жать на педали, когда это необходимо, а еще один гном заберется на зеркало заднего вида, откуда будет подавать команды через мегафон.

— Выглядит несложно, — заметил Ринсмангл. — Судя по всему, вождение — это всего лишь толкание и вытягивание нужных вещей в нужное время.

Один пожилой гном встал и нервно воскликнул:

— А я не уверен, что у нас получится! Мне кажется, за рулем должен быть кто-то побольше.

Но многие молодые гномы восприняли идею с энтузиазмом, и работа закипела.

Весь остаток недели гномы были очень заняты. Гномы помладше выкрали веревочные обрывки из отдела скобяных изделий и несколько раз сходили к грузовикам, чтобы сделать замеры и прикинуть, как лучше организовать управление. Старшие гномы тем временем скатывали пожитки вниз

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

по этажам, пока все они не скопились в потолке над гаражом.

Тщательно отобранный гномов-альпинистов выяснила, где именно находится ключ от грузовика (оказалось — высоко на крючке в маленьком офисе). Ринсмангл в это время изучал дорожные карты и гадал, что такое «Правила дорожного движения».

Наконец день выезда настал.

— Мы должны действовать быстро, — сказал Ринсмангл, когда последний продавец покинул здание. — Прямо сейчас. Бегом!

Пока гномы спускали свои пожитки с потолка гаража в кузов грузовика, Ринсмангл во главе передового отряда гномов проник в кабину через отверстие у педали тормоза.

Для них это было все равно что очутиться оказаться в большом пустом зале. Руль казался огромным и слишком высоким.

Встав друг другу на плечи, гномы выстроились в живую пирамиду. Взобравшись на спину самого верхнего гнома, Ринсмангл сумел перебросить конец веревки через рулевое колесо. Вскоре они закрепили несколько веревочных лестниц и приступили к работе.

Согласно плану, рулить они должны были двумя веревками, привязанными к рулю, усилиями пятидесяти гномов на каждой. Пока разбирались с этой частью управления, вторая группа гномов соорудила нечто вроде платформы у ветрового стекла — достаточно большой, чтобы Ринсмангл мог стоять там и отдавать приказы через мегафон.

Подходили и другие гномы, которых Перьеволосый распределял по разным позициям. Вскоре вся кабина оказалась увешана веревочными лестницами, блоками, а также временными деревянными платформами, на которых, держась за рычаги и веревки, висели многочисленные гномы.

Наступил самый волнующий момент — когда два мускулистых гнома подняли ключ и всунули его в замок зажигания. Совместными усилиями они повернули его, и зажегся свет.

— Ну что ж, — произнес Ринсмангл, окинув взглядом замершую в ожидании толпу. — Нам предстоит непростое дело, так что давайте начинать.

Перьеволосый присоединился к нему на платформе, затащив туда же «Самоучитель езды на автомобиле» и карту улиц Блэкбери.

— По команде «Заводи!» ответственные за кнопку стартера хорошенко прижмут ее, а группа... э-э-э... акселератора ненадолго нажмет на педаль, — неуверенно разъяснил задачу Ринсмангл. — Гномам, управляющим сцеплением и рычагом переключения передач, — приготовиться! Заводи!

Конечно, получилось не сразу. Прошло довольно много времени, прежде чем гномы поняли, как завести грузовик правильно. Но в конце концов двигатель заработал, и вся кабина загудела, как гонг.

— Включить фары! Сцепление вниз! Первая передача! — крикнул Ринсмангл, перекрывая шум двигателя.

После нескольких жутких скрежетов огромный грузовик тронулся вперед.

— А как насчет гаражных ворот? — запоздало выкрикнул Перьеголовый.

Грузовик неумолимо двигался дальше. Раздался сильный грохот, и они оказались на улице.

— Руль влево! — хрипло заорал Ринсмангл. — Теперь выровнять!

На несколько минут кабина наполнилась криками и стуками, пока гномы жали и тянули органы управления. Грузовик мотало из стороны в сторону, несколько раз он заезжал на тротуар, но, по крайней мере, продолжал ехать. Ринсмангл осмелел настолько, что даже отдал команду переключить передачу.

Грузовик рыскал и грохотал по темным улицам Блэкбери, иногда задевая бортами фонарные столбы. Время от времени с жутким лязгом переключались передачи.

Управлять им было не просто. К тому времени, когда до ушей нижних гномов долетала команда Ринсмангла, обычно бывало уже слишком поздно. Хорошо еще, что в это время на улицах почти не бывает машин, иначе они непременно бы попали в неприятную аварию.

Прокочив перекресток на красный свет, они выехали на главную улицу Блэкбери, сбив по дороге чей-то почтовый ящик. Перьеголовый глядел в огромное зеркало высоко над ними, в котором отражалось то, что происходит сзади.

— Там машина с большими мигающими синими фонариками, — сказал он как бы между прочим. — Слушай! Кажется, на ней воет сирена...

— Я уверен, что это для красоты, — ответил Ринсмангл, который на самом деле даже не вслу-

шивался. — Эй, гляди! Мы выехали на прямую дорогу из города. Пора переключаться на верхнюю передачу!

Раздался глухой удар и скрежет, но гномы уже набрались опыта, так что грузовик со свистом помчался дальше, по-прежнему рыская из стороны в сторону.

— Машина с мигающими фонариками все время пытается нас обогнать, — доложил Перьеволосый. — Ух! Мы на нее чуть не наехали.

Он вытянул шею и приглядился еще раз.

— Там внутри два человеческих существа в фуражках. Ух! Кажется, они разъярены.

— Наверное, кто-то расстроился из-за всех этих фонарных столбов, которые мы сбили. Должно быть, так делать нельзя, — предположил Ринсмангл.

К сожалению, в этот момент он отвлекся и перестал смотреть на дорогу.

Грузовик с грохотом соскочил с дороги и проехал прямо через живую изгородь. За нею оказалось вспаханное поле, и гномам пришлось крепко вцепиться в веревки, когда кабину сильно затрясло.

Полицейская машина с визгом остановилась. Двое в фуражках выскочили из нее и с криками побежали за грузовиком по полю.

Грузовик сломал еще одну изгородь и вспугнул стадо коров. Ринсмангл посмотрел в окно. Впереди был лес, а за ним тянулись к небу вересковые склоны Ровной Пустоши.

— Приготовиться покинуть грузовик! — крикнул он.

Машина углубилась в лес и заглохла посреди густых зарослей ежевики. Внезапно стало очень тихо.

В следующие очень напряженные пять минут гномы выгружали свои пожитки из кузова грузовика. К тому времени, когда до них добежали полицейские, гномы уже скрылись с глаз. Ринсмангл и Перьеволосый сидели на высокой ветке ежевики и смотрели, как вокруг брошенного грузовика ходят озадаченные мужчины. Покопавшись в кабине и не обнаружив там ничего, кроме маленьких веревок и лестниц, они побрали прочь, о чем-то споря.

Когда полицейские окончательно ушли, гномы повыползали из своих укрытий и собрались вокруг Ринсмангла.

— Отсюда до Ровной Пустоши всего несколько сотен ярдов, — объявил он. — Предлагаю день переждать здесь и следующей ночью тронуться в путь!

Гномы разожгли костры и принялись готовить завтрак. Многие задавались вопросом, каково это — снова поселиться на природе после столь долгого пребывания в городе. Конечно, многие малыши (я имею в виду тех, кто был даже меньше, чем средний гном) ждали этого с предвкушением. Но все уже понимали, что предстоит много тяжелой работы.

На следующее утро браконьер, вернувшийся домой к завтраку, рассказывал жене, что видел множество маленьких огоньков, карабкавшихся вверх по склонам Пустоши. Она не поверила ему, но, возможно, поверишь ты?

ДЫШИТЕ КОРОТКО И ЭКОНОМНО

Газета Bath and West Evening Chronicle,
9 октября 1976 г.

Неумолимый поток времени размыл память о том, что именно побудило меня написать эту вещичку. Вероятно, идея возникла после того, как я прослушал слишком много незрелых идей от слишком многих незрелых политиков, которые во что бы то ни стало пытались проявить отеческую заботу, но удивительным образом все портили. Такие существуют по сей день.

**Обращение достопочтенного
Данкане Необузданного, члена Парламента,
новоизначенного Верховного главы
министерства Свежего воздуха**

Добрый вечер. (делает глубокий вдох)

Как вам уже, несомненно, известно, Британия столкнулась с воздушным кризисом угрожающих масштабов. В некоторых районах запасы свежего воздуха иссякли до угрож... нет, это слово я уже говорил... до критических уровней. Почему так,

спросите вы? (*подходит к доске с диаграммой, стоящей за креслом*)

Много лет мы были уверены в регулярных поставках свежего воздуха из Атлантики. Но, к большому сожалению, спрос уже превысил предложение. Отдельные граждане (*тычет в маленькие черные цифры на диаграмме*) настаивают на своем праве дышать без ограничений, лишая тем самым воздуха всех остальных людей.

(*строго стучит указкой по диаграмме*)

Правительство хорошо осведомлено об этой проблеме примерно с обеда, вследствие чего я обращаюсь к вам в качестве нового Верховного главы министерства Свежего воздуха вместо того, чтобы председательствовать в Подкомитете чайного столика Палаты Общин. Ведь даже нам, политикам... ха-ха... приходится дышать, хотя, конечно, некоторые из нас дышат медленнее, а другие быстрее.

Несмотря на то что, к сожалению, жителям Южного Уэльса и промышленных районов Мидленда дозволено дышать только по восемь часов в день, в то время как Шотландия и Юг имеют достаточные запасы свежего воздуха, перераспределение воздушных масс обошлось бы нам слишком дорого.

Однако в настоящий момент рабочая группа в строгом соответствии с политикой Правительства рассматривает вопрос о принятии закона, который обяжет жителей районов с избытком свежего воздуха в строгом порядке носить противогазы, наполненные бутилированным смогом. Демократия есть демократия.

Согласно заключению метеорологов, на то, чтобы пополнить запасы свежего воздуха, нам понадобится ветер скоростью сто миль в час, дующий в течение трех месяцев подряд. Но что мы совместными усилиями можем предпринять уже сейчас?

Вот как вам надлежит поступать:

— Дышите очень медленно. Сотрудники нашего министерства уже готовят подробную инструкцию.

— Эксплуатация любых помп, вентиляторов и ветряных мельниц строго запрещена. Штраф за нарушение — 400 фунтов стерлингов. Все излишки свежего воздуха должны быть направлены в главные отрасли промышленности. Помните: для изготовления одной автомобильной шины требуется четыре миллиона кубических футов воздуха, а для производства одного кубического дюйма коврового покрытия — не менее двух тысяч микропузырьков.

— Страйтесь дышать неглубоко. Вместо этого лучше принять холодную ванну... простите... я хотел сказать, лучше обильно обтереться слюной. Министерские кошки уже готовят видеодемонстрацию.

— Засуньте в нос кусочки кирпича.

— Выдыхаемый вами воздух можно использовать для надувания шаров, шин, согрева рук и охлаждения каши.

Если мы все вместе будем следовать этим простым правилам, то уже в скором времени сможем выпятить грудь и с гордостью заявить, что британская смекалка и приспособляемость одержали очередную победу. Благодарю за внимание. (медленно выдыхает)

СКАЗАНИЕ О ГЛАСТОНБЕРИ

Газета Bath and West Evening Chronicle,
16 июня 1977 г.

На самом деле я горжусь этой вещью, в ней есть немалая доля правды. Отчетливо помню, как однажды солнечным вечером я возвращался домой из Бата и подобрал первого попутчика. А затем к нам присоединились еще несколько автостопщиков, направлявшихся в Гластонбери. Действительно, оглядываясь назад, я понимаю, что почти все мною написанное так или иначе имеет основу в реальном мире. Но, как говорил еще Марк Твен — «я всего лишь немного подсвечиваю случившееся то тут, то там». Только сказал он это по-американски. Я определенно помню дым, валивший из-под моего фургона, и то, как спешно опускал оконное стекло, не отводя взгляда от направлявшегося ко мне Господина Полицейского. Как бы то ни было, доехав до Гластонбери, я открыл заднюю дверь фургона и увидел там некую призрачную дымку, на которую, впрочем, никто не обратил внимания. Потом последовал ряд более приятных и лучших дней. Так что, если вдруг найдется кто-то из тех,

кого я тогда подвез, то буду рад получить весточку. Впрочем, полагаю, сейчас они весьма занятые люди — работают премьер-министрами или кем-нибудь в этом роде.

Мчал фургон однажды (водителем был я),
Спешил домой к закату трудового дня.
Вдруг где-то возле Бата взметнулася рука,
И я увидел хиппи — автостопщика.
Стоял он у дороги, страдая от жары.
И вид его был жалок, и волосы мокры.
Уже он был не молод, вернее — не совсем.
И что устал он очень, внушал он видом всем.
«Мне в Гластонбери нужно». «Запрыгивай
скорей!» —
Сказал я, и улыбка его стала теплей.
«Ништяк! — он мне ответил. — Голосовать —
отстой»,
Соорудив цигарку со странною травой.
А после он поведал, как завтра провести
День так, чтобы надолго экстаз приобрести.
И «Фестиваль семерок»¹, и Тор², само собой —
Космических преданий там хватит с головой.

¹ Неподалеку от города Гластонбери (Великобритания) с 1970 года проводится Гластонберийский фестиваль современного исполнительского искусства (англ. Glastonbury Festival of Contemporary Performing Arts, часто сокращаемый до Glastonbury или Glasto). Мероприятие с первых лет своего существования получило репутацию «британского Вудстока» и традиционно считается одним из главных событий музыкального года в Британии. Фестиваль в Гластонбери славится прежде всего своими рок-концертами, однако в рамках его проходят также многочисленные

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Но, пару миль проехав, вновь тормозить
пришлось —

Еще четыре путника к обочине плелось.
Дорогой утомленный, печален был их вид,
И в воздухе носился уныния флюид
Промеж них. Я закинул назад их скучный скарб —
Три рюкзака, палатку и парочку гитар.
Один уфолог был, другой сказал, что сеть
Геомагнитных точек есть, и можно рассмотреть
Скопление их в Гластонбери. А девушка одна
В глубины астрологии была погружена.
«Ты же весы?». «Нет». «Овен?». «Нет».

«Не верится, ведь я
Не ошибаюсь никогда», — сказала мне она.
«Наверное, ты дева?». «Нет». Затем, подумав:
«Лев?

Или, быть может, скорпион?» — спросила
нараспев.
«Рак?.. Рыбы ты?.. Телец?» «О да», — я отвечал.
Подобный колокольчику смех женский
прозвучал.

выступления танцевальных, фольклорных, театральных и цирковых коллективов, устраиваются художественные экспозиции. «Фестиваль семерок» указывает на год написания стихотворения — 1977 г.

² Гластонбери-Тор, или Холм святого Михаила, — естественный холм высотой 145 метров, над которым вздымается средневековая башня церкви св. Михаила, поврежденной землетрясением 11 сентября 1275 года. Издревле Тор связан в народных поверьях с легендами о короле Артуре. В настоящее время холм привлекает внимание оккультистов и исследователей паранормальных явлений, которые признают его за портал в потусторонние миры.

В ладоши хлопнув, леди воскликнула: «Ура!
Опять я угадала!» Но тут еще одна
Девчоночка вся в черном остановила нас.
«Здоровья! — объявила она нам всем тотчас,
В машину забираясь. — Увы, судьба моя
Всегда машины тормозить, поскольку ведьма я».
«Ого!» — сказал искатель сокрытых тайн

в земле,

Представив ведьму голой верхом на помеле.
А я подумал: «Девочка, встречал таких как ты
На многих вечеринках я, и все видел понты.
Сначала по рукам гадаешь ты и много пьешь
С надменным видом, а потом под лестницей
блюешь».

Семь человек в фургоне плюс палатки, рюкзаки...
Вес для подвески старой — отнюдь не пустяки.
Колеса издавали ужаснейший скрежет,
Лишь только — пусть совсем слегка — на тормоза нажмешь.

А дальше вышло то, что я обязан рассказать:
Нам семерым чуть не пришлось взглянуть
судьбе в глаза.

Послушайте, инспектор, я спокойно вел фургон,
Недоуменно слушая таинственный жаргон
Своих попутчиков, и вроде спор их о
Реинкарнации, что для меня темно.
Ибо мне кажется, что если я умру,
То только в виде трупа себя я претворю.
Но это к слову. А теперь скажу я честно вам,
Как получилось, что мы чуть не разбились

в хлам.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Все пассажиры побледнели, чувствуя исход.
Все — сумки, тапки, бусы, шнурочки, бубенцы —
Посыпалось в салоне, как в бочке огурцы.
Сносить машину продолжало, стал молиться я,
Чтоб цифра «семь» не значила приход небытия.
Вскричала ведьма: «Господи!», тем самым
подтвердив:
Не следует чураться и других альтернатив.
Но, наконец, с геройским скрипом
тормознули мы,
Застывши в семи дюймах от большого вымени.

И должен вам сказать как есть, нисколько не тая,
Что Гластонбери всякий раз нервирует меня.
Ужасный мелкий городок скулящих торговцев,
Битком набитый сном понесявших гостей...
Я высадил их возле Тора и надеюсь, что
Нашли они и обрели кусок Земли Святой...
Священной для чего? Не ведаю сего.
Ведь Гластонбери окружает тайный ореол.

**Я атеист и жизнерадостный, но стал вдруг размышлять:
Что же еще, кроме коров, я должен был понять?..**

**ХУЖЕ ДУРАКА
ТОЛЬКО СТАРЫЙ ДУРАК,
СТОЯЩИЙ
В АНГЛИЙСКОЙ ОЧЕРЕДИ**

Газета Bath and West Evening Chronicle,
14 января 1978 г.

Это одна из тех вещей, которые создаются, чтобы выпустить пар. Вы подвергаетесь тому, что покойная Патрик Кэмпбелл¹ называла «жизненными невзгодами», но вместо того чтобы вымещать раздражение на живых людях, изливаете гнев на бумагу во время перерыва на чай — и благополучно об этом забываете. А потом эти записи оказываются здесь.

¹ Стелла Патрик Кэмпбелл (1865—1940) — английская актриса и близкая подруга писателя и драматурга Бернарда Шоу, известная участием в пьесах Уильяма Шекспира, Бернарда Шоу, Артура Пинеро, Мориса Метерлинка, Генрика Ибсена и др. Героиня пьесы «Мильный лжец».

Текст телевизонного выступления достопочтенного Мориса Плясуна — новоизначенного Министра по делам очередей, которое вскоре будет представлено широкой публике.

Добрый вечер! Обратите внимание, как я решительно произнес «добрый вечер». Я не стал тянуть и откладывать на потом. Я пришел и сказал сразу, как есть: добрый вечер!

Многие из вас наверняка зададутся вопросом: зачем нужен Министр очередей? Ну, это же очевидно! В конце концов, на дворе уже (*бросает взгляд на информационную доску позади камеры*) 1978 год — эпоха реактивных двигателей. И мы все должны, ха-ха (*ухмыляется*), как-то примириться с этим фактом и по возможности не сбрендить... в смысле, не свихнуться. Не чокнуться. Не потерять разум.

Наше Правительство в своей неусыпной заботе о гражданах обратило внимание, что многие жители нашей страны слишком долго стоят в очередях. Созданная нами Комиссия Равных Скоростей обязательно примет меры, призванные решить эту проблему. Даже не сомневайтесь.

Взять, к примеру, почтовые отделения. Иногда нам нужна обыкновенная марка за десять с половиной пенни. Естественно, мы идем на почту, встаем там в очередь, но почти всегда прямо перед нами оказывается кретин, желающий отправить посылку с живыми муравьями куда-нибудь в Боливию, обновить права на управление газонокосилкой и готовый ударить любого, кто помешает ему заполнить чудовищных размеров бланк!

Хуже дурака только старый дурак, стоящий в английской очереди

Естественно, все стоящие за нами в очереди немедленно перебегают к трем другим свободным кассам, а этот эгоистичный олух достает кошелек и начинает расплачиваться самыми мелкими монетами! С чрезвычайно самодовольным видом! (*осознав, что до сих пор стоит, министр неловко покашливает, поправляет галстук, садится, приглаживает волосы*)

Извините, немного увлекся. А теперь — банки. Вы идете к стойке быстрого обслуживания обналичить чек, скажем, на десять фунтов, как вдруг внезапно выясняется, что дама, стоящая перед вами, оказывается, желает произвести сложную финансовую транзакцию, для которой требуются множество телефонных звонков и выписки из больших учетных книг.

Естественно, вы бросаетесь к соседней стойке, но в этот момент стоящий возле нее мужчина открывает портфель и вынимает десятки маленьких мешочков с монетами, которые обязательно нужно взвесить и пересчитать!

Сколько раз вы приезжали на железнодорожный вокзал, будучи уверенными, что времени до отхода поезда вполне хватит, и тут же натыкались у кассы на какого-нибудь беззаботного человека, вступающего в длительные переговоры об обратном билете во Владивосток? Причем кассир, вместо того чтобы вежливым движением руки отправить его в конец очереди, вступает с ним в диалог, поскольку этот билет стоит намного больше, чем обычные на электричку до Лондона.

О да! Таких, как он, я примечаю в любой толпе! Он из той породы людей, кто успевает втис-

нуться на автозаправку вперед меня, а затем очень медленно наполняет бак машины из одной-единственной доступной колонки. Казалось бы, нам всем хорошо известно, как заставить эти приспособления для самообслуживания заливать по десять галлонов бензина за секунду, но не таков этот парень! О нет, он теребит заправочный пистолет, словно подозревает в нем попытку утаить несколько капель, а когда наступает очередь оплаты, он вынимает чековую книжку, о-о-очень медленно осведомляется у продавца, какую ставить дату, а затем говорит: «Кстати, извините за беспокойство, у вас есть ремень вентилятора охлаждения для «Остин Трандлер» 1954 года?»

Мало того, он еще и улыбается с невыразимым нахальством. «О да! — думает он самодовольно. — Я первый в очереди. О да, я могу простоять весь день, если захочу. Что мне до чужого зубовного скрежета? Я никуда не тороплюсь, куплю еще пять пинт масла, ветровку с капюшоном, один из этих кошмарных маленьких освежителей воздуха и автомобильную карту Анголы».

А лавки скобяных товаров? Эти паразиты там плодятся как мухи! Вы смирино ждете своей очереди с маленьким пакетом простых гвоздей, а этот гад говорит продавцу: «Извините за беспокойство, мне нужен замок». Перешупав все замки в магазине, он решает сходить домой и снять размеры, а пока: «Вы не могли бы показать мне петли?»

Раньше, если бы вы схватили с прилавка, допустим, 22-миллиметровую медную трубу и как следует стукнули эту сволочь, то наша устаревшая правовая система обошлась бы с вами довольно

Хуже дурака только старый дурак, стоящий в английской очереди

сурово. Но теперь бояться нечего! Отныне, если только они не являются официально зарегистрированными пенсионерами, вы можете поступить с ними так, как они давно заслуживают! Пусть не ходят никуда и не жалуются. Это их как следует проучит!

Я вам так скажу: что толку находиться у власти, если ты не можешь ею воспользоваться! Господи, как я их ненавижу. Сколько часов я провел, стоя позади женщин, которые открывают одну сумку, в ней открывают другую сумку, потом открывают ридикюль и достают оттуда кошелек, а из него достают деньги, чтобы заплатить... (вмешивается чей-то голос: «Вы собираетесь говорить всю ночь? У меня простой блок новостей, а вы находитесь в эфире уже двадцать минут! »)

Спасибо. Доброго всем вечера.

КУ-КУ, МЕНЯ ЗАМЕНИЛИ ПТИЧКОЙ

Газета Bath and West Evening Chronicle,
8 апреля 1978 г.

Честное слово, на меня нахлынули воспоминания. Когда в добрые старые времена я работал в ежевечерней газете Бата, моим обычным рабочим местом стал сарай — самый настоящий, довольно дешевый садовый сарайчик, расположавшийся (если я правильно помню) на крыше напротив окон комнатахи, служившей рабочим местом для девушек с телевидения, которые ни за что не стали работать в сарае (особенно в таком, как мой). Он был настолько ветхим, что когда я случайно сдвинул доску пола в одном углу, то увидел там гнездо с голубями. Я стал их подкармливать. В то время я занимался всякой литературной поденщиной — вроде написания газетных репортажей. Как ни странно, в такой жизни была своя прелесть — если, конечно, вас не раздражает постоянное соседство голубей. И хотя я уже не помню всех подробностей, но могу предположить, что мои маленькие соседи вдохновили меня на написание этой маленькой пьесы.

По сообщению журнала «Радио Таймс» (который не может лгать), русские экспериментировали с голубями, заставляя их выполнять несложные производственные задания на своих фабриках...

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Хочу сказать сразу, что я работаю здесь, на фабрике «Дугвиласгивический инструмент и коллектив» уже 12 лет и никогда не имел нареканий. Я не обращался за визой в Израиль, не проявлял интеллекта и всегда содержал производственную линию в такой чистоте, что с нее можно было есть. Здесь нет другого человека, который мог бы сказать о себе то же самое, а вернее (если говорить напрямую) здесь вообще нет других людей¹.

Я, конечно, понимаю, что, будучи скромным мастером промышленной гигиены третьего разряда, я не вправе критиковать решения, принятые вышестоящим партийным аппаратом (во всяком случае, если не хочу оказаться запертым в стенах Дугвиласгивического института психического здоровья), но я не могу не вспомнить старые времена, когда здесь работало 1300 товарищей рабочих... в смысле, человеческих рабочих... Прошу не воспринимать эти слова за критику работы моих теперешних пернатых товарищей.

Просто я хочу сказать, что на производственной линии теперь не раздаются человеческие голоса — только постукивание тысячи крошечных

¹ Примечание автора: Надо было написать «товарищей», да?

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

клювиков да шелест перьев. Иногда это сводит меня с ума. А взять, к примеру, выезды на природу... Раньше они были очень приятными. Всем коллективом мы ездили на автобусах к Нодиновероградскому сверхморю с несколькими ящищами водки. Теперь все стало по-другому. Очень трудно наслаждаться пикником, когда ты единственный человек на триадцать автобусов, а все остальные товарищи-рабочие сидят в больших плетеных корзинах. Когда мы доеzzаем до места, я, конечно, выпускаю их, но они немедленно улетают домой, оставляя Джованна Джоварисча Простакова с его смешной шляпой и мешком моллюсков в полном одиночестве.

Возможно, я бы не слишком переживал по этому поводу, но когда я решил пожаловаться Старшему надзирающему за промышленной гигиеной, он просто улетел.

В столовой теперь все тоже изменилось. Ведь никто не станет готовить на обед помимо 1300 порций зерновой смеси только одну рыбку с картошкой во фритюре, верно? Вот и приходится или жевать бутерброды, или сидеть вместе со всеми на кормовом насесте, терпеть удары клювами по пальцам и не пикать.

И это я еще не вспоминаю о позорной судьбе фабричной команды по дартсу, унизительном поражении в бильярдной лиге, неприглядной встрече со звездами КГБ на футбольном поле, об ужасном разгроме, устроенном на международном шахматном турнире, и о том случае, когда я попросил делегата из братского Китая не снимать на фабрике шляпу, а он меня не понял.

Ку-ку, меня заменили птичкой

Я высоко ценю идеи, высказанные в газете «Правда»: о том, что в отношении братьев наших меньших мы не станем вести себя как капиталисты, о великом единении всех теплокровных существ в соответствии с истинным марксистским учением и о том, что каждый голубь на заводе освобождает человека, а значит, дает этому человеку возможность строить подводные лодки. Но я ведь, получается, работаю здесь лишь потому, что мои товарищи-рабочие слишком малы, чтобы полы мести!

Кроме того, я хотел бы выразить протест против того, что попугай на коммутаторе не позволяет мне делать личные звонки. А что касается фламинго, работающего в буфете... как думаете, чем он размешивает чай?

Надеюсь, что это сообщение дойдет до вас, поскольку я прикрепил его к ноге одного из моих товарищ по работе, который собирается посетить родственников. Он сказал, что те живут в маленьком гнезде прямо за окнами вашего кабинета.

Заранее благодарю!

С братским приветом,

ТЕРРИ ТЕРРИЯНОВИЧ ПРАТЧЕТТ

PS: Извините, что письмо немного обкусано — здесь только что с облетом побывал главный инженер. Вы же знаете, какими маленькими негодяями могут быть эти волнистые попугайчики.

И ПОМНИ О МОНОЛИТАХ

Газета Bath and West Evening Chronicle,
1 апреля 1978 г.

Примерно в то время, когда был написан этот рассказ, где-то неподалеку от города Фарнем (графство Дорсет) реконструировали деревню Железного века. Я жил не очень далеко от этого места, и у меня были там знакомые. В это воссозданное доисторическое поселение завозили добровольцев и снимали документальное кино о буднях человека Железного века. Правда, ходили слухи, что местные жители втихаря снабжали «древних», довольно одичалых обитателей сигаретами и (если правильно помню) мягкой туалетной бумагой. Ни в коем случае не поручусь за правдивость этих сведений, но, похоже, подобные вещи тогда были в моде, и для работающего журналиста, глядящего на мир сквозь стаю голубей, они вполне могли сыграть роль спускового крючка. Так что, мальчики и девочки, настройтесь на юмор в стиле английского мюзик-холла — и вперед!

Вы ни за что не сможете пройти мимо нас — палеолитической деревни телекомпании HTV! Вернее, сможете, если будете недостаточно внимательны. Попасть к нам довольно просто: идете мимо реконструированной крепости Йоркширского телеканала, поворачиваете налево у стоянки Бронзового века телекомпании LWT, проходите рядом с иберийской деревней «Южного Телевидения», и вот вы уже возле поля, на котором кучка алчных оборванцев строит Стоунхендж по заказу компании «Гранада».

Здесь не так уж плохо, как может показаться на первый взгляд. С тех пор как телекомпания «Бордер» переманила Рона и Аманду в поселение эпохи Темных веков обещанием не заставлять спать в одном сарае с козами, тут остались только мы с Сидом. Старый Том Бойлер покинул нас еще на прошлой неделе. Он сказал, что в принципе не возражает быть Вулуком, вождем Дерзкого народа, но когда настоящий Вулук, вождь Дерзкого народа, ложился отдыхать после утомительного дня, проведенного с кремневым топором в руках, то у него (Вулука, вождя Дерзкого народа) не имелось чертова дизель-генератора на 250 лошадиных сил, ревущего снаружи промокшей дерновой хижины. И ряда дуговых ламп у него в спальне тоже не было!

Не сказал бы, что мне это мешает. Но что на самом деле не дает уснуть, так это регулярные глухие удары и сдавленные крики с соседней площадки, когда у них падает очередной монолит.

Но все не так уж плохо. Я научился делать довольно аккуратные кремневые отщепы, так что на следующей неделе на охоту пойдем мы. Правда, в затея с охотой появился оттенок нечестности — с тех пор как люди из «Гранады» вернулись с куском мраморной говядины и тремя цыплятами в пластиковом пакете. Мне это показалось немногим странным, о чем я и сказал Сиду.

Кстати, Сид — большой дока в этом бизнесе. Год он провел на «древней ферме» при Сассекском университете, затем выпросил место в «Кельтском живом эксперименте» на Radio 3, после чего девять месяцев зарабатывал деньги на реконструкции Силбери-Хилл¹. Он такой опытный, что может выбить медный браслет в мгновение ока, а когда дело доходит до охоты, он просто бежит на ближайшую ферму и угоняет оттуда корову.

Впрочем, типы с телевидения закрывают на это глаза. Мы их вообще почти не видим, поскольку в палеолите не было ванных комнат, а отхожее место сооружали прямо возле хижины. Так что они стоят в отдалении на дороге и снимают нас оттуда длиннофокусным объективом.

Но то, что Сид барыжит сигаретами в соседних деревнях, мне определенно не нравится. На

¹ Силбери - Хилл — 40-метровый искусственный (меловой) курган около Эйвери в графстве Уилтшир, Великобритания. Внесен в список Всемирного наследия вместе с комплексом других неолитических сооружений, среди которых — знаменитый Стоунхендж. Это самый высокий из доисторических искусственных курганов в Европе и один из крупнейших в мире.

днях я заглянул в его соломенный матрас — он битком набит блоками «Бенсон энд Хэджис»¹, зубной пастой, шампунями и рулонами туалетной бумаги. Мне кажется, что это не соответствует духу наших занятий, но Сид сказал, что даже в древние времена торговля имела большое значение и что в деревне Бронзового века ему дают целый фунт стерлингов в обмен на рулончик «Андрекса»².

...Что это было? А, да у соседей опять камень упал. Они определили уже двадцать семь способов, которыми нельзя было построить Стоунхендж. Нет, иди смотреть туда я бы не советовал. В своих экспериментах они потеряли уже пятнадцать жителей деревни, трех операторов и один блок внешнего вещания «Флага отплытия»³.

Спрашивается, что находится там — в недостроенном лагере у пруда? Ну это «Эксперимент Юрского периода» ирландской телекомпании. О да, я знаю, что найти актеров ростом 30 футов с чешуйчатой кожей довольно непросто. Полагаю, им придется соорудить нечто вроде лошадей

¹ «Бенсон энд Хэджис» (Benson and Hedges) — фирменное название дорогих сигарет компании «Галлахер» (Gallaher).

² «Андрекс» — фирменное название туалетной бумаги компании «Скотт Пейпер» (Scott Paper).

³ «Флаг отплытия» («Blue Peter») — по названию синего флага с белым квадратом, поднимаемого перед отплытием судна) — телепрограмма информационного и занимательного характера для детей; передается BBC One с 1958 года.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

пантомимы¹, только в виде динозавров. Если вы понимаете, о чем я. Им *пришлось* взять Юрский период, поскольку все остальные эпохи уже расхватали другие компании.

Ого! Вот это грохот! Таким хижину снести можно!

В этот раз рухнул целый трилитон². Впрочем... все в порядке. Кроме социолога, никто не пострадал. Но вот прошлой зимой, когда мы не могли ходить на охоту, загадочно исчезла целая исследовательская группа из Кильского университета. Кстати, мой вам совет — не ешьте никаких сосисок из Бронзового века.

А теперь, прошу меня простить, я должен немного позаниматься керамикой...

ПРИМЕЧАНИЕ: К данному тексту приложена фотография палаточного городка в доисторическом стиле со стрелками и следующими надписями:

«Кто-нибудь видел, что я сделал с библиотечной книгой?»

«Господи, крысиный суп! Как я его обожаю!»

«Конечно, коза недовольна. Ты сидишь на ее месте».

¹Лошадь пантомимы (есть также коровы пантомимы и другие животные) — театральное представление лошади или другого четвероногого животного двумя актерами в одном костюме.

²Трилитон (трилит) — один из видов неолитических памятников-мегалитов, представляющий собой три больших камня, установленные в виде ворот или врытые в землю параллельно друг другу.

«Я изобрел набор «Сделай друида сам!».
«Осталось всего пять месяцев, три недели и четыре дня».

«Прошу воспользоваться нашей навозной кучей».

«Эх, сейчас бы не помешал «Пойнтс Уэст»!¹

¹ Речь идет о книге Points West («Указывает на запад») американской писательницы Берты Маззи Синклер (1871—1940 гг.), писавшей романы, рассказы и сценарии об американском Старом Западе и повседневной жизни ковбоев.

ВЕРХНИЕ МЕГИ

1986 г.

Короткая история, которая потом выросла в «Бесконечную землю». «Верхние Меги» поначалу представляли собой небрежные наброски, что я писал от нечего делать после того, как отоспал «Цвет волшебства» моему тогдашнему издателю Колину Смайту. Постепенно я начал представлять себе сюжет в мельчайших подробностях и даже хотел начать цикл коротких рассказов. Но пока я баловался с этой идеей, роман «Цвет волшебства» необыкновенным образом стал очень популярным и гораздо более успешным, чем любая из моих предыдущих работ.

Что оставалось делать скромному автору, перебивающемуся случайными заработками? Задумка «Безумной звезды» уже плясала у меня в голове и набирала ход, так что я не без сожаления отложил «Верхние Меги» в долгий ящик. Но я всегда питал надежду, что когда-нибудь этот рассказ станет основой для большой серии. И вот несколько лет назад он всплыл за блюдом с перепелиными яйцами на литературной встрече, где присутствовали мой

американский литагент Ральф Вичинанца и Роб Уилкинс¹. Мой энтузиазм неожиданно возродился, и после обсуждения идей со Стивом Бакстером², которого я всегда считал лучшим английским писателем в жанре «твёрдой» фантастики, началось новое путешествие.

Честно говоря, я даже рад, что так вышло. Получилось намного интересней.

Говорят, Даниэль Бун³ снимался с лагеря и уходил, если видел вдали дым чужого костра. Но по сравнению с Ларри Линссеем даже он мог показаться патологически общительным.

В этом мире появился кто-то еще. В *его* мире. Это было так неприятно — все равно что найти в супе чей-то ноготь. От одной мысли о чужаке на затылке шевелились волосы.

В соснах на вершине холма Линсей установил множество антенн. Во всех девственно чистых диапазонах радиочастот этого мира крошечная вспышка прибытия светилась кристальной чистотой. На миниатюрных дисплеях она выделялась, как Эверест на фоне кротовых норок. Только

¹ Роб Уилкинс — личный помощник и ассистент Терри Пратчетта.

² Стивен Бакстер (род. в 1957 году) — английский писатель-фантаст.

³ Даниэль Бун (1734—1820) — американский первопоселенец и охотник, чьи приключения сделали его одним из первых народных героев Соединенных Штатов Америки.

особые люди могли забраться так далеко в Верхние Меги: представители властей, например. В личном словаре Линселя слово «власти» было столь же многозначным, как некоторые старые китайские иероглифы, выражающие целый поток разных мыслей. Оно означало законы, предписания, налоги, допросы и вмешательство в частную жизнь. Вмешательство других людей. Наверняка это кто-то от властей, поскольку для того, чтобы попасть в Верхние Меги, нужны деньги. Обычно это настолько большие деньги, что собрать их в состоянии только власти. А еще люди не любят заходить в такую даль, где требуется по-настоящему тонкая настройка и где от ближайшего человека их отделяет несколько недель реального времени. Людям не нравится находиться далеко от других людей. Но существовали и иные причины. В Верхних Мегах миры были радикально *другими*.

Еще одна яркая вспышка. Теперь их *двое*. Линсюю стало тесно.

Они наверняка с Передовой базы. Линсей ощутил раздражение. Только он ходит на Передовую базу, они к нему — никогда. Зачем же теперь им понадобилось его беспокоить? Линсей представил, как эти люди озираются по сторонам в изумлении, не в силах понять, где они теперь. Третье правило выживания наверху гласило: держись подальше от точки своего прибытия.

Он взял ружье, прислоненное к «штурманскому» столу, и пошел через кустарники на разведку. Любой наблюдатель заметил бы, что Линсей

предпочитал держаться в тени и покидал укрытие только в случае необходимости и на самое короткое время. Но никакого наблюдателя здесь не водилось. А если бы он был, то Линсей подкрался бы к нему сзади.

Большинство людей плохо помнят «Робинзона Крузо» и неверно представляют себе главного героя. Популярным стал образ веселого решительного человека с тягой к свободе, облаченного в основном в белье из козьей шкуры. Но когда на Передовой базе кто-то одолжил Линсею старый, потрепанный экземпляр книги, неожиданно выяснилось, что Робинзон Крузо, пробывший на острове больше двадцати шести лет, непрерывно возводил частоколы. Такой подход Линсею показался разумным: очевидно, голова у Крузо работала правильно.

В этих местах, примерно соответствовавших южной Франции (хотя Кулак исковеркал береговую линию так, что ее с трудом можно было опознать), стояло позднее лето. Тут не было россыпи кратеров, составлявших обычный пейзаж в нескольких десятках предыдущих Земель. Здесь, на самом верху, Кулак пронесся сквозь Европу и западную Азию аж до самого ядра, вызвав многочисленные выплески лавы. Должно быть, прошло несколько лет зимы, прежде чем воздух очистился от пыли. Когда атмосфера прояснилась, времена года стали радикально другими. Дуршлаг, в который превратилась Европа, оказался намного ближе к новому Экватору, но поскольку Земля еще колебалась, ледяные шапки распространялись быстро.

В это же самое время Человечество уже вовсю осваивало земледелие и ничего не заметило.

Стая рантелоп настороженно наблюдала за Линсаем. На этой Земле он не охотился — предпочитал отпрыгивать вниз. Тем не менее местной фауне он внушал тревогу. Здесь водились даже приматы, не до конца уничтоженные Кулаком и сумевшие пережить зиму. Некоторые бабуины в этих краях были отменными охотниками.

Самец бабуина, которого Линсей окрестил Большим Инем, прямо сейчас наблюдал за ним с насеста на скале. Линсей весело помахал ему рукой. Большой Инь заметил в его руках винтовку и не стал махать в ответ.

Человек полз осторожно, прячась за ненадежным выступом из застывшего вулканического стекла. Он двигался так, будто все представления о скрытности получил из приключенческих фильмов. В руке человек держал небольшой пистолет. Вряд ли это оружие обладало значительной убойной силой. Тем не менее в своем мире Линсей не одобрял даже такого.

Он выстрелил в камень в нескольких футах от головы мужчины и сказал:

— Бросай сюда пистолет!

Мужчина во все глаза уставился на говоривший с ним куст. На лице его последовательно отобразились шок, паника и, наконец, смиренение.

— Пистолет, — повторил Линсей.

Он внимательно разглядывал пояс мужчины: конечно же, правительственного образца, но об-

легченного типа. Значит, этот человек мог подняться сюда только из Передовой базы.

— Хорошо, куст, — ответил мужчина.

Он бросил пистолет в сторону Линселя и медленно потянулся руками к...

Ухо мужчины задело осколком камня, когда еще одна пуля чиркнула по вулканическому стеклу.

— И пояс, — скомандовал куст.

— Ты же Ларри Линсей, — пробормотал мужчина. — Говорят, ты упертый пааноик... только без обид.

— Какие тут обиды! Пояс отстегивай. Очень медленно.

Руки зашевелились медленно и осторожно.

— Думаю, ты меня не знаешь. Мы никогда не встречались. Я Джошуа Валиенте. Охранник с Передовой базы.

Мужчина вздрогнул, когда Линсей возник рядом с ним. Приближаться к кому-то через соседний мир — это довольно старый, но всегда эффектный трюк.

Валиенте вдруг понял, что не может оторвать взгляд от серо-голубых глаз, в которых не было ни капли жалости. «Этот гад действительно может выстрелить, — подумал он. — Забудь про свой пистолет. Здесь, наверху, где больше никто никогда не появится, ему ничего не стоит тебя убить. И даже труп хоронить не придется».

— Докажи, — приказал Линсей.

Валиенте пожал плечами, стараясь, чтобы жест не выглядел агрессивным.

— Я не могу.

— Все настоящие охранники носят маленькие пластиковые карточки, — напомнил Линсей. — С фотографиями самих себя на случай, если забудут, как они выглядят.

— Только не в свободное от дежурства время. Можно мне встать?

Линсей отступил назад. Возможно, это означало «да», но Валиенте решил не рисковать.

— Нет больше никакой Передовой базы, — сказал он как можно спокойнее. — Сама станция, конечно, осталась, но все люди на ней мертвые.

Он замолчал, ожидая реакции. Но с таким же успехом можно кидать камни в лужу патоки — на лице Линсея не дрогнул ни единый мускул.

— Ты ничего не хочешь сказать? — спросил Валиенте.

— Нет. У меня оружие. Говорить будешь ты.

— Ладно, сволочь бездушная. Их всех отравили. Помнишь источник, из которого они брали воду? Кто-то влил туда яд. В тот день я был на охоте, а когда вернулся, то увидел *ее*. Она ломала оборудование, а потом стала *двигаться*. Я гнался за ней по пятам, пока не засек твой маяк.

Некоторое время Линсей изучал его лицо.

— Время от времени я спускался на Базу, — сказал он. — Но тебя там никогда не видел. Я даже не знал, что у них есть охранники.

— Я прибыл только три недели назад.

— Вижу, как ты справился с обязанностями.

— Слушай, она где-то *здесь*. И если мы будем торчать тут весь день, она окажется по другую сторону траектории.

Погоня длилась почти четыре дня. Для началь-

ногого импульса убийца воспользовалась генератором базы, но охранник оказался достаточно сообразительным, чтобы запитаться от запасных заряженных батарей. Это привело к перевесу, правда, недолго. Через три тысячи альтернативных Земель протянулся след из использованных батареек после серии умопомрачительных *перемещений*, истощивших запасы энергии и заставивших охранника кружить по нетронутым ландшафтам. Жаль только, с поясом не повезло. Можно было взять либо одну из более прочных моделей, разработанных специально для Верхних Мег, либо найти дополнительные батареи и рюкзак под них. Но ни на то, ни на другое времени не хватило.

А ведь надо было еще что-то делать с телами. Этот яд не отличался изысканностью и действовал медленно. Пришлось ждать.

Охранник был не очень опытен в *перемещениях*, но кое-что знал твердо: во время переключения между альтернативными мирами нельзя оставаться неподвижным. Ведь преследуемый может запросто ждать тебя в той точке, откуда ты начал движение, и тогда ему даже не придется стрелять. Хватит тяжелого камня.

Чтобы избежать такого, приходилось постоянно приседать, отскакивать и перебегать, а иногда идти на риск, перепрыгивая через два-три мира за один раз. Время от времени они спали — как можно дальше друг от друга. Достать мясо было легко, гораздо труднее приготовить. А однажды, переместившись, они оказались в нескольких футах друг от друга — почти спина к спине. Оба выстрелили и одновременно отпрыгнули в сторону,

так что две пули унеслись друг от друга над пустынным ландшафтом, оставшись, по-видимому, единственными в том мире созданными человеком артефактами.

«Ты не обязан этого делать, — твердил охраннику здравый смысл. — Тебя никто не принуждает, тебе не будут платить. Зачем играть в доблестного пограничника? Даже если ты ее поймаешь, как ты собираешься вернуться? В лучшем случае на это уйдут годы». Но здравый смысл уперся в метафорическую стену совести. «Потому что на базе жили пятеро детей, младшему из которых было три года. Нейропаралитический яд убил их не сразу. Они еще дышали, когда я их нашел».

Поэтому он продолжал мчаться сквозь миры, выслеживая убийцу и уклоняясь от засад, даже не замечая постепенно множащихся микроскопических изменений. Вплоть до Верхних Мег.

Датчики Линселя зафиксировали две вспышки. Вторая гостья лежала в кратере в полубессознательном состоянии. Даже отсюда он видел, что она одета в базовый пояс с ограниченной функциональностью. Наверное, перемещаться в таком — все равно что прыгать в колодец.

Ее пистолет валялся в стороне. Линсель поднял его и сунул в карман и лишь затем занялся осмотром женщины. Она была одета в красный комбинезон — довольно уродливый, зато с множеством карманов. Самая практичная одежда для *перемещений*, поскольку переносить здесь можно только то, что получится унести на себе. Человек субтильного телосложения был способен пере-

мещаться с шестьюдесятью фунтами¹ груза, пока не начинали разряжаться аккумуляторы. В большинстве карманов женщины не было ничего, за исключением нескольких неизрасходованных батареек. Сняв с нее пояс, Линсей перекинул его через плечо. На второе плечо он взвалил женщину. Наверное, это неправильно, но, кажется, явных переломов не было. А если и были — ей придется потерпеть.

В четверти мили от них сидел привязанный к дереву Валиенте и наблюдал за стаей сверхбабуинов. Судя по палкам в их руках, они уже освоили идеи дубины и молотка и, судя по всему, были готовы приступить к трепанации и потрошению. Один из них внушал наибольшую тревогу — крупный поджарый зверь с разорванными ушами и желтыми глазами, узкими и мстительными, как врата ада. Бабуин сидел на камне подобно горгулье и просто смотрел.

Пуля взметнула фонтанчик пыли у подножия скалы. Сверхбабуин повернул морду на восток и беззвучно зарычал, обнажив ряд желтых, похожих на ножи зубов. Затем он исчез, неуклюже шмыгнув в кусты, и вся стая последовала за ним.

Линсей появился с телом женщины на плече. Развязывая веревку — чрезвычайно ловко, как не мог не заметить Валиенте, — он ни на секунду не опускал направленное на охранника ружье.

— Они могли меня убить.

Линсей отступил на шаг.

¹ Примерно 27 кг.

— Запросто, — кивнул он. — Большой Инь быстро учится. Наверное, однажды мне придется с этим что-то делать.

— Лучше всего начать прямо сейчас.

— Возможно, я питаю к нему слабость.

Валиенте не мог в это поверить. Даже слабости Линселя наверняка крепче алмазов.

— Он единственный в своем роде. Я обходил все соседние миры и везде натыкался на одну и ту же стаю. Только без Иня. Может, он мутант. Может, один из тех бабуинов, что «наследуют землю».

С этим ружьем определенно было что-то не так. Оно напоминало стрелку компаса: без всяких видимых усилий Линсю удавалось держать его направленным строго на Валиента.

— Зачем такие предосторожности? — спросил Валиенте. — Даже если ты мне не веришь, мой пистолет все равно у тебя.

— Просто шагай.

Бесчисленные Земли. Говорят, их даже больше, чем может сосчитать компьютер.

Трудно объяснить, что это такое, не обратившись к идеи свернутых вселенных и теории квантовых пакетов. Еще труднее было донести до телезрителей принцип работы поясов. «Мультиплексная Вселенная подобна листу каучука» — кто такое поймет? Другое дело — аналогия с колодой карт. Большинству людей она гораздо ближе. В общем-то Вселенная и есть огромная колода трехмерных карт. Пояс позволял перемещаться по колоде вверх и вниз, как бы продыряливая составлявшие ее карты.

Собрать пояс было легко. Но пользоваться им без предохранительных устройств мог только отчаянный человек. Впрочем, во всем мире таковых нашлось немало. Чтобы сделать пояс своими руками, требовался транзисторный радиоприемник (на который можно легко заработать с помощью вазэктомии¹), около ста метров медной проволоки да слепая вера в то, что при *перемещении* ты не окажешься внутри дерева.

Но оно стоило того. Соседние Земли были идентичны, разве что какие-то мелкие детали различались. Калифорния первой основала колонии численностью до нескольких тысяч человек. Ближайшие стали развиваться такими темпами, которые казались безумными даже по калифорнийским меркам. В том, что осталось от СССР, сотрудники госбезопасности прочесывали ближайшие миры в поисках прежних сотрудников госбезопасности.

Человеческий мир был переполнен, но вся остальная Вселенная оказалась пуста. Наступил золотой век экономики. Перебраться в другой мир стало не сложней, чем выйти на прогулку с семьей.

Ну и, конечно, нашлись люди, которые не могли с этим смириться.

Лагерь Линселя располагался в небольшой лощине на южном склоне холма. Он представлял собой небольшую палатку и чуть более капитальный навес, под которым хранились инструменты.

¹ Вазэктомия — стерилизация мужчин хирургическим путем.

Ну и, конечно, имелся частокол. Он был невелик и невысок, но тонкая красная проволока, опоясывавшая его сверху, обеспечивала Робинзону Крузу достаточное уединение.

Снаружи палатки стояла небольшая солнечная электростанция, возле которой лежал ряд аккумуляторов. Здесь же находилась и самая обычная клетка с белыми мышами.

Линсей зашел в палатку и уложил бесчувственную женщину на кровать. Когда он выбрался наружу, Валиенте уже сидел возле тлеющего костра. Близился вечер.

— Почему она потеряла сознание? — спросил Валиенте.

Поставив калитку на место, Линсей накинул сверху красную проволоку.

— Ни у тебя, ни у нее нет подходящего пояса для Верхних Мег, — сказал он.

— Это и есть ответ?

Линсей обернулся.

— Конечно. Обычный пояс только предохраняет от попадания внутрь чего-то более плотного, чем воздух. Нижние Земли так похожи, что большего и не требуется. Не нужно беспокоиться о почве под ногами. Она всегда на месте. Но там, куда переместилась эта женщина, Кулак выбил кусок земли.

— Кулак?

— Ты разве не заметил кратеры?

— Ну да, мне показалось, что земля стала неровной.

Линсей взглянул на клетку с грызунами. Мыши, пристегнутая к маленькому ременному модулю

поверх блока аккумуляторных батарей, способна доставить сообщение к Передовой базе за шесть часов. Но может ли она достичь нижних миров? Это займет неделю, возможно, десять дней. Ей понадобятся корм и вода, а это... скажем, еще пара батарей. Плюс многополосный радиомаячок, а это еще один аккумулятор. Плюс еще четыре аккумулятора, чтобы хватило энергии для перемещения дополнительных батарей. Плюс... ладно, забудем об этом...

— Ты вообще человек? — продолжил говорить Валиенте. — Мне говорили, что ты равнодушный тип, но когда слышишь о смерти пятидесяти человек, можно же как-то реагировать, в конце концов? Хотя бы сказать «какой ужас!» или что-то в этом роде.

— Хочешь кофе? — спросил Линсей. — Есть только черный.

— Что?

От усталости и гнева Валиенте начало колотить.

— Ты позаботился о козах?

— Что?

— На Передовой держали стадо коз. У меня самого никогда не хватало терпения заманить их в ловушку. Думаю, коз нужно регулярно доить. Но ты, по крайней мере, мог выпустить их из стойла.

Лицо Валиенте сделалось непроницаемым.

Линсей сел перед ним на бревно и засунул руку в карман комбинезона. Затем принялся говорить медленно и рассудительно, как с ребенком:

— Какое тебе дело до моих чувств? Боюсь, ты не понял самого главного: ты не должен ненави-

деть меня, ты должен думать. А думать тебе надо примерно следующее: «Когда он спросит, почему у *нее* в кармане оказался аккуратный маленький пропуск с ее фотографией, на котором указано, что она офицер службы безопасности Института Трансземной экологии, то что я ему отвечу в течение оставшихся мне тридцати секунд?»

Раздался щелчок взводимого курка, и в следующую секунду Валиенте увидел перед собой дуло пистолета старинной конструкции. Откуда-то из глубин памяти всплыли рассказы о том, что первопроходцы трансмира предпочитали оружие с боеприпасами на черном порохе, потому что их было легче изготовить в походных условиях. Они были маломощными и страшно дымили, но на таком расстоянии даже одна кувыркающаяся пуля создаст немало беспорядка в голове.

— Двадцать семь секунд, — напомнил Линсей.

— Ты не станешь в меня стрелять, не дав возможности объясниться.

— Хочешь проверить? Двадцать четыре секунды.

— Ну конечно, у нее есть пропуск. Она прибыла на Базу вместе со мной. Ее внедрили националисты. Слушай, ты вообще в курсе, что творится внизу?

Где на самом деле находилась Земля Обетованная, которую Бог даровал Моисею? Где *точно* расположена Америка? Если Англия — это земля англов, то как назвать те бесконечные незаселенные страны, с которыми она граничит через *перемещения*? Ступала ли в незапамятные времена на бескрайние зеленые пастбища нога человека? И если да, то на какие именно?

Оказалось, что все это имеет значение. Столкнувшись с нескончаемым пиршеством, юристы всего мира принялись спорить об определениях. Например, Америка — это же просто идея. Следовательно, все, кто считает себя американцами, в любом мире остаются под юрисдикцией США. В подтверждение данной точки зрения был выдвинут целый ряд глубоко обоснованных и даже фотогеничных аргументов, главная суть которых сводилась к следующему: никаких мексиканцев не существует. С другой стороны, во всех новых мирах имелись еще не освоенные ближневосточные нефтяные месторождения, следовательно, нельзя было считать справедливой систему, которая позволит Саудитам монополизировать всю нефть во Вселенной.

Возникла и еще одна неожиданная проблема. Пояс не перемещал в сторону, но возможность выйти в соседний мир и проникнуть через него внутрь банковского хранилища приводила в азарт многих людей. Службам охраны банков потребовалось немало времени и фантазии на то, чтобы закрыть эту уязвимость.

Чтобы обсудить возникшие разногласия, лидеры ведущих стран мира провели саммит, который длился несколько дней и закончился составлением четырнадцатистраничного документа, получившего известность как «Боковая доктрина». Документ состоял из двух частей. В первой постулировалось, что изначальная Земля — с атомами Цезаря, Христа и Мао — священна и границы ее неприкасновенны.

Содержание второй части сводилось к двум фундаментальным правилам: каждый может за-

брать себе все, до чего сумеет дотянуться; каждый может удержать за собой то, на что у него хватит сил.

— Как они себя называют? — спросил Линсей.

— «Бесконечная Франция», — ответил Валиенте.

— Но это же незаконно. Нельзя претендовать на границы страны до бесконечности. Даже евреи себе такого не позволяют.

— О сумасшедших следует знать только то, что они сумасшедшие. Но, я думаю, за ними стоят какие-то хитрые люди.

— И чего они добиваются?

— Власти и денег — как всегда.

— Черт, — вздохнул Линсей, — это же миллиарды миров...

— Семнадцать.

— Не понял?

— Я про выделенные мне полминуты. Ты уже опоздал на семнадцать секунд.

Валиенте указал на пистолет.

Линсей посмотрел на оружие так, будто увидел впервые.

— Ладно, пока попробую тебе поверить, — сказал он.

— Отлично. Можно я приготовлю что-нибудь поесть?

— Я сам. Возможно, я и доверяю тебе, но не настолько.

На ужин Линсей предложил маленькие кислые фрукты. А еще прекрасно приправленное тушеное мясо, о происхождении которого Валиенте предпочитал не думать...

В окружающем пейзаже определенно было что-то неприятное. Валиенте вспомнил цветущую природу вокруг Передовой базы возле притока того, что нельзя было назвать Роной — скорее идентичной рекой, протекающей в том же самом месте.

Но в здешнем ландшафте преобладали желтые и коричневые цвета, а река превратилась в заиленную долину с редкой цепочкой чахлых деревьев, возможно, указывавших на места, в которых еще оставалась влага. Стоял сильный зной. Валиенте когда-то бывал в Африке, но это была не Африка, а скорее затянувшееся европейское лето.

— А что за Кулак? — спросил он. — Комета?

Линсей посмотрел на него задумчивым взглядом.

— Хорошее предположение, — ответил он. — Но неверное. Это был железоникелевый астероид. Очень большой. По-настоящему большой. Больше, чем тот, от которого образовался Канадский щит. Но он распался еще до удара. Сюда залетели только осколки, но даже они на долгие годы испортили погоду. Скорее всего, тут теперь есть сухопутный мост в Африку.

— И когда это случилось?

— Десять или пятнадцать тысяч лет назад. Катастрофа оставила следы во всех здешних мирах. Дальше последствия хуже. Этот мир еще сравнительно легко отделался.

Валиенте присвистнул.

— Вот паразит... — пробормотал он.

— Не совсем так. Астероиды не имеют разума.

Он просто случился.

— Я имел в виду...

— Люди — вот худшее, что могло произойти с миром, — перебил Линсей. — Мы такая же случайность, как астероид. Один шанс на миллиард.

— Да ладно тебе! На многих мирах возле Земли нашли человеческие артефакты: кремневые инструменты и всякое такое...

— Вряд ли человеческие. Владельцы этих инструментов не знали огня. Ни в одном из миров не найдено кострищ. Такова реальная картина: десять миллионов темных планет и только одна, освещенная со всех сторон.

— Значит, теперь мы расползаемся...

— Ага, как плесень.

Валиенте вдруг осознал, что Линсей — левоухий. Он многих таких повидал: глаза их слегка стекленели, они прилипали взглядом к вашему левому уху и начинали излагать истины о летающих тарелках, великом мировом заговоре или несли религиозную чушь.

Наверное, внутри каждого из нас сидит такой левоухий человек, только и ждущий возможности выбраться наружу.

Отсюда Валиенте во всех деталях видел пояс Линсея. Он был более громоздким, чем любые другие, и, судя по броскому виду, собран своими руками. Но он был не похож на те устройства, которые мог бы собрать любой крестьянин из деталей старых машин по купленной на черном рынке инструкции — копии, снятой с плохой копии, — да и к тому же, скорее всего, неправильной. Пояс Линсея выглядел так, как мог бы выглядеть серийный автомобиль, доработанный крутым автомобильным инженером.

— Это ты сделал, — тихо сказал Валиенте. — Ты изобрел пояса.

— Нет. Их изобрел Лайдер.

— Хорошо. Но ты их усовершенствовал. Я видел ранние образцы. Они были похожи на бочки. А ты развел принципы. И не стал заявлять на них права. Лайдер изобрел пояса, а ты подарили людям миры.

— С тех пор было много усовершенствований.

— Ага, усовершенствований в *твоей* базовой конструкции. В основном прибамбасы для красоты. Но почему ты ощущаешь вину?

— Вину?

— Ну ты же скрываешься здесь, как Джон Уэйн¹ или капитан Немо, выполняешь грязную работу для мелких исследовательских групп. Что это? Добровольное покаяние за то, что открыл злому человечеству дверь в невинные доверчивые измерения?

Линсей рассмеялся и закурил сигару. Валиенте уже успел заметить небольшую табачную планацию внутри частокола.

— Человечество на самом деле не злое. Чтобы стать злым, надо обладать известным достоинством. Нет, я пришел сюда, чтобы найти покой. Ты говоришь, я подарил людям миры. Но что они с ними сделали? Вся дутая экономика немедленно затрещала по швам, все перессорились со всеми, начались войны за территории — заметь, когда

¹Джон Уэйн (1907—1979), прозвище Duke (с англ. — «герцог») — американский актер, которого называли «королем вестерна». Лауреат премий «Оскар» и «Золотой глобус».

земля стала бесконечной, — дошло даже до настоящего голода и... Да кому я рассказываю! Ты и сам знаешь.

— Постепенно все нормализовалось.

— Это временно.

Линсей поднялся с бревна и, подойдя к воротам частокола, широко их распахнул. Под отдаленными деревьями виднелись смутные обезьяны силуэты.

— Вот этих ребят мне жалко, — сказал он.

— Бабуинов?

— После удара Кулака для них наступил переломный этап. Они стали быстро эволюционировать. Но у них нет ни единого шанса. К тому времени, когда они изобретут земледелие... хотя нет, скорее к моменту изобретения огня они станут рабами. Или, что еще вероятней, будут полностью истреблены. Потому что в глазах людей они так и останутся мелкими злобными тварями.

— Понимаю.

— Мне они нравятся.

Пурпурно-бархатная ночь наполнилась насекомыми. Невидимые жужжащие твари кусали и жалили каждый дюйм открытой кожи. Линсей подкинул в костер побольше дров. Его свет двумя крошечными красными точками отражался в глазах сидящего на верхушке дерева Большого Иня.

Бабуин помнил кое-что, но довольно смутно, поскольку память была пока еще новинкой среди его соплеменников. Когда-то, но не сейчас — еще до того, как лагерь был обсажен колючими деревьями без листьев — молодой Большой Инь

подкрался к палатке. Внутри лежала фигура — на «земле», стоявшей выше земли, — но когда ба-буин подполз ближе, она исчезла. А потом сзади раздался звук, и когда Инь обернулся, его ослепило и оглушило взрывом...

Будь Большой Инь человеком, он бы обязательно задался вопросом — почему незнакомец не убил его, а всего лишь напугал. Если бы он был животным, то убежал бы как можно дальше и никогда сюда не возвращался. Но он больше не был ни тем ни другим, и мозг за горящими красными глазами испытывал эмоции, суть которых не сможет выразить словами ни он, ни его потомки в течение трех ближайших миллионов лет...

Женщина открыла глаза. Линсей знал, что она пришла в себя еще час назад. Такое самообладание вызывало уважение.

Женщина медленно села.

— Где я?

— Вы говорите не по-французски, — заметил Линсей.

Женщина немного растерялась. Если бы голова ее была прозрачной, то сквозь череп можно было бы заметить лихорадочную работу шестеренок.

— Я знаю, — уклончиво ответила она.

Женщина была маленькой и довольно худой. В *перемещениях* это давало определенное преимущество — меньший вес означал более высокую скорость. Она не была похожа на серийного убийцу, но Линсей понимал, что это ничего не значит. Серийные убийцы часто кажутся безобидными.

— Не хочешь выслушать мою историю? — спросила она.

— Могу догадаться, что ты скажешь, — ответил Линсей. — Ты охраняла Передовую Базу. И была на дежурстве. Только почему ты не отправилась?

— Яд оказался в воде. Он запустил его в очистительную установку. Но в тот день у меня было молоко и бутерброда.

— Ладно. А потом?

— У него был выходной. А это значит, он имел возможность незаметно подкрасться к источнику и влить туда яд. Нервно-паралитический, полагаю. Через несколько часов он вернулся, не ожидая меня увидеть. У меня было несколько запасных батареек. Я попыталась зайти к нему со спины инейтрализовать, но он обернулся. А потом началась погоня. Думаю, о ней он тебе уже рассказывал.

Сидевший в палатке Валиенте фыркнул. Мотыльки выписывали фигуры высшего пилотажа вокруг одинокой маломощной лампочки над головой.

Линсей откинулся на спинку сиденья.

— Ты могла бы на него напрыгнуть.

— В смысле?

— Выйти в один из соседних миров, занять чужую позицию и переместиться обратно. Теперь это называют по-другому? Помню, раньше такой прием часто проделывали грабители.

Она слабо улыбнулась.

— Теперь это называется «наскок». На Базе не получилось бы, она построена на сваях. Можно не угадать с уровнем.

Линсей кивнул. Если уровни не совместятся, то предохранители пояса не позволят выйти, на-

пример, по колено в бетон. Даже самые простые пояса *перемещали* только в том случае, если в точке назначения было пусто. Воздух не в счет — он достаточно быстро рассеивался.

— Ясно, — ответил он. — Хитрё ее построили, не правда ли?

— Неужели ты ей веришь? — выкрикнул Валиенте.

Линсей не обратил на него внимания. Он посмотрел на карточку пропуска и сказал:

— Здесь написано, что тебя зовут Анна Ши. Как давно ты служишь в охране?

— Год.

— Не очень долго.

Ши кивнула. Что есть, то есть. Все, кто хоть в чем-нибудь разбирался, немедленно приглашались на службу. Человечество пожирало миры быстрее, чем могло переварить. В неосвоенных мирах, где для выживания требовалось только спички и мачете, охранники быстро поднимались в цене. Ибо туда приходила цивилизация, а вместе с ней — отсутствие безопасности.

— Расскажи о «Бесконечной Франции», — велел Линсей.

Анна Ши посмотрела на Валиенте.

— А что ты уже знаешь? — спросила она.

— Что они фанатики. И не терпят колонизации соседних Франций посторонними.

— Это он тебе рассказал?

— Ага. И вроде все сходится. Помню, лет пять-десять назад была какая-то странная вспышка национализма.

— Да, но не теперь.

Ши встала, уловив едва заметное движение руки Линселя к пистолету возле кресла. К ее пистолету.

Об этом человеке ей рассказывали. Должно быть, он безумен, ибо мог стать богаче Креза. Но он все бросил и скрылся здесь — в Верхних Мегах.

— В прежние времена так и было, — сказала она. — Но сейчас жизнь сделалась строже. Однако среди политиков еще попадаются проходимцы. Экстремисты «Бесконечной Франции» — это простые наемники, исполняющие роль политического рычага. Те, кто громко сетуют о них, в глубине души считают их полезными. Понимаешь, о чем я? Политики могут заставить их заявить: «Мы бы не хотели прибегать к насилию, но общественность, к сожалению, не оставляет нам выбора», и так далее.

Валиенте горько рассмеялся.

— Ну да, конечно. Складно поешь.

— Спроси его о Кум-23, — сказала вдруг Ши.

— Я ничего не знаю о Кум-23... кроме слухов, — слегка запнувшись, ответил Валиенте.

— Он ими командовал, — безжалостно продолжила Ши. — Двадцать наемников наскочили на мирную колонию. Даже не знаю, почему для них это важно, но они поместили всех людей в...

— В Кум-23 произошла бойня? — спросил Линсель.

— А море — это большая лужа. — Она говорила так спокойно, будто мысленно читала сценарий. — Я уже не помню, кто их финансировал — на Ближнем Востоке тогда царил полный

бардак, но то, что они сделали в Кум-23, должно было стать предупреждением. Потому что все, что у них осталось, — это...

— Зачем ты вообще ее слушаешь? — перебил Валиенте.

— Не знаю, как он тебе представился, но, насколько нам известно, его настоящее имя — Мартин Венхаус. У него шрам через всю спину, начинаящийся от левой подмышки. Он великолепно владеет всеми видами оружия и даже без него опасен и жесток. Он...

Валиенте поднял голову. Взгляд Линселя сверлил его, как бурав.

Оба мужчины дернулись, но рука Линселя оказалась быстрее. Надо было действовать раньше. Рука с пистолетом плавно поднялась, и Валиенте ждал выстрела. Он знал, что будет удар и онемение. Боль придет позже. Или не придет уже никогда.

Но ничего не случилось.

Исчез даже пистолет.

В ту ночь Линсей спал в палатке, обняв пистолет, и ему снилось, будто он падает. Когда он проснулся, сон обернулся правдой. В нескольких футах под ним оказалась густая трава, и он приземлился на нее тяжело, но ничего не повредил.

Высоко над головой холодные звезды лили свет через воздух, в котором не было ни малейшего намека на загрязнение. Ночные твари ревели и щебетали среди деревьев у высохшей реки. Стоял такой холод, какой может быть только тропической ночью перед самым рассветом.

Линсей вскочил и быстро побежал к ближайшему белому столбику, который более или менее соответствовал центру огороженного лагеря.

Когда-то он считал, что этого достаточно: установить в палатке на ночь сигнализацию так, чтобы любое вторжение приводило в действие пояс, настроенный на *перемещение* в соседний мир с заранее расставленными грубыми маркерами для ориентации в пространстве. Тогда он сможет вернуться и напрыгнуть на нарушителя.

Визиты двух леопардов и Большого Иня сумели его переубедить. Частокол все-таки необходим. Бабуин гугукал что-то невнятное, когда Линсей поднял пистолет рядом с ним и выстрелил, но слишком далеко убегать не стал. Более того — даже остановился и *хмуро* оглянулся назад...

Сегодняшний внезапный гость заглянул через частокол. Линсей задумался, кто бы это мог быть. Вдруг он поскользнулся и запнулся ногой о камень, откатившийся в сторону. Тяжело и неуклюже упав, он почувствовал, как внутри ноги что-то хрустнуло, потом вскрикнул и ударил кулаком по поясу.

Рассвет за частоколом был яркого желто-зеленого цвета. Со стороны тростниковых зарослей, отдаленно напоминавших средиземноморские, дул свежий солоноватый бриз. Ветер шевелил бумаги, разложенные на грубом столе Линсея. Все были черны от мелкого почерка. Изготовление бумаги — довольно грязное и трудоемкое дело. Отшельник в Верхних Мегах относился к бумаге как средневековый ученый, плотно исписывающий их с обеих сторон.

Тут же лежала мелланьеерская карта местных Земель. Ее тонко отпечатанные концентрические круги были почти не видны под многочисленными красными точками и штриховкой, с помощью которых Линсей отмечал развитие Кулака.

Ши вглядывалась в нее, изучала, как астероид (вернее, астероиды, поскольку множество Кулаков поколотило многострадальную Землю) оставлял все больше и больше следов в каждом следующем измерении. В прошлой дюжине миров она была слишком занята то охотой, то бегством от охотника и не обращала внимания на что-либо еще, но судя по тому, что она увидела на карте... планета в ту эпоху, должно быть, звенела как гонг.

Линсей наблюдал за ней, прижав к боку пистолет. Сознание застилал серый туман, разрываемый, как молниями, болью из раненой лодыжки. В аптечке хранилось слишком мало обезболивающих. И третья из них он уже израсходовал.

Ши подняла голову.

— Позволь мне взглянуть, — сказала она. — Паранойя — это очень хорошо. Но не в том случае, если грозит гангрена.

— Не все так плохо.

— По твоему лицу не скажешь.

Линсей шевельнулся, и белое копье боли пронзило ногу. Должно быть, это заметно.

— Послушай, — сказала Ши. — Я даже отсюда вижу, как отекла твоя нога. Чего тебе терять? В конце концов, я прошла специальную подготовку и могла бы...

— Нет!

— Знаешь, почему я хотела остаться с тобой наедине в палатке вчера вечером?

— Он сказал, ты прячешь нож.

— Потому что он бы так и поступил, верно? Я хотела убедить тебя — любыми доступными мне средствами. Я поняла, что ты не станешь слушать голос разума, но подумала... не прислушаешься ли ты к более первобытным голосам?

Линсей рассмеялся, но тут же пожалел об этом. Даже смех вызывал боль.

Не понравилось это и Ши. Она встала.

— Если, по-твоему, я убийца, — недовольно проговорила она, — то я могу убить тебя прямо сейчас.

Ши указала пальцем на Валиенте, лежавшего без сознания возле палатки.

— Ему не удалось меня остановить. Удастся ли тебе? — прорычала она. — Ты напрасно теряешь время, задерживая нас. У тебя есть пистолет, но как долго ты сможешь удерживать его на весу? Рано или поздно тебе придется кому-то довериться — но уже не факт, что я захочу тебе помогать.

Внезапно Валиенте очнулся. Он вскочил, запрыгнул в палатку, быстро выбежал из нее с другой стороны, держа в руках один из поясов, затем промчался через открытые ворота и углубился в траву.

Линсей с трудом встал, оперся о стол, поднял оружие слегка дрожавшими руками, быстро прицелился и выстрелил. Бегущий человек дернулся и упал.

Линсей тяжело опустился в кресло. Лицо его стало серым от боли.

— А может, это и вправду ты? — произнес он. — Он повел себя слишком... глупо. Этот чертов дурак мог надеть пояс и *переместиться* вместо того, чтобы бежать. Интересно, почему он этого не сделал?

— Ты пугаешь людей, — ответила она. — Всего-навсего. Здешняя жизнь убивает человечность. Наверное, ты слишком далеко оторвался от остальных людей. Впрочем, ты верно выбрал, кому можно доверять. Дай пистолет.

Линсей не шелохнулся. Ши придинулась ближе.

— Я пойду посмотрю, — сказала она с новыми стальными нотками в голосе. — Мне плевать на его жизнь, но если он ранен, то вернется. Дай сюда пистолет.

Она посмотрела на руку, все еще крепко сжимавшую оружие, и лицо ее исказилось.

— Вот черт! — выпалила она и пнула Линсея по раненой ноге.

Он сделал всего одно движение, когда пистолет выпал из его руки: ударил по поясу.

Очнувшись через несколько минут, он обнаружил себя лежащим в траве. С трудом изогнувшись, Линсей взглянул на дисплей на пряжке пояса: «+3». Он *переместился* на три мира вперед.

Он вынул батарейки из других поясов, частично их разобрав. Скорее всего, ей понадобится несколько минут, чтобы понять, что к чему, собрать все воедино и пойти за ним.

Ведь не пойти она не сможет. Она достаточно умна и обязательно заподозрит, что он спрятал оружие в каком-нибудь удобном соседнем мире. А значит, ей придется его выслеживать.

Он должен был спрятать оружие в каком-нибудь удобном соседнем мире. Может ли она решить, что он слетел с катушек и теперь пролагает узкую тропу через огромное пространство, отделяющее его от первой Земли?

Возможно. И это даст ему минуту или две фо-ры — если она станет разумно расходовать батарейки. Впрочем, нет. Батареек у нее предостаточно — они все остались в лагере.

И если она по-настоящему умна, она может оказаться здесь *прямо сейчас*.

Он вовремя откатился в сторону, заметив ее появление с оружием в руке. Шлепок пули, ударившей в землю возле головы, еще отдавался в ушах, когда он переместился на два мира вверх и сморщился от боли, поскольку это означало еще один удар по лодыжке. Земля здесь была еще больше изрыта, деревья исчезли полностью. Кулак в этом мире уже не царапал, а бил по-настоящему. Воздух стал разреженным.

Он снова перекатился, радуясь, что испытывает боль, поскольку каким-то образом она не давала потерять сознание. Ши предугадала маневр, хотя и не совсем точно. После *перемещения* она с ходу принялась палить, но промахнулась на несколько ярдов.

Переход. Удар всем телом о почти замерзшую землю. Переход. Переход. Теперь почва каменистая, вокруг возвышаются застывшие потеки извергнутой Кулаком лавы. В воздухе почти не осталось кислорода, восходящее солнце странно покалывает. Оно сожжет его, если остаться здесь надолго. Переход. Она приготовилась к падению

и вынырнула, уже заранее согнув ноги в коленях. Линсей взглянул на пояс слезящимися глазами. Плюс 23. Плюс 24.

Переход. У нее в руке пистолет. Она знает, что он не сможет откатиться слишком далеко. Разреженный воздух выдаст его мгновенно.

Линсей наготове. Глаза его слезятся. Она появилась, когда он, задыхаясь, уже поворачивал на пояссе рычаги управления. За секунду до того, как рука нашупала переключатель, он увидел ее падение. Дыхание вырвалось из груди женщины шлейфом ледяных кристаллов. Выстреливший пистолет отправил пулю в сторону замерзших сияющих звезд. Ее закружило, лицо превратилось в маску. Ноги еще напряжены, но падение в этот раз будет вечным. Примерно в миle отсюда вращался зазубренный астероид — один из многих между Марсом и Венерой. В этом мире Кулак ударили сильнее. И Кулак победил.

До того как свалиться, Линсей сумел сделать несколько шагов назад и скатиться по замороженному потоку лавы вниз, в тень горы. Ничем не прикрытый солнечный свет проскользил мимо. Граница между светом и тенью резала, как нож. Легкие хрипели от разреженного воздуха.

Боль казалась далекой и была скорее горячей, чем мучительной. Интересно, остались ли у нее шансы выжить? Она потеряла драгоценные секунды, пока тянулась к поясу, но даже если успела — все равно он был настроен на прыжок не в ту сторону.

Линсей, думавший об этом с самого начала, специально настроил пояс так, чтобы каждый

переход возвращал его в исходную точку. И все равно чуть не погиб. Скорее всего, она прыгнула вперед. Но, в конце концов, кто может знать, сколько раз Кулак разрушал Землю? Может, раз или два. А может, тысячу или даже миллион раз. Но не больше, поскольку даже среди бесконечных Земель такое событие должно было стать редкостью.

Так что миры, вероятно, простираются дальше. Выше Верхних Мег должны быть гиги, теры и так далее, вплоть до гуголов. Но Земля там не похожа на нашу Землю. Она безлунная или безвоздушная. Или вращается вокруг красного солнца кучкой пепла. Она какая угодно, но не та единственная в мультиплексированной Вселенной, на которой стало возможным зарождение разума. Ведь недаром говорят, что душа неделима. Даже если это душа планеты.

Ему казалось, будто он чувствует бесконечные пустые пространства вокруг себя — как бесчисленные отражения в зеркале. Далеко позади остался крошечный круг света от одинокого костра, недоступный взору. Впереди — неисчислимые возможности.

Наверное, это был бы правильный путь: нажать на выключатель и держать до тех пор, пока не сядут все батареи; дрейфовать дальше через сотни измерений подобно утопленнику в море...

Он помнил главное: жизненно важно знать, сколько всего Земель выбрал Кулак. Если у нас будут точные данные, то, прикинув вероятность подобной катастрофы, мы сможем получить

представление об общем количестве миров. По мнению Мелланье, получится окружность большого круга, но он ошибся, предположив, что мы просто вернемся к исходной точке. Зайдя достаточно далеко, мы встретим друг друга на полпути.

Линсей помнил пробуждение: он очнулся от холода, с раскаленной добела лодыжкой. Над головой вспыхнуло несколько ранних звезд. Он сел, прислонился к валуну, и звезды закружились вокруг. Сделав еще одно усилие, он встал.

— Ты пытался дойти до дома пешком?

Слова проникали сквозь теплый белый пух, заполнивший голову. Даже боль исчезла, оставив после себя неясное чувство.

Валиенте сидел у открытого полога палатки. Вместо сдвинутых карт на столе лежали батареи.

Линсей ощущал тяжесть в груди. Здесь же находился пистолет.

Валиенте заметил его движение.

— Пистолет заряжен, — сказал он. — Но я не хотел бы, чтобы ты чувствовал себя чем-то обязаным. А это что такое? Я нашел в сарайчике.

Губы Линсея распухли, но он сумел ответить:

— Билтонг¹.

— Вяленое мясо?

— Аха.

— Хорошо. Оно легкое и питательное. Мы его возьмем. И оставим оружие.

— Вачем?

¹ Б илтонг (бельтонг, билтон) — южноафриканская разновидность вяленого мяса. Национальное блюдо африканеров.

— Слишком много весит. — Пальцы Валиенте забегали по тонкому, как бумага, калькулятору. — До Передовой доберемся примерно за неделю, если не будем экономить батареи. Там есть всякое медицинское оборудование. Возможно, мне придется обучиться хирургии. Впрочем, не волнуйся — до этого дела, скорее всего, не дойдет. Если не будем терять времени, конечно. В нашем случае время — это скорость, а на скорость влияет легкость. Так что возьмем мяса и сахара на несколько дней, наберем воды и как следует поедим перед выходом. На Передовой, я думаю, нужно будет найти все оставшиеся батареи, демонтировать маленькое солнечное зарядное устройство и запитаться от местного генератора. И тогда месяца через три окажемся внизу. — Он сделал паузу, заслонив дисплей от света. — Через тринадцать недель, если быть точным, но по этому поводу можно не переживать. По дороге будет много людей, заряжающих аккумуляторы. Кстати, ты промахнулся случайно или намеренно? Мне важно знать.

Последовала долгая пауза.

— Я не был... уверен, — сказал Линсей. — Если бы я хотел попасть, то попал бы. Надо было увидеть, что произойдет потом.

— И что же произошло потом?

Линсей сел, стараясь не обращать внимания на легкую тошноту.

— Она мертва. Примерно в двух десятках прыжков впереди никакой Земли нет. Она этого не ожидала. Такие пояса, как у вас, *перемещают* вперед, пока не встретятся с препятствием. А там ничего нет. Пустота.

— Ты там побывал?

— Ненадолго. Человеческая кожа — довольно неплохой скафандр.

— Но она такого не ждала.

— Вот именно.

— Что ж. Получила по заслугам...

Раздался едва слышный щелчок. Линсей поднял голову. Валиенте оглянулся.

Она стояла за воротами частокола, подняв оружие. Все лицо было перепачкано кровью.

Линсей попытался высчитать, сколько у нее осталось патронов. Возможно, всего один.

— Дотронься до пистолета, и я снесу тебе голову, — с трудом прохрипела она. — Я про-делала долгий путь. Вы знали, что в мирах есть только один разрыв? Мне пришлось пересечь его дважды.

За воротами мягко колыхалась желтая трава, над которой вдруг, подобно заре человечества, взошла морда Большого Иня.

Должно быть, это отразилось на лице Линсея, поскольку взгляд Ши стал неуверенным. Она обернулась, но слишком поздно: бабуин уже вскочил и прыгнул. Готовые рвать лапы обрушились на нее, не дав развернуть оружие. Не обращая внимания на двойной крик, Линсей поднял пистолет и тщательно прицелился. Красный комбинезон и пыльная серая фигура плясали перед его глазами, но он не торопился жать на спусковой крючок.

Надо быть уверенным до конца...

Когда эхо выстрела стихло, он подумал: «Если там, как он говорит, я имею какой-то вес, если че-

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ловечество считает, что чем-то мне обязано, то я объявлю этот мир запретным. Пусть бабуины получат шанс...»

Ночь выдалась лунной. Лагерь давно опустел, но костер пока еще горел, отбрасывая красные отблески на незапертый частокол. Серые существа держались от него как можно дальше, боясь подойти, несмотря на рычание предводителя.

Большой Инь сидел возле костра, смотрел на огонь, и глаза его светились алыми угольками.

ДВАДЦАТЬ ПЕНСОВ, С КОНВЕРТОМ И ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЙ НАДПИСЬЮ

Журнал «Тайм-аут», 16 декабря 1987 г.

Помнится, когда-то давно я прочел, что образ «типичного» английского Рождества во многом обязан своим существованием тому факту, что в детстве Чарльз Диккенс пережил семь худших празднований Рождества девятнадцатого столетия. Поэтому впоследствии стараниями своего влиятельного пера он сделал Рождество тем, чем оно «должно» быть. Как бывший журналист я считаю, что данная история слишком хороша, чтобы проверять ее на истинность.

Этот рассказ я написал в 1987 году для рождественского выпуска журнала «Тайм-аут». По задумке должно было получиться что-то вроде викторианской «истории ужасов», в которой оживают рождественские открытки. И что может быть лучше для отправной точки сюжета, чем веселый почтовый дилижанс, традиционно изображаемый на самых дешевых открытках? И что должны были подумать его пассажиры, увидев ожившие

рождественские картинки? Теперь мы редко видим игральные карты со Снупи¹. Но бывают в жизни вещи и похуже...

Газета «Бат энд Уилтшир Геральд», 24 декабря 1843 г.:

КАЛН² — невероятная тайна окружает исчезновение лондонского почтового дилижанса, случившееся во вторник, в снежную бурю, подобную которой не помнят даже старейшие из ныне живущих. Предполагается, что кучер, застигнутый врасплох снегопадом, сбился с пути возле Силбери. Не медля ни секунды, он стал отводить лошадей подальше от дороги — вероятно, чтобы укрыться за живой изгородью или стогом, — но быстро увяз в снежных заносах. Спасательные отряды, высланные на его поиски, вскоре обнаружили кучера блуждающим по снегу в состоянии сильнейшего душевного расстройства. Несчастный был благополучно доставлен в Бат...

Из дневника Теоса Ланна, доктора из Чиппенхема, Уилтшир:

Мир — всего лишь ткань, распростертая над глубинами Хаоса. То, что мы называем здраво-

¹ Снупи (англ. Snoopy — любопытный) — вымышленный пес породы бигль, созданный художником Чарльзом М. Шульцом, популярный персонаж серии комиксов Peanuts (англ. «Мелочь пузатая»), выходивших с 1950 по 2000 год. Примечательно, что пес Снупи — один из любимых персонажей писателя Стивена Кинга и упоминается в некоторых его произведениях.

² Ка л н (англ. Calne) — город и гражданский округ в графстве Уилтшир, юго-западная Англия.

мыслием, не более чем круг света от костра. Когда я заговорил с бедным заблудшим человеком, который лежит сейчас внизу, он находился всего в нескольких поленях от полного выгорания.

Даже теперь, когда разведен мой собственный, более естественный огонь, а занавески в кабинете задернуты от рождественского мороза, я все еще дрожу от тех образов, которые он мне описал. Если бы не убедительные доказательства, которые лежат передо мной, красиво переливаясь в свете камина, пока я пишу эти строки, то я мог бы отмахнуться от его слов, как от бреда сумасшедшего. Мы устроили его в гостиной настолько удобно, насколько позволили веревки, но в этот рождественский сочельник его крики по-прежнему перекатываются, словно черепа на клумбе.

* * *

«Санта-Клаус ковыляет! Дышит тяжело! Выносите угождения! И не жмитесь, хо-хо-хо!»

Крики доносятся с улицы. Это колядовщики! Неужели им непонятно, какому ужасному, ужасному риску они себя подвергают? Но если я распахну окно и попробую их предупредить, то как я смогу ответить на самый очевидный вопрос? Тогда меня тоже сочтут сумасшедшим... Но я обязан хотя бы записать то, о чем он поведал в минуты прояснения, прежде чем безумие овладело его разумом окончательно.

И пусть мои читатели сами сделают выводы.

Когда я увидел его впервые, он был похож на человека, заглянувшего в Преисподнюю и оста-

вившего там часть своей души. Временами он приходил в сознание и начинал жаловаться на опутавшие его веревки. Спасатели связали его из опасения, что в приступе безумия он может причинить себе вред. Но в другой раз он принимался биться головой о стену и выкрикивать лозунги, сводившие его с ума:

«Двадцать пенсов, с конвертом и поздравительной надписью!»

А в промежутках между приступами он поведал мне следующее:

День выдался совершенно ненастный. Ветер наметал на равнины снег и превращал холмы западнее Силбери в одну большую белую пустыню. В такую погоду можно легко свалиться с дороги, поэтому он слез с козел и повел лошадей пешком. И все же вопреки тому, что пишут в газетах, снег на холмах был не таким уж глубоким и даже успел частично сойти, так что можно было видеть закат. Пассажиры пребывали в приподнятом настроении, поскольку впереди уже виднелись огни Кална. Все с нетерпением ждали, когда закончится эта промерзшая дорога и наступит праздничная ночь.

И вдруг, по словам кучера, раздался резкий скрип, мелькнула тень, и мир изменился. Он считает, что в тот момент они перешли из одного мира в другой. А впереди, среди унылого пейзажа, зияла огромная прямоугольная дыра.

Он утверждает, что увидел врата в Ад. И, хотя этот Ад совсем не походил на описанный Данте, есть некоторые основания полагать, что его про-

стодушная догадка может оказаться истинной. На самом краю мира что-то блестело. Приглядевшись к сугробам, он разглядел любопытное вещество, беспорядочным образом рассеянное по гребням снежных холмиков. Это были небольшие серебристые блестки, отражающие свет, и в более благоприятных обстоятельствах смотреть на них было бы даже приятно.

Кучер и несколько пассажиров мужского пола принялись обдумывать, что им делать. Солнце быстро клонилось к западу, и небо превратилось в сплошную мешанину багрово-красных и пурпурных пятен, в то время как на востоке усиливался снегопад. Наиболее отважные решили пройти назад, но очень быстро выяснили, что следы дилижанса совершенно скрылись под снегом, дорога потерялась из виду, и теперь вокруг них расстилается сплошная белая пустыня.

Рассудив, что выбора у них не осталось, несколько человек отважились подойти к прямоугольнику, перекрывшему небо в нескольких ярдах от дилижанса.

Именно в тот момент они впервые увидели чудовище, сидевшее на заснеженном бревне возле входа, которое, по-видимому, являлось стражем прямоугольных врат.

Это была огромная малиновка¹, в несколько раз больше индейки. В ее маленьких глазах-бусин-

¹ Малиновка (или зарянка) — небольшая птичка с красной грудкой из семейства дроздовых. В Великобритании считается национальной птицей и одним из символов Рождества, часто изображаемых на поздравительных открытках.

ках горела невыразимая злоба, и путники всерьез испугались, что она на них нападет. Но когда они достигли края дыры и всмотрелись в размытые цветовые пятна, малиновка осталась неподвижной. На них дул теплый воздух, пропитанный табачным дымом, и, по словам кучера, оттуда лились странные звуки — далекие и искаженные...

Один из пассажиров дилижанса — ученый из Оксфорда, который, по мнению кучера, успел основательно «поднабраться» за время долгого путешествия, — предложил кому-нибудь из присутствующих пролезть в отверстие, за которым на три фута ниже порога рас простерлась широкая коричневая равнина. Откровенно говоря, как бы ни был сомнителен этот план, он сулил большие шансы на выживание, чем ночевка среди холмов, выглядевших все более и более неприветливыми...

«С наступающим! От всех коллег!»

Несколько крепких духом мужчин, разделивших с ученым его бренди, вызвались идти вперед. Кучера среди них не было, но все же из чувства долга он решил их сопровождать. Ведь они по-прежнему оставались его пассажирами, рассказывал он мне, и он считал себя обязанным доставить их в Бат в целости и сохранности.

Ученый предположил, что до Бата можно добраться по коричневой равнине, ибо если имеется вход в этот мир, то где-то должен быть и выход...

Удивительно, но ученый оказался прав. Не успели они пройти и ста ярдов, как из тумана перед ними выступили очертания еще одного прямоугольника — как две капли воды похожего на тот, через который они сюда вошли.

Представьте себе их радость, когда за дверью перед их глазами предстала приветливая улица с окнами, освещенными желтым светом. Один из мужчин заявил, что улица чрезвычайно напоминает ту, где стоит его дом в Лондоне. И хотя большинство путешественников совсем недавно покинули Лондон, перспектива возвращения обратно теперь вызвала среди них величайшую радость. Владелец дома пообещал впустить всех к себе, и один из мужчин вызвался вернуться к дилижансу, чтобы позвать остальных. Ибо в эти последние мгновения надежды им еще мнилось, что Всемогущее Провидение, предвидев их судьбу, заблаговременно открыло на горьком пути врата в теплое сердце величайшего из городов мира...

Именно тогда они заметили группу встревоженных людей с фонарями в руках, толпившихся возле прямоугольника. С упавшим сердцем кучер увидел, что здесь тоже все обсыпано серебристыми блестками. Группа незнакомцев состояла как из мужчин, так и из женщин. После некоторого колебания один из них подошел к кучеру.

Человек, заявлявший, что владеет домом поблизости, вскрикнул от удивления и обнял незнакомца, утверждая, что это его сосед, но тут же отпрянул, разглядев ужасное выражение его лица. Стало ясно, что перед ним — еще одна жертва точно такой же судьбы.

Немного подкрепившись напитком оксфордского ученого, новоприбывший поведал, что еще час назад колядовал вместе с друзьями. Все шло хорошо до тех пор, пока не раздался жуткий

скрип, затем зашевелились тени, и вот каким-то образом они очутились в мире, отличном от мира сего.

— Но... здесь улица и освещенные дома... — пробормотал лондонец. — А вон там... разве не та самая «Лавка диковинных древностей»¹, коей так умело управляет миссис Наджент?²

— Тогда все они более чем диковинны, поскольку двери в лавку не открываются, а за окнами не видно ничего, кроме тусклого желтого света, — ответила одна из участниц колядок. — То, что раньше было домами, друг мой, теперь стало плоским и безжизненным.

— Но должны быть и другие улицы... Мой дом всего в сотне ярдов отсюда...

Лицо женщины сильно побледнело.

— В конце улицы, — сказала она, — нет ничего, кроме белого картона.

Один из их компаний испуганно вскрикнул, пролез в проем и вскоре скрылся из виду. Спустя несколько мгновений они расслышали его ужасный крик, который кучер дословно воспроизвел в своем рассказе:

«Пусть этот день вам каждый год тепло и радость принесет!»

Несколько дам из числа колядщиков впали в совершеннейшую истерику и настояли на том, чтобы присоединиться к путешественникам. Та-

¹ Отсылка к роману Чарльза Диккенса «Лавка древностей».

² В немом фильме 1913 г. «Лавка древностей» британская актриса Мойя Наджент исполнила роль служанки по прозвищу Маркиза.

ким образом, после долгих жарких дебатов было решено вернуться к почтовому дилижансу. С немалыми трудами экипаж был очищен от снега, блесток и багажа, чтобы стало возможным протащить его на равнину.

В этом месте рассказ кучера сделался бессвязным. Кажется, они отправились на поиски еще одного выхода в реальный мир и впервые обнаружили, что странные окна имеют оборотную сторону. Насколько я сумел разобрать его бред, они представляли собой огромные белые квадраты в пространстве, на которых некое агентство начертало длинные зловещие слоганы с чудовищными банальностями, знакомство с которыми столь расстроило лондонского джентльмена.

В моих ушах до сих пор звенит жуткий хохот кучера, когда он повторял раз за разом: «*Долго-долго шел я к вам в день веселый Рождества!*» Снова и снова он бился головой о стену в такт тому, что я лишь с немалой долей условности могу назвать ритмом фразы.

А затем он принялся стучать каблуками по полу.

«*Поздравляем с Рождеством квартиру 27! — прокричал он. — От Тони, Пэт и их детей. Майорку помним все!*»

И сразу после: «*Пусть сверкает Рождество яркими огнями!*» Последнее, по-видимому, оказалось на его мозг самое прискорбное воздействие, и я до сих пор задаюсь вопросом: что же узрел бедняга за этими, казалось бы, невинными словами?

Потом он воскликнул: «*С Рождеством, от маленького Вилли!*» И в этот момент мне пришлось

звать на помощь садовника, чтобы совместными усилиями удержать несчастного на месте. Боюсь, в противном случае он бы нанес себе тяжелые травмы.

Как долго они пребывали на той роковой равнине? По-видимому, их занесло в мир вне времени — во всяком случае, в нашем его понимании. В течение долгих дней они искали выход в мир, состоящий из более чем одной плоскости.

И все это время они были не одни.

В том ужасном путешествии их сопровождали и другие люди. А еще чудовища.

Боюсь, в своих блужданиях кучер навсегда лишился рассудка. Ни один разумный человек не выдержал бы того, что довелось повидать им. Там было одно окно, если можно его так назвать, которое выходило в мир песчаной пустыни под ночным небом, где удобно расположились лагерем три мужчины африканской или азиатской наружности. Один из них сносно говорил на латыни, которую оксфордский ученый еще мог разобрать, даже будучи практически пьяным. Кроме того, обнаружив, что мир их превратился в картонный мусор, они поразмыслили и заключили, что имеют дело с неким событием, возможно, астрономического свойства, которое сильно искали пространство и — кто знает? — даже само время.

К большому огорчению присутствовавших дам, люди из пустыни нашли общий язык с отрядом кучера. Судя по всему, они были хорошо образованы по дикарским меркам, ибо сумели поднять настроение компаний своими рассказами и ди-

ковинными песнями. Кроме того, они оказались довольно состоятельными, что пришлось весьма кстати, когда разбухший отряд застигнутых ночью путешественников случайно наткнулся на группу пастухов — сирот своего мира — и сумел выкупить у них нескольких овец, коих выросший на ферме кучер без труда заколол и разделал.

Пастухи, будучи убежденными кочевниками, довольно далеко отошли от своего окна и теперь делились рассказами об увиденных ужасных чудесах.

«Поздравляем с Рождеством! Первым в твоей жизни! Пусть судьба благоволит и будет не капризной! Господи! Какой чудовищный бигль!»

О чем еще я осмелиюсь написать? Кучер лепетал что-то о четырех гигантских котятах с голубыми бантиками на шеях и о прямоугольнике, внутри которого оказался огромный кекс с цукатами, изюмом и орехами, на долгое время ставший источником пропитания для наших скитальцев. Кроме того, на пути им попалось несколько стаканов размером с дом. Сумев взобраться на один из них — после долгих утомительных упражнений с веревками и ветвью гигантского падуба, — они обнаружили там сладкий херес, в котором оксфордский ученый, к несчастью, утоп.

А на одной из крыш они разглядели ревущего гиганта в красной шубе, бородатого и безумного. Встречались и другие вещи — слишком ужасные, чтобы рассказывать о них в подробностях: например, люди, представлявшие собой не более чем цветные силуэты, или громадная черно-белая карикатурная собака, злобно наблюдавшая за ни-

ми с крыши конуры, а также многое другое, о чем даже я, человек науки, стыжусь написать.

Вероятно, в конце концов кучер решил покинуть компанию и вернуться через равнину обратно, полагая, что замерзнуть насмерть среди суровых зимних холмов Уилтшира — это лучшая участь для христианина, чем оставаться жить в том нечестивом мире.

Едва он добрался до врат и из последних сил взобрался по странно сверкающему снегу, за спиной его вновь раздался скрип. Оглянувшись, он увидел, что жуткая прямоугольная щель исчезла. На него немедленно обрушились холодный ветер и снег, но после того ужасного теплого мира коричневой равнины он воспринял перемену погоды как благословение. Его и нашли прямо там — в свежевыпавшем снегу... Ну что ж, за окном уже совсем стемнело. Колядовщики разошлись, и я очень надеюсь, что по своим домам...

Теперь уходит и моя экономка, не забыв, однако, сообщить странные слухи, передававшиеся сегодня из уст в уста. Близ Эйвери арестован арап, скакавший на верблюде. Жителя Суиндона заклевали до смерти в его же собственном саду, но единственной уликой, обнаруженной в снегу рядом с ним, оказались следы неизвестной огромной птицы. Здесь, в самом Чиппенхеме, один коммивояжер рассказывал, что якобы видел кошку, превосходящую размером слона, которая перепрыгнула через высокую изгородь и умчалась в заснеженные поля. К шее кошки был привязан голубой бант. Господи, что за чудовища проникли в наш мир?

Я вижу собственное отражение в невероятно блестящей серебристой блестке, лежащей на столе. Кучер сжимал этот предмет в руке, когда его обнаружили спасатели. Кто мог разбросать их на снегу и ради какой ужасной цели?

Я открываю шторы и смотрю на оживленную улицу. Местный дилижанс прибыл из Бата и остановился у гостиницы. Вокруг царит суматоха и рождественское веселье. Этот мир неизмеримо далек от печального бреда и невнятных мольб человека, лежащего в моей гостиной. Обнадеживающие картины за окном возвращают меня к реальности. Кто знает, может, он и вправду сошел с ума от холода и все его рассказы о гигантских биглях и летающих санях — не более чем шутки помутившегося разума? Если, конечно, забыть о серебристой блестке...

«Блестки на соломе! Аминь! Желаем наилучшего, мама и папа!»

Я смотрю на падающий снег, на то, как подозрительно он блестит... Мне кажется, я слышу скрип. Да поможет нам Бог, всем до единого!

ИНКУБУС

Проект «Драббл»,
под редакцией Роба Мисса и Дэвида Б. Уэйка,
издательство Becccon Publications, 1988 г.

Этот рассказ появился в 1988 году в первой из трех книг проекта «Драббл», издававшихся бирмингемским фанатским сообществом с целью сбора денег на благотворительность, да и просто ради веселья.

Драббл — это некогда популярный научно-фантастический жанр, подразумевающий написание очень-очень коротеньких рассказов — на сто слов, не больше и не меньше. В таких произведениях каждое слово имеет значение. Как ни странно, но мне это очень понравилось, и я даже сноску умудрился вписать в рамках поставленных условий.

Природа магии такова:
ни один маг, как бы он ни старался, не сможет достичь результата, превосходящего его собственные физические возможности¹.

¹ Примечание автора: см. «Некротелекомникон», с. 38.

Будучи отвергнутым, он совершил Обряд Тумесценции¹ и вызвал демона из глубин Ада, чтобы преподать этой нехорошой ведьме такой урок, который она запомнит на всю жизнь.

На следующий день зазвонил телефон.

— Неплохая попытка, — сказала она. — Он сидит сейчас у изголовья моей кровати.

Дыхание его участилось:

— Ну и как?

— Ничего не буду говорить. Суди сам, — ответила она.

Он расслышал голос демона, потерянный и жалкий:

— ...Мне так неудобно... обычно не бывает проблем... Боже, такого со мной никогда еще не случалось...

¹Тумесценция (от лат. *tumesco* — распухать, вздуваться) — увеличение объема кавернозных тел наружных половых органов при возбуждении.

ПОСЛЕДНЯЯ НАГРАДА

Журнал G. M. The Independent Fantasy Roleplaying Magazine, октябрь 1988 г.

После первого издания я неоднократно возвращался к этому рассказу, пытаясь его улучшить. Раз или два я хотел расширить его до романа, но потом передумывал. И все же я всегда питал слабость к этой истории.

Доггер открыл дверь как был, в домашнем халате. На пороге стояло нечто невероятное.

«Всегда найдется разумное объяснение, — подумал Доггер. — Наверняка я сошел с ума».

В семь утра такое предположение показалось ему вполне удовлетворительным. Он закрыл дверь и зашаркал по коридору. За окном кухни грохотала Северная линия Лондонского метрополитена. Пассажирские вагоны были полны людей, которые явно не являлись сумасшедшими, несмотря на их внешний вид.

Существует блаженный период бытия, который йен-буддисты¹ называют словом «плинки».

¹ Примечание автора: Это как дзен-буддисты, только чаши для подаяний у них больше.

Он совершенно недвусмысленно определяется как промежуток между пробуждением и ударом по затылку от тех проблем, которые не давали вам уснуть накануне вечером. Плинки заканчивается в тот момент, когда вам перестает казаться, что наступило утро нового прекрасного дня и теперь все станет по-другому. Конечно же, не станет.

Доггер вспомнил о ссоре с Никки. Вернее, не совсем о ссоре. Скорее о сердитом молчании с ее стороны и своем все более и более раздраженном бормотании. Он даже не совсем понял, с чего все началось, но помнил, как говорил что-то о некоторых ее друзьях, которые выглядели так, будто они сами стригут хлеб и пекут коз, а потом его претензии переросли в нечто вроде: «Если уж на то пошло, мне действительно кажется, что зеленые 2CV¹ должны прямо с завода выезжать с антиядерными наклейками на заднем стекле». Если бы в тот момент он находился в состоянии, которого достигал после пинты белого вина, то, скорее всего, не удержался бы и высказал заодно все, что думает о женщинах в рабочих комбинезонах. В подобных спорах любая попытка пошутить всегда еще больше раскрывает пропасть, разверстую под ногами. А потом она нарушила... нет, скорее разрушила свое молчание целым потоком замечаний об Эрдане, олицетворении тайных желаний прыщавых подростков, обозвала его

¹Речь идет о микролитражном автомобиле Citroën 2CV (фр. deux chevaux vareug — две лошадиные силы), который выпускался с 1949 по 1990 год и отличался исключительной дешевизной и ремонтопригодностью.

«мачо» и «недоделанным Рэмбо». В тот момент Доггер поймал себя на мысли, что отстает перед ней персонажа, которого в минуты холодной трезвости и сам ненавидел всей душой.

А потом он вернулся домой и написал последнюю главу романа «Эрдан и Змей Обода», на последней странице которой — вероятно, от досады, алкоголя и чувства бунта — убил своего героя снежной лавиной. Вряд ли поклонники ему это простят, однако он все же почувствовал облегчение, избавившись от того, что тяготило его долгие годы. И, кстати, сделало довольно обеспеченным человеком. Это все из-за компьютеров, потому что половина фанатов, которых он встречал теперь, работали на компьютерах. И, конечно, лично зарабатывать он стал только благодаря их компьютерам. Конечно, фанаты научной фантастики иногда ругают «заостренные уши» и всякое такое, но книги они покупают стабильно и читают их запоем.

Теперь ему придется сочинить что-то иное — написать настоящую научную фантастику, например. И для начала надо изучить вопрос о черных дырах и квантах...

Пока он зевал по дороге на кухню, его мучил еще один вопрос.

С какой стати Эрдан-варвар топчется у порога его дома?

Это уже не смешно.

Дверной молоток застучал так сильно, что от штукатурки вокруг двери начали отваливаться куски. Довольно необычный эффект для галлюцинации. Доггер снова открыл дверь.

Эрдан терпеливо стоял возле молока. Самого обычного молока — белого и в бутылках. Эрдан, одетый в крошечную кольчужную набедренную повязку, ростом был около семи футов¹. Торс его бугрился подобно мешку, набитому футбольными мячами. В руке Эрдан, как совершенно точно знал Доггер, держал Сканг, меч Ледяных богов.

Этот меч Доггер лично описывал тысячу раз, и ему совсем не хотелось описывать его снова.

Эрдан первым нарушил молчание:

— Я пришел, — прорычал он, — чтобы встретиться со своим Создателем.

— Прошу прощения?

— Я пришел, — повторил герой-варвар, — чтобы получить свою Последнюю Награду.

Он выжидающе заглянул внутрь дома Доггера, дернув мышцами туловища.

— Вы фанат, верно? — предположил Доггер. — Отличный, кстати, костюм...

— Что такое «фанат»? — перебил Эрдан.

— Я хочу испить твоей крови, — как бы между прочим пропел Сканг.

Поверх плеча великана (образно говоря, ибо на самом деле под массивной подмышкой) Доггер увидел приближавшегося по дорожке почтальона. Мужчина, напевая что-то себе под нос, невозмутимо обошел Эрдана, сунул пару квитанций в безвольную ладошку Доггера, заявил (вопреки очевидному), что сегодня чудесный день, и зашагал прочь.

— Его крови я хочу испить тоже, — снова пропел Сканг.

¹ Больше двух метров.

Эрдан стоял как скала, демонстрируя всем видом, что он не сойдет с места до тех пор, пока не вернутся домой снежные мамонты Хай-Кули.

История помнит немало фатально глупых высказываний. Например, «эта штука выглядит совершенно безопасной» или «индейцы? Какие еще индейцы?». Прямо сейчас к этому списку Доггер добавил еще одно, можно сказать, любимое, благодаря которому продалось энциклопедий и полисов страхования жизни больше, чем вы можете себе представить. Он сказал:

— Полагаю, вам лучше зайти в дом.

По колоритности внешнего вида никто не смог бы сравниться с Эрданом. Кожаный жилет на нем выглядел так, будто его долго хранили в компостной куче. Ногти Эрдана были пурпурного цвета, руки в мозолях, а вся грудь испещрена сеткой шрамов. В могучую руку когда-то вцепилась чья-то пасть размером с кресло, но, видимо, сочла ее невкусной.

«Наверное, — подумал Доггер, — я каким-то образом воплотил фантазии в реальность. Или до сих пор сплю. Главное вести себя естественно».

— Ну что ж... — произнес он.

Пригнувшись, Эрдан вошел в то, что Доггер обычно называл своим кабинетом. От стандартной гостиной комнаты отличало лишь наличие текстового процессора¹ на столе.

¹ Текстовыми процессорами в 1970—1980-е годы называли предназначенные для набора и печати машины индивидуального и офисного использования, состоящие из клавиатуры, встроенного компьютера для простейшего редактирования текста, а также электрического печатного устройства. Позже наименование «текстовый

Эрдан сел в кресло, угрожающе скрипнувшее пружинами, и выжидательно посмотрел на Доггера.

«А ведь он, — подумал Доггер, — может оказаться обычным маньяком-убийцей...»

— Значит, вам нужна последняя награда? — спросил он слабым голосом.

Эрдан кивнул.

— Хм. И в чем она заключается?

Эрдан пожал плечами. Вернее, не так: нескользким огромным мускулам пришлось разойтись в стороны, чтобы позволить могучим плечам подняться и опуститься.

— Мне говорили, — сказал он, — что те, кто погибнет в бою, будут пировать и кутить в твоем чертогеечно.

— Ого. — Доггер обескураженно застыл в дверях. — В моем чертоге?

Эрдан снова кивнул. Доггер огляделся. С учетом телефона и вешалки в гостиной было тесновато. Возможности для кутежа казались довольно ограниченными.

— Хм, хм... — промычал он. — А сколько именно длится вечность?

— Пока не умрут звезды и Великий Лед не покроет весь мир, — пояснил Эрдан.

— А. Почему-то я так и подумал.

— Ты... что сделал?

Голос Кобхэма в телефоне прозвучал хрипло.

— Я выдал ему пива с куриной ножкой и усадил перед телевизором, — ответил Доггер. —

процессор» стало использоваться для компьютерных программ аналогичного назначения.

А знаешь, что его больше всего поразило? Холодильник! Он сказал, что я запер следующий Ледниковый период в темницу, представляешь? А с помощью телевизора, по его мнению, я слежу за миром. Сейчас он смотрит «Соседей»¹ и хочет.

— А от меня-то ты чего хочешь?

— Слушай, никто не смог бы вести себя как Эрдан! Одну эту вонь теперь придется выветривать неделями! Я в том смысле, что это действительно он. Настоящий! Именно такой, каким я его себе представлял. И вот теперь он сидит в моем кабинете и смотрит мыльные оперы! Ты же мой агент, посоветуй что-нибудь.

— Для начала успокойся, — мягко ответил Кобхэм. — Эрдана создал ты. И как-то жил с ним много лет.

— Много лет?! Много лет он жил у меня в голове! А теперь сидит в моем доме!

— ...я вообще не понимаю, зачем ты это сделал. Он ведь популярный. Можно было ожидать, что убийство до добра не доведет...

— Ты же понимаешь, что когда-нибудь это должно было закончиться! Двадцать шесть книг! Куда еще больше?

Из-за стены донесся громкий смех Эрдана.

¹ «Соседи» (англ. Neighbours) — австралийская мыльная опера, стартовавшая на канале Seven Network 18 марта 1985 года. Является самым продолжительным сериалом в истории австралийского телевидения. После начала показа в Великобритании с октября 1986 года на канале BBC One сериал приобрел огромную популярность среди британских телезрителей.

— Так, дай подумать. Скорее всего, он по-прежнему сидит у тебя в голове. Точно говорю, он не настоящий. Ты же сам сказал, что молочник его не заметил.

— Почтальон. Да, но он его обошел! Рон, я создал его, и он считает меня Богом! А теперь я его убил, и он явился ко мне!

— Кевин?

— Да! Что?

— Мой тебе совет, прими каких-нибудь таблеток. И он уйдет. Такое иногда случается.

Доггер осторожно положил телефонную трубку.

— Большое тебе спасибо, — с горечью произнес он.

Конечно же, он попробовал. Сходил в гипермаркет, притворившись, будто громадной фигуры, следовавшей за ним, на самом деле не существует.

Нельзя сказать, что Эрдан был невидимкой для других людей. Глаза их фокусировались на нем, но мозг, казалось, отключался прежде, чем увиденное достигало высших мыслительных центров.

То есть они ходили вокруг Эрдана и даже извинялись автоматически, если вдруг на него натыкались, но если спросить их через минуту, вокруг кого они ходили и перед кем извинялись, то они бы затруднились с ответом.

Доггер завел Эрдана в лабиринт стеллажей и оставил там одного, питая тайную отчаянную надежду, что если варвар скроется из виду, то рассеется как дым. Не мешкая ни секунды, Доггер схватил какие-то хозяйственные мелочи,

прошел через кассу, возле которой, по счастью, не образовалось очереди, и вышел было на улицу, когда веселый крик заставил его замереть. Медленно, как на колесиках, он развернулся на месте.

Оказывается, Эрдан уже успел освоить тележки для покупок. Неудивительно, ведь он очень умен.

В конце концов, Эрдан выбрался из Лабиринта Безумного Бога всего за несколько часов. Что такое катающаяся проволочная коробочка после этого? Сущий пустяк!

Он даже «подружился» с холодильными шкафами. «Ну конечно, — подумал Доггер. — «Эрдан и Вершина мира», глава четвертая». В ней Эрдан выжил благодаря десятитысячелетнему мамонту, случайно обнаруженному в ледяной тундре. Обдумывая главу, Доггер даже провел специальное исследование. По всему выходило, что выжить таким образом невозможно, но какого черта? Теперь Эрдан наверняка считал обнаруженное в морозильнике мамонтятиной, которую волшебник Теско разделил и расфасовал по удобным порционным пакетам.

— Чем больше я узнаю твой мир, — гордо воскликнул Эрдан, — тем больше мне нравится быть мертвым!

Доггер нехотя подошел к тележке.

— Но это же не твое, — сказал он.

Эрдан посмотрел на него с изумлением.

— Как не мое? — спросил он. — Я же сам взял.

Легче легкого. Даже драться не пришлось. Теперь у меня есть выпивка, есть мясо, есть «Меня-зо-

вут-Трейси-чем-могу-помочь», есть даже маленькие орешки в пакетиках.

Доггер сдвинул в сторону многочисленные куски говядины в пенополистирольных коробочках. Из глубины тележки на него смотрели безумные испуганные глаза Трейси. Обеими руками она направила на него пистолет для наклейки ценников, словно Грязный Гарри в ожидании радости¹, и спустя мгновение нос Доггера был оценен в девяносто восемь пенсов за фунт.

— Это называется мыло, — объяснял Доггер. — Сериал «Соседи», конечно, тоже «мыло», но вот это полезнее. — Он вздохнул. — Берешь его в руку, размазываешь по куску мокрой фланели и начинаешь энергично обтирать туловище. Для тебя это в новинку, понимаю. А здесь ванна, — продолжил он. — А тут раковина. А вон там унитаз. Я уже объяснял, как им пользоваться.

— Но эта бадья гораздо меньше ванны, — мягко посетовал Эрдан.

— Согласен. Но тем не менее... Тут полотенца, чтобы вытереться. Это зубная щетка, это бритва. — Доггер помедлил. — Помнишь, как я поместил тебя в сераль эмира Белой Горы? Ты ведь на-

¹ «Валяй, порадуй меня!» (англ. — «Go ahead, make my day!») — фраза Клинта Иствуда из фильма «Внезапный удар» (*Sudden Impact*). Герой Иствуда, детектив по прозвищу Грязный Гарри, приглашает бандита сделать неосторожное движение, чтобы появился повод в него выстрелить. Впоследствии фраза приобрела большую популярность и стала иронически-нарицательной.

верняка там и умылся, и побрился. Ну вот, здесь то же самое.

— А где гурий?

— У меня гурий нет. Придется все делать самому.

Мимо с визгом пронесся поезд метрополитена, от чего зубная щетка упала в раковину. Эрдан угрожающе зарычал.

— Это всего лишь поезд, — успокоил его Доггер. — Ящик для путешествий. Он не причинит тебе зла, если не будешь пытаться его убить.

Десять минут спустя Доггер сидел и слушал пение Эрдана. Впрочем, особых проблем оно не доставляло. Такой звук можно легко себе представить льющимся на закате где-нибудь в тайге. Со светильника капала вода, но и с этим Доггер уже смирился.

Главной проблемой, занимавшей его мысли, была Никки. Впрочем, как всегда. Он должен был встретить ее после работы в ресторане «Дом Тофу». Доггер ужасно боялся, что Эрдан увяжется за ним, справедливо полагая, что Никки это точно не понравится. Его отношения с ней и так были натянутыми — еще с прошлой недели, когда он ляпнул обидное замечание о черных чулках. А ведь он и так был на испытательном сроке после высказывания о том, что, по его мнению, следовало делать с мимами. Господи, даже взяв в руки «Гардиан», чтобы быть в курсе ее интересов, он и тогда не сумел избежать черной метки, поскольку сказал, что детская страница выглядит как нелепая пародия на саму себя.

Дело в том, что Никки нравились так называемые «новые мужчины»¹, хотя в наши дни этот термин, скорее всего, устарел. А Эрдан не был похож на «нового мужчину». Ни с какой стороны. И не заметить его Никки не сможет, поскольку на такие вещи у нее глаз наметанный.

Надо найти способ отправить его обратно.

— Я хочу испить твоей крови, — пропел Сканг из-под дивана.

— Заткнись!

Сделав усилие, Доггер попытался мыслить позитивно.

«Быть не может, чтобы персонаж, которого я сам придумал, плескался в ванной наверху. Это сильная галлюцинация от переутомления. Конечно, я не ощущаю в себе ненормальности, но ведь это ни о чем не говорит, верно? Он... он всего лишь проекция. Точно. В последние годы я переживал тяжелые времена... вернее, лет с десяти. И Эрдан стал проекцией мачо, которым я мечтал стать в детстве. Никки говорит, что и книги я начал писать только по этой причине. Она сказала, что я не могу справиться с реальным миром, поэтому превратил все проблемы в монстров и создал героя, способного их победить. Эрдан — мой заслон от настоящей жизни, вот и все. Без Никки

¹ «Новый мужчина» (англ. new man) — в молодежной субкультуре Великобритании молодой человек, лишенный агрессивности, деликатный, чуткий и внимательный. В домашнем хозяйстве не боится выполнять работу, которая традиционно считается женской: например, заниматься приготовлением пищи или уходом за детьми.

я бы до этого не додумался. Поэтому мне надо просто быть позитивнее, и он исчезнет».

Его взгляд упал на рукопись на столе.

«Интересно, случалось ли такое с Конан Дойлом? Возможно, он как раз садился пить чай, когда в дверь постучал Шерлок Холмс — еще мокрый после падения в Рейхенбахский водопад. А потом Холмс слонялся по дому и делал умные замечания, пока Дойл, наконец, не вернул его обратно на страницы».

Он привстал со стула. Ну вот и все. Осталось только переписать текст...

Толкнув дверь, вошел Эрдан.

— Хо! — воскликнул он, затем засунул мизи-нейц (если можно его так назвать) в ухо и произвел хлопок, похожий на звук пробки, вылетающей из бутылки.

Эрдан был обернут в банное полотенце и в таком виде выглядел чуть помягче и не таким пугающим. Удивительно, на что способна горячая вода, подумал Доггер.

— Вся моя одежда теперь колется! — весело воскликнул Эрдан.

— А ты не пробовал ее стирать? — вяло поинтересовался Доггер.

— Она твердая, как дерево, — возразил Эрдан. — С благовением молю тебя об одежде богов, всемогущий Кевин.

— Моя точно не подойдет, — ответил Доггер, оценивающе взглянув на плечи Эрдана. — Даже в половину. В любом случае выходить тебе не придется. Я сдаюсь. Перепишу последнюю главу, и ты отправишься домой.

Он просиял. Это будет самым правильным решением. Если уж принял безумие всерьез, то надо довести дело до конца. Все, что нужно сделать, — это изменить последнюю страницу. И даже не придется писать новую книгу. Он просто намекнет в конце, что Эрдан каким-то образом выжил.

— Я тебе и новую одежду пропишу, — добавил он. — Глупо, правда? Такой здоровяк, как ты, и вдруг погиб под лавиной! Ты переживал и гораздо худшее.

Он придинул к себе рукопись.

— Помнишь, — бормотал он радостно, — как тебе довелось пересечь Греборскую пустыню без глотка воды, и ты...

Железная рука мягко, но твердо сомкнулась на запястье Доггера. Он вдруг вспомнил один из тех научных фильмов, в котором промышленный робот, способный давить на точку площадью в одну восьмую дюйма с силой в две тонны, осторожно поднимал яйцо. Теперь его запястье понимало, что чувствовало в тот момент яйцо.

— Мне понравилось здесь, — произнес Эрдан.

Он убедил его не брать с собой меч. Сканг был, конечно, немногословен, но эти несколько произносимых им слов вряд ли будут уместны в вегетарианском ресторане, где из белковой пищи подавалась только стручковая фасоль. Самого Эрдана уговорить остаться не получилось. Оно и неудивительно. Кто сможет возразить семифутовому варвару-гиганту, если ему вздумается куда-то пойти? Да никто!

Так что пришлось прописывать Эрдану новый комплект одежды, что удалось лишь отчасти. Природа создала Эрдана не для того, чтобы он носил пиджак спортивного кроя. Проявив изрядную фантазию, Доггер достиг, наконец, компромисса: сделал его похожим на огромного и чрезмерно восторженного фаната группы «Моторхед».

В новой одежде Эрдан стал будто более материальным. Возможно, некие психические антитела, мешавшие посторонним его увидеть, постепенно рассеялись. Теперь прохожие бросали на него странные взгляды.

— А кто такой Тофу? — поинтересовался Эрдан, пока они шли к автобусной остановке.

— Не кто, а что, — ответил Доггер. — Это что-то среднее между едой и плиточным kleem. Он... ну он такой... иногда зеленый, а иногда нет, — попытался объяснить Доггер, но вышло не очень. — Помнишь, как ты ходил с «дружественной войной» к доджу Тенитти? Я вроде писал, что ты там ел макароны.

— Ага.

— Так вот, макароны по сравнению с тофу — просто взрыв вкуса... Два до центра, пожалуйста, — добавил Доггер, обратившись к кондуктору.

Мужчина покосился на Эрдана.

— На рок-концерт едете? — поинтересовался он.

— И ты, значит, кутишь в этом «Тофу»? — спросил Эрдан, когда они вышли из автобуса.

— Слушай, давай забудем про кутеж. Моя девушка... в смысле, юная дама, с которой я общаюсь, там работает. И у нее есть принципы.

Я не хочу, чтобы ты все испортил, лады? Наши отношения сейчас и так не очень простые. — Он немного подумал. — Только не пытайся давать мне советы, как их сделать проще. Перебрасывать женщин через седло и ускакивать с ними в ночь здесь не получится. К сожалению, — мрачно добавил он.

— У меня всегда получалось, — заметил Эрдан.

— Знаю, — пробормотал Доггер. — Я сам по-забочился о том, чтобы у тебя никогда не возникало проблем. Забавно, конечно: двадцать шесть книг в одном и том же белье, и ни одна девушка не намекнула, что следует хотя бы мыть волосы.

— Я не виноват, что они...

— Да я и не обвиняю. Просто выходит, что я подарил тебе то, о чем мечтал сам.

Эрдан сильно наморщил лоб, задумавшись. Затем пошевелил губами, повторив про себя услышанное раз или два. Наконец, Доггеру показалось, что он пришел к какому-то выводу.

— Эка... — пробормотал Эрдан.

— И утром ты туда возвращаешься.

— Мне понравилось здесь. У тебя есть телевизор с картинками, сладкая еда, мягкие сиденья...

— Но ты ведь наслаждался жизнью в Химере! Снежные поля, бодрящий ветер, бескрайняя тайга...

Эрдан бросил на него косой взгляд.

— Разве я не прав? — неуверенно спросил Доггер.

— Как скажешь, — уклончиво ответил Эрдан.

— Кстати, ты слишком много смотришь ящик с картинками.

— Телевизор, — поправил Эрдан. — А я смогу взять его с собой?

— Куда, в Химеру?

— В бескрайней тайге иногда чувствуешь себя одиноко.

— Вижу, ты уже подсели на Четвертый Канал.

Доггер покрутил идею в голове. Нельзя не признать, в ней было определенное очарование: Эрдан-варвар в кольчужном килте, с жаждущим крови мечом в руках смотрит портативный телевизор, накинув на себя теплый плед.

Нет, такое не сработает. Вряд ли в Химере ловятся телеканалы, а набор приличных батареек — это, вероятно, единственное, что ни за какие деньги не купишь на таинственных базарах Ак-Терезикала.

Доггер вздрогнул. О чем он вообще думает? Наверное, он действительно сходит с ума. Фанаты его убьют, если он такое напишет.

Но он уже понимал, что не станет отсылать Эрдана назад. Что-то изменилось теперь, и он уже не сможет этого сделать. Ему нравилось создавать Химеру. Стоило закрыть глаза, как перед его взором представляли горы Шемарка, от каждого высокого пика которых тянулся снежный вымпел. Дельту Прадес он знал, как свои пять пальцев или даже лучше. И теперь там все идет своим чередом, угасая подобно приливу. Только уже без Эрдана.

Начавшего эволюционировать.

— Здесь написано «Дом Тофу», — сказал Эрдан.

Научившегося читать.

Чья одежда почему-то больше не смотрелась нелепой, а походка стала менее неуклюжей.

Доггер уже понимал, что, как только они войдут в эту дверь, Эрдан и Никки легко поладят. Она не сможет его не заметить. Если на Доггера она смотрела как на пустое место, то с Эрданом все будет иначе.

Его волосы сделались короче, а наряд приобрел настоящую стильность. За несколько минут ходьбы от автобусной остановки Эрдан проделал путь, на который большинству варваров понадобилось бы десять тысяч лет. Впрочем, это логично. В конце концов, Эрдан был создан как олицетворение истинного героя. Поместите его в другое окружение, и он изменится, чтобы ему соответствовать. Два часа общения с Никки — и он начнет в одиночку торпедировать китобойные суда и отключать атомные электростанции.

— Заходи туда без меня, — сказал Доггер.

— Что-то случилось? — спросил Эрдан.

— Просто нужно кое в чем разобраться. Я присоединюсь к вам позже. Но помни, что именно я создал тебя таким, какой ты есть.

— Спасибо, — ответил Эрдан.

— Вот запасной ключ от квартиры на случай, если я не вернусь. Ну ты понимаешь... Задержусь или что-то в этом роде.

Эрдан помрачнел.

— Заходи смело. И не переживай — я не отправлю тебя обратно в Химеру.

Эрдан посмотрел на него изумленным взглядом с оттенком облегчения.

— В Химеру? — переспросил он.

* * *

Текстовый процессор ожила.

Монитор был без разметки, просто пустым. На экране царила тьма, за исключением одинокого манящего мерцания курсора.

Рука Доггера скользнула по клавиатуре.

Это должно работать в обоих направлениях. Если вера является двигателем, то наверняка можно поймать попутку — конечно, если вы достаточно безумны, чтобы на это решиться.

Но с чего же начать?

Короткого рассказа будет достаточно, чтобы создать персонажа. Химера и так уже существовала в маленьком пузыре фрактальной реальности, созданной вот этими десятью пальцами.

Доггер принял решение печатать — сначала нерешительно, но затем все более уверенно по мере того, как идеи кристаллизировались в его голове.

Через некоторое время он открыл кухонное окно. Позади него, в темноте, стрекотал принтер...

Ключ в замке повернулся.

Курсор мягко пульсировал на экране, пока они заходили, говорили, варили кофе, затем снова говорили на языке тела людей, неожиданно обнаруживших, что их связывает много общего. Выражения вроде «холистический подход» проплывали мимо некритически мерцающего маячка.

— Он постоянно так делает, — жаловалась она. — Это все из-за выпивки и курения. Совершенно нездоровая жизнь. Как можно настолько себя не беречь?

Эрдан не ответил. Из принтера на стол каскадом вывалилось несколько отпечатанных листов, и теперь он просматривал их содержимое. С улицы донесся вой сирены, усиленный эффектом Доплера.

— Прошу прощения? — произнес он, оторвавшись от чтения.

— Я сказала, что он совершенно не умеет себя беречь.

— Кажется, теперь ему придется этому быстро учиться, — ответил Эрдан.

Он взял карандаш и принял задумчиво рассматривать его кончик, пока необходимые навыки не щелкнули в голове. Затем он дописал в тексте несколько фраз. Этот идиот даже не уточнил, какая на нем одежда. Если вы действительно собирались писать от первого лица, то было бы неплохо одеться потеплее. В степи сейчас чертовски холодно.

— Значит, вы знакомы с ним уже давно?

— Много лет.

— Но ты не похож на большинство его друзей.

— Одно время мы были очень близки. Думаю, присмотрю за домом, пока он не вернется.

Эрдан набросал карандашом: «...но приветливый свет костра лагеря Скрилингов пробивался сквозь заросли обледеневших деревьев». Скрилинги — это нормально. Они считали сумасшедших людей великими шаманами, так что с Кевином все будет в порядке.

Никки встала.

— Что ж, пойду, пожалуй, — сказала она.

От странного тона ее голоса в голове Эрдана все перевернулось.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

— Тебе не обязательно уходить, — ответил он. — Разумеется, если ты не против.

Последовала долгая пауза. Немного смущаясь, она подошла сзади и взглянула на бумаги через его плечо.

— Что это? — сменила она тему, пытаясь хотя бы ненадолго оттянуть момент логического завершения разговора.

— Его рассказ. Лучше отправлю утром.

— Ого. Ты тоже писатель?

Эрдан посмотрел на текстовый процессор. По сравнению с бронзовыми ордами Меркла он выглядел совсем не страшно. Теперь его ждала новая жизнь, он чувствовал ее неодолимое притяжение.

И она его полностью устраивала.

— Кажется, да, — ответил он.

— Слушай, мне правда нравится Кевин, — быстро проговорила она. — Но он всегда мне казался кем-то... не от мира сего.

Она отвернулась, чтобы скрыть смущение, и посмотрела в окно.

— На линии метро очень много синих огней, — сказала она.

— Неужели? — задумчиво проговорил он, внеся еще несколько правок.

— И куча народу толпится вокруг.

— Хм...

Эрдан сменил название на «Странник Соколиной песни». Теперь он видел, что в истории не хватает деталей. Надо добавить туда все, что он знал.

Немного поразмыслив, он дописал: «Хроники Кевина-менестреля. Книга первая».

Это самое малое, чем он сможет ему помочь.

НОЧНЫЕ «ВЕРТУШКИ»

«Тайные превращения», ред. Диана Уинн Джонс,
изд-во «Мэтзуэн», Лондон, 1989 г.

Иногда вы придумываете какое-нибудь название и не можете не написать к нему рассказ. Диане Уинн Джонс нужна была история для подростковой антологии «Тайные превращения», которую издали в 1989 г. На самом деле результат мне понравился, но короткие рассказы меня так изматывают, что я даже завидую людям, которые пишут их ради удовольствия.

Слушай, констебль, я только одного не понимаю — неужели ему действительно нравится блюз? Ведь жизнь Уэйна и есть один сплошной блюзовый сингл. Я к тому, что если бы люди были музыкой, то Уэйн стал бы одной из этих старых шипящих записей, сто раз перезаписанных с цилиндрического фонографа или как там его... где какой-нибудь старикан с погонялом типа Глухой Рыжий Робинсон стоит по колено в Миссисипи и завывает гнусавым голосом.

Глядя на Уэйна, можно подумать, что он увлекается хеви-метал или музыкой Мита Лоуфа¹, например. Но я подозреваю, ему нравится все. Без исключения.

А? Ну да. Это мой фургон, с намалеванной надписью «Дискотека Адского Пламени». Видишь ли, Уэйн не умеет водить. Ему это просто неинтересно. Помню, как я обзавелся своей первой «ласточкой», и мы с ним поехали отдохнуть. Вел машину я, ну и ремонтировал, конечно, тоже, а Уэйн только и делал, что вертел радио в поиске пиратских радиостанций. На самом деле ему было все равно, куда ехать, лишь бы по возвышенностям, где приемник брал «Кэролайн» или там «Лондон». Ну а мне было плевать куда рулить — лишь бы рулить.

Я всегда любил машины больше, чем музыку. До сегодняшнего дня. Не знаю, наверное, мне уже никогда не захочется садиться за руль. Иначе только и буду гадать — вдруг кто-нибудь появится на пассажирском сиденье?..

Извиняюсь. Ага. Так вот, значит, дискотека. Мы договорились, что с меня фургон, с него пластинки, а стоимость музыкального оборудования разделим пополам. Это, кстати, я предложил. Я к тому, что тогда мне казалось, что это прекрасная идея. Уэйн живет вместе с мамой, но теперь только в двух комнатах, поскольку вся остальная квартира забита его коллекцией винила. Многие

¹Мит Лоуф (англ. Meat Loaf) — американский рок-певец, кино- и театральный актер. Получил широкую известность после выхода успешного альбома *Bat Out of Hell* и нескольких песен к кинофильмам.

люди коллекционируют пластинки, но Уэйн, мне кажется, мечтает... точнее, мечтал заиметь все пластины в мире, которые когда-либо выпускались. Лучшим развлечением он считал зайти в какой-нибудь древний магазинчик в каком-нибудь задрипанном городишке, перерыть там все снизу доверху и выудить нечто странное с названием типа «Звездный Спутник и Космонавты». И что самое смешное — когда мы возвращались в его комнату, он подходил к полке с винилом, сдвигал пластины в сторону, и там — представь! — уже стоит дожидается коричневый конверт, на котором написано правильное название, год записи и все такое.

Или, к примеру, он просит отвезти его в какой-нибудь Престон и находит там парня, работающего сантехником. И вот выясняется, что этот сантехник в далеком 1961 году называл себя Ронни Блесткой и даже успел подняться аж до 152-го места в чартах. И Уэйн просто хотел спросить, не завалялось ли у того лишнего экземпляра его единственной пластинки, которая оказалась настолько бездарной, что ее нельзя теперь отыскать даже в специализированных магазинах.

Уэйн был из тех коллекционеров, которые терпеть не могут пропусков в своей коллекции. Это почти религия, серьезно. В том, что касалось музыки, он мог дать фору даже самому Джону Пилу¹, если бы не одна проблема: больше всего

¹Джон Пил (англ. John Peel, 1939—2004) — британский радиоведущий и диск-жокей, один из самых авторитетных экспертов в области современной музыки, оказавший огромное влияние на ход ее развития. Он записал

его интересовали записи, которых у него еще не было. Он мог годами ждать возможности заполучить демо-диск какой-нибудь панк-группы, которая, вероятно, давно перемерла от передоза, но к тому времени, когда пластинка оказывалась у него в руках, он уже знал о ней все — включая имя уборщицы, которая мыла пол в студии после записи. Одно слово — коллекционер.

Вот я и подумал — чего еще не хватает, чтобы замутить дискотеку?

В общем, оказалось, что не хватает почти всего, чего не было у Уэйна — нужной внешности, правильных шмоток, здравого смысла, хоть какого-то представления об электрической проводке и способности болтать как попугай. Но тогда мы смотрели в будущее с оптимизмом, поэтому я быстро продал свой старый «Форд Капри», купил фургон и почти профессионально его перекрасил. Получилось так четко, что логотип «Мидлэнд Электрисити Боард» стал почти не виден. Я хотел, чтобы машина выглядела как фургон из сериала «Команда А» — правда, тот мог перепрыгнуть через четыре другие машины и как ни в чем не бывало мчаться дальше, а для моего даже канализационные люки переехать проблема.

радиоконцерты множества прежде неизвестных музыкантов, которым впоследствии суждено было достичь огромного успеха: Led Zeppelin, Pink Floyd, Дэвид Боуи, T. Rex, The Cure, Nirvana, Smashing Pumpkins и многих других, таким образом дав толчок к развитию их карьеры. В его эфире звучала очень разнообразная музыка, от рок-н-ролла, панк-рока и метала до этники и техно.

Прошу прощения, сержант, но мне уже все сказали — и про налоги, и про страховку, и про техосмотр. Не переживай, я больше не буду водить машину. Никогда.

Короче, накупили мы кучу усилков и другой фигни у Иэна Кертиса из Вайрклиффа, потому что он надумал-таки жениться, и Трейси хотела, чтобы он ночевал теперь дома. Потом разместили несколько объявлений в витринах газетных киосков и принялись ждать.

Нельзя сказать, что люди прямо-таки ломанулись заказывать у нас дискотеки, потому что далеко не все понимали стиль Уэйна. Понятное дело, чтобы работать диджеем, необязательно быть мастером слова. Люди ждут простых реплик, вроде «Бодрячком!», «Йеху!» или «А теперь буги-вуги!». Не важно, что это звучит по-дебильному, главное, публика чувствует свое превосходство. Но чего им точно не надо, пока они напиваются на свадьбе, так это чтобы кто-нибудь стоял за пультом, сверкая глазами, что твои прожекторы, и вещал: «А со следующим треком связана вот такая интересная история...»

Но, что странно, через некоторое время благодаря «сарафанному радио» мы приобрели некоторую популярность. Кажется, все началось с годовщины замужества моей сестры Берил. Она меня старше, как ты понимаешь. И вот оказалось, что Уэйн припер с собой почти все пластинки, которые выпустили в год ее свадьбы. И не только топовые. Поскольку все гости были примерно одного возраста, то очень скоро в зале стало не продохнуть от ностальгии. Уэйн словно завел их

остывшие двигатели и прокатил по шоссе воспоминаний.

После этого мы стали получать приглашения от клиентов постарше — из тех, знаешь, что уже не дети, но и разваливающимися стариками их не назвать. То есть мы превратились в нечто вроде специализированной дискотеки. В перерывах люди подходили к Уэйну, чтобы поболтать о каких-нибудь великих песнях, которые «эх, умели же раньше сочинять», и вдруг оказывалось, что они есть в фургоне. У него было все, что они когда-то где-то слышали — хотя бы краем уха. Да и то, что не слышали, у него тоже имелось. Словом, Уэйн был настоящим коллекционером — его не волновало, хороша ли вещь на самом деле или нет. Главное, что она была.

Конечно, он бы сам с этим не согласился. Он всегда говорил, что каждая пластинка по-своему уникальна. Вы могли считать что-то полной дрянью, но вот перед вами человек, который раздобыл почти все, что выпустили за последние сорок лет, и он искренне верил, что в любой записи есть нечто особенное. Он просто их любил. Он мог сидеть всю ночь в своей комнате, заполненной коричневыми конвертами, и слушать пластинки одну за другой. Клянусь, он их все любил, без исключения.

Да-да, я понимаю... Но ведь ты должен знать, каким он был человеком, чтобы понять, что произошло дальше.

Так вот, нас наняли провести танцульки на Хеллоуин. Наступило то самое время, когда на улицах проходу нет от мелких гадов, бегающих

с криками «сладость или гадость» и молочными бутылками наперевес.

Уэйн подготовил кучу песенок в стиле «Чудовищного месива»¹. В тот день он выглядел довольно ужасно, но тогда я не придал этому значения. Я в том смысле, что он всегда выглядел ужасно. В общем-то это было его нормальное состояние. Видимо, из-за того, что он много лет провел в закрытом помещении, непрерывно слушая пластинки. Плюс больное сердце, астма и все такое.

Танцы были в... ладно, ты и так уже знаешь. Вечеринка на Хэллоуин,строенная, чтобы собрать денег для церковного зала. Уэйн сказал, что это очень смешно, но не объяснил почему. Наверное, это какая-то заумная шутка. Он вообще не плохо шарил в таких вещах. Ну, знаешь, замечал всякие мелкие детали, на которые не обращали внимания другие. За это его часто били в школе, если меня не оказывалось рядом. В детстве он был одним из тех тощих дохляков, чьи очки вечно перемотаны пластырем. Он никогда в жизни ни на кого не поднял руку, ну, разве что единственный раз — когда Грибо Гревз разбил пластинку, которую Уэйн притащил на школьную дискотеку. Тогда Уэйн впал в такую ярость, что его пришлось вчетвером оттаскивать от Грибо и отнимать у него железный прут. А потом приехала полиция, «Скорая», все дела...

Ну ладно...

¹ «Чудовищное месиво» (англ. Monster Mash) — главный хит в карьере американского поп-певца Роберта Джорджа Пикэтта (1938—2007), записанный в мае 1962 г.

Я позволил Уэйну расставить оборудование самому — это была ошибка, но что поделать, он так захотел, — а сам пошел и сел возле того, что они называли баром, то есть у пары козловых столов, накрытых скатертью.

Не, ничего я там не пил. Разве что стаканчик пунша, но это все равно что компот... Ну хорошо, два стакана. Но я полностью уверен в том, что видел и слышал... Кажется.

На такие мероприятия ходит публика особого сорта. Всегда присутствуют организатор, несколько членов церковного комитета, какие-то селяне, которые забрели на танцы только потому, что по ящику нечего смотреть, кроме снукера¹. Каждый нацепил маску, нисколько не позабочившись о костюме в целом, так что выглядело это так, будто Франкенштейн с компанией одеваются в магазинах «Маркс энд Спаркс»². На стенах висели скаутские плакатики и те особые деревенские батареи, которые не столько греют, сколько сами поглощают тепло. Воняло несвежими теннисными туфлями. Ну и, чтобы эта дыра хоть чуть-чуть напоминала цивилизацию, под потолком повесили маленький зеркальный шар. Половина зеркал с которого уже отвалилась.

...Ну ладно, может, и три стакана. Но там плавали кусочки яблока. Разве в серьезных напитках могут плавать яблоки?

¹Снукер (англ. snooker) — разновидность бильярда, широко распространенная в Великобритании и бывших британских колониях.

²«Маркс энд Спаркс» — разговорная форма названия магазинов «Маркс энд Спенсер».

Уэйн начал программу с нескольких горячих хитов, чтобы заставить толпу потопать ножками. Я говорю метафорически, сам понимаешь. Никаких бути-вуги и всякого такого. Все-таки люди собрались немолодые.

Ну и вот. Я уже говорил, что Уэйн не был создан для такой работы, и в тот вечер — в последний вечер — он управлялся с «вертушками» хуже, чем обычно. Он смотрел на танцующих и что-то бормотал себе под нос. Он перепутал пластинки. И даже поскретчил¹ одну. Случайно, конечно. Единственный раз в жизни я увидел Уэйна по-настоящему разгневанным — не считая того случая с Грибо, — когда вдруг раздался скретч-эффект.

Мне показалось неудобным вмешиваться, поэтому я подошел к нему только во время перерыва. И ты представляешь, он был таким потным, что с него прямо капало на микшер.

— Видишь того мужика? — спросил он. — В брюках-клеш.

— Мафусаила?

— Не туши, а? Вон того — в костюме из черного шелка со стразами. Который весь вечер косит под Джона Траволту. Да хорош, его невозможно не заметить. Обувь на танкетке, серебряный медальон размером с тарелку. Мaska в виде черепа. Он только что у двери стоял.

Но я никого такого не видел. А если бы увидел, то точно бы не забыл.

¹ Скретч (англ. scratch — царапать) — звуковой эффект, получаемый ручным продергиванием звуковой дорожки (взад-вперед), записанной на виниловую грампластинку во время воспроизведения на проигрывателе.

Уэйн совсем оцепенел от страха.

— Ты должен был его заметить!

— Да в чем дело-то?

— Он с меня весь вечер глаз не сводит!

Я поклопал его по плечу.

— Наверняка впечатлился твоей техникой, старина.

Я оглядел зал. Большинство присутствующих уже перекочевало поближе к пуншу. Негодяи, что тут скажешь... Уэйн вдруг схватил меня за руку.

— Не уходи!

— Да я просто хочу подышать воздухом.

— Не... — он нервно сглотнул, но взял себя в руки. — Не уходи. Побудь рядом. Пожалуйста!

— Да что с тобой такое?

— Пожалуйста, Джон! Он все время смотрит на меня странным взглядом!

Кажется, он был действительно напуган. Я сдался.

— Ну хорошо. Только в следующий раз покажи точно, где он стоит.

Я дал ему возможность заниматься своими делами, а сам попытался привести в порядок чудовищную мешанину из штепсельных разъемов и переходников — обычный вклад Уэйна в нашу электробезопасность. Когда имеешь дело с таким количеством оборудования, какое есть у нас — ну хорошо, было, — то возиться с ним можно часами. Одних коннекторов разного вида столько, что... Согласен, отвлекся...

Не успела закончиться следующая песня, как Уэйн потащил меня обратно к декам.

— Вон он! Видишь? Прямо по центру!

Никого я там не видел. Только двух девушек, танцующих друг с другом, да несколько парочек, пытающихся притвориться, будто семидесятых не существовало. Любой ковбой в стразах выделялся бы среди них, как клубника в ирландском рагу. Я решил, что в данном случае мне придется прибегнуть к такту и дипломатии.

— Уэйн, — мягко сказал я, — по-моему, у тебя чердак слегка проходился...

— Ты что, правда не видишь? Серьезно?

Нет, я не видел. Хотя...

...после того, как он показал, куда смотреть...

...я увидел пустое место.

В смысле, кусок пола в центре, от которого почему-то все старались держаться подальше. Нет, не то чтобы его избегали. Как бы тебе объяснить... Просто не наступали на него, и все. Вроде случайно. Но этот пустой кусок все время оставался пустым. Он слегка смещался, но не исчезал.

Да-да, я понимаю, что участок пола не может двигаться. Просто поверь мне на слово — этот мог.

Пластинка подошла к концу, но Уэйн держался еще достаточно бодро и сумел поставить следующую. Он даже вывел ее аккуратненько, постепенно увеличив громкость — как обычно делают со старыми добрыми песнями, которые все знают и любят.

— Он еще там? — спросил он, боясь оторвать взгляд от «вертушки».

— Подошел чуть ближе, — ответил я. — Может, хочет побороться за приз?

...я хочу жить вечно...

— Обалденная от тебя помощь...

...люди станут смотреть на меня и кричать¹...

Звуки популярной песни привлекли довольно много людей, но пустое место по-прежнему огибали — ну хорошо, избегали — все танцующие.

Тогда я подошел к пустому месту и встал прямо на него.

Резко похолодало, и я вдруг услышал:

— ДОБРЫЙ ВЕЧЕР.

Голос прозвучал одновременно со всех сторон. Движения танцующих сильно замедлились. Люди превратились в статуи, застывшие в каком-то черном тумане, а музыка — в низкий рокот.

— Где ты?

— У ТЕБЯ ЗА СПИНОЙ.

Когда слышишь такое, хочется немедленно обернуться. Ты не представляешь, сколько сил мне стоило этого не сделать.

— Ты напугал моего друга, — сказал я.

— Я НЕ ХОТЕЛ.

¹ Звучит припев песни «Fame» («Слава») американской певицы Айрин Кары из одноименного кинофильма 1980 года с ее участием, в котором Т. Пратчетт слегка изменил слова:

I'm gonna live forever,
(у Пратчетта «I wanna live forever»)
I'm gonna learn how to fly.
I feel it coming together,
People will see me and cry.

Я буду жить вечно,

Я научусь летать.

Кажется, все встает на свои места.

Люди станут смотреть на меня и кричать.

— Убирайся отсюда.

— БОЮСЬ, НЕ ПОЛУЧИТСЯ.

И все-таки я обернулся. В нем было около семи футов роста с учетом... да-да, с учетом обуви на платформе. И да, на нем были клеши, которые смотрелись довольно естественно. Я бы даже сказал, сверхъестественно. Уэйн говорил, что они черные, но, оказалось, не совсем. Они вообще не имели никакого цвета. Это были просто дыры в форме одежды, ведущие в какой-то Иной Мир. По сравнению с этим черное выглядело бы ослепительно-белым. Ниже пояса он действительно чем-то походил на Джона Траволту — но только на Траволту, которого похоронили три месяца назад.

И маска в виде черепа на нем была. Даже видно было веревочки, на которые она крепилась.

— Ты часто сюда приходишь?

— Я ВСЕГДА РЯДОМ.

— Ни разу тебя не видел.

Уж я бы точно его не забыл. Не часто встречаешь человека двухметрового роста и весом килограммов сорок пять — особенно если он ходит с таким видом, будто заранее продумывает движение каждого мускула. И ведет себя так, будто и жив, и мертв одновременно. Как Клифф Ричард¹.

— У ВАШЕГО ДРУГА ИНТЕРЕСНЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ.

¹ Сэр Клифф Ричард (англ. Cliff Richard, род. в 1940 г.) — британский исполнитель популярной музыки, который одним из первых среди англичан начал исполнять рок-н-ролл.

— Ага. Он, знаешь ли, коллекционер.

— Я ЗАМЕТИЛ. ВЫ НЕ МОГЛИ БЫ МЕНЯ ЕМУ ПРЕДСТАВИТЬ?

— У меня есть выбор?

— ВРЯД ЛИ.

...Ну ладно, четыре стакана. Но дама на разливе сказала, что в нем только домашнее вино и апельсиновый сок. Душевная, кстати, старушка — если не обращать внимания на маску обратния.

Так вот, я же видел своими глазами танцующих, которые замерли будто статуи. И музыка превратилась в тихое жужжание, а еще эти сине-фиолетовые тени от всех предметов... Я к тому, что от выпивки такого не бывает.

И только Уэйн остался таким, как был. Он просто стоял и смотрел на нас, открыв рот.

— Уэйн, — сказал я. — Это...

— ДРУГ.

— Для кого? — поинтересовался я.

Он как-то сразу мне не понравился. Терпеть не могу показушников. Клещи на нем были невероятной ширины, а на запястье блестело что-то типа серебряного опознавательного браслета, причем такой ширины, что к нему можно было пришвартовать линкор. Да и то, что сама рука была сплошной костью, симпатии к нему не добавляло. Мне казалось, что я вот-вот должен прийти к какому-то выводу, но думать нормально не получалось. Голова стала будто ватная.

— ДЛЯ ВСЕХ, — ответил он. — РАНО ИЛИ ПОЗДНО. НАСКОЛЬКО Я ПОНЯЛ, ВЫ КОЛЛЕКЦИОНЕР?

— Ну есть немного... — уклончиво ответил Уэйн.

— МНЕ КАЖЕТСЯ, УЭЙН, ВЫ ПОЧТИ ТАКОЙ ЖЕ ЭНТУЗИАСТ, КАК Я.

Уэйн даже лицом просветлел. Ничего не поделать — такая уж у него натура. Его можно было застрелить, но если бы представился случай поговорить о хобби — вернее, о главном деле всей его жизни, — то он бы наверняка восстал из гроба.

— Ух ты! — воскликнул он. — Вы тоже коллекционер?

— СОВЕРШЕННО ВЕРНО.

Уэйн пристально посмотрел на гостя.

— Мы ведь когда-то встречались, верно? — спросил он. — Я посещаю почти все съезды коллекционеров. Вы были на фестивале-аукционе любителей пластинок в Бленхейме?

— СЛОЖНО СКАЗАТЬ. Я МНОГО ГДЕ БЫВАЮ.

— В тот день у аукционщика случился инфаркт.

— АХ ДА. КАЖЕТСЯ, ПРИПОМИНАЮ. Я ЗАГЛЯДЫВАЛ ТУДА НА ПАРУ МИНУТ.

— Мне показалось, что приобретать там особо нечего.

— НУ НЕ ЗНАЮ. СОРОК ТРИ ГОДА — ДОВОЛЬНО НЕПЛОХО.

...Ну хорошо, инспектор. Может, и шесть стаканов. Но я все равно считаю, что выпивка тут ни при чем. Находит же порой такое чувство, словно заранее знаешь, что сейчас произойдет? Что? На тебя не находит? Ладно, не важно. Возможно, я и был слегка не в себе, но мне вдруг сделалось

довольно неуютно. Да и любому бы сделалось. Даже такому, как ты.

— Уэйн, — говорю. — Завязывай уже. Попробуй сосредоточиться, и он уйдет. Успокойся, пожалуйста, сделай глубокий вдох. Здесь явно что-то нечисто.

Но это было все равно, что говорить с кирпичной стеной. Я видел, каким становится Уэйн, когда встречается с другими коллекционерами — они иногда устраивают собрания по выходным. Или когда случайно пересекаются в лавке. Очень странные люди. Но страннее этого я в жизни не видел! Он был реально не от мира сего.

— Уэйн!

Но они оба уже не обращали на меня внимания. Осколки разума в моем мозгу подпрыгивали на месте и кричали что-то такое, во что я никак не мог поверить.

— О ДА, ЭТИ У МЕНЯ ЕСТЬ, — говорил гость, повернувшись к Уэйну, — ЭЛВИС ПРЕСЛИ, БАДДИ ХОЛЛИ, ДЖИМ МОРРИСОН, ДЖИМИ ХЕНДРИКС, ДЖОН ЛЕННОН...

— Довольно широкий диапазон по стилям, — похвалил Уэйн. — А Битлы у вас есть?

— ЕЩЕ НЕ ВСЕ.

И вот — клянусь! — они принялись болтать о музыке. Помню, как мистер Друг рассказывал, что у него имеется полное собрание композиторов семнадцатого, восемнадцатого и девятнадцатого веков. Ну конечно, чего еще следовало ожидать?

Я всегда вписывался за Уэйна — еще с начальной школы. Чувствую, дело дрянь, надо что-то

делать. Тогда я хватаю мистера Друга за плечо и размахиваюсь кулаком, чтобы как следует влупить в эту ухмыляющуюся маску.

Но он поднимает вдруг руку, и кулак натыкается на невидимую, но вязкую, как патока, стену. Затем он снимает маску, говорит мне пару слов и очень нежно берет Уэйна за руку...

А потом взорвался усилок, потому что Уэйн, как я уже говорил, нешибко разбирался в электричестве, а в церковном зале была проводка какого-то тысяча восемьсот мохнатого года. И тут началось — вспыхнули декорации, все заорали, забегали туда-сюда. Дальше — все как в тумане, более-менее пришел в себя я только на стоянке. Половина волос обгорела, церковь пылает как фейерверк, в общем, ужас.

Да, я тоже не понимаю, почему его не нашли. Что, даже зубов не осталось?

Нет, я не знаю, где он может быть... Не думаю. Вряд ли он кому-то задолжал.

(Честно говоря, мне кажется, он нашел новую работу. Допустим, есть коллекционер, у которого собраны все — и Пресли, и Хендрикс, и Леннон, и Холли. Причем это единственная в своем роде коллекция. Другой такой нет и никогда не будет. Уэйн ни за что бы не упустил такой шанс. Думаю, сейчас он уже с невероятной осторожностью вынимает их из чехольчиков и с любовью крутит наочных «вертушках»...)

Прошу прощения. Это я сам с собой.

Я одного не понимаю. Вернее, я много чего не понимаю, но сейчас меня волнует только один вопрос.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Зачем мистеру Другу понадобилось надевать маску?

Да потому что под маской он выглядел точно так же, деб... офицер!

Что он мне сказал? Полагаю, то же самое, что привычно говорит многим. Наверное, это был намек. Он сказал: «ЕЗЖАЙ ОСТОРОЖНЕЕ».

Нет. Нет, я серьезно. Спасибо, пройдусь пешком.
Да, конечно. Легкой мне дороги...

#IFDEFDEBUG + ‘МИР/ДОСТАТОЧНО’ + ‘ВРЕМЯ’

«Цифровые сны»,
ред. Дэвид В. Барретт,
изд-во Hodder & Stoughton, Лондон, 1990 г.

Этот рассказ публиковался в антологии «Цифровые сны» под редакцией Дэйва Барретта. У меня возникло искушение «обновить» его — ведь речь, в конце концов, идет о Виртуальной Реальности, ха-ха! Я такой старый, что помню, с чего она начиналась. Но потом я подумал — какой смысл в этих переделках? Вдобавок это будет выглядеть как жульничество.

Мне просто понравилась идея истории о дружелюбном ремонтнике — не очень умном, но хорошо разбирающемся в машинах, который колесит по этому спящему, тихому и скучному миру. Все разваливается, знания тают, а он так и гоняет свой фургон по сонным улицам, помогая людям видеть сны.

Теперь, спустя много лет, все это кажется до мурашек похожим на то, к чему мы идем.

Никогда не принимал идею машин, помещенных внутрь людей. В конце концов, это противоестественно. Люди скажут: «Эй, а как же кардиостимуляторы, искусственные почки и так далее?» Но ведь это же все равно машины, как ни крути.

Кстати, некоторые из них работают на ядерных батарейках. И не говорите мне, что это нормально.

Однажды я попробовал поставить себе имплант. Он должен был высвечивать раз в секунду время в нижнем левом углу глазного яблока маленькими красными цифрами. Мне сказали, что это очень удобно для занятого работника, который постоянно должен быть в курсе — ну, на подсознательном уровне, — сколько сейчас времени. Только мой имплант обнулялся до вторника 1 января 1980 г. всякий раз, когда я моргал. Я сдал его по гарантии, но продавец все равно попытался всучить мне другой — способный показывать местное время в двенадцати разных столицах плюс отчеты с фондовых рынков, и еще кучу всякой ерунды. Тут ведь какая получается штука: когда вы пойдете с этим устройством, я извиняюсь, отлить, то перед вами будут мелькать красные циферки, указывающие на расстояние и угол атаки, а писсуар превратится в векторное изображение. Бип-бип! Целься... Огонь!..

...Она уже бродит где-то рядом. Возможно, вы ее уже видели. Или его. Это как бессмертие...

Короче, не люблю я машины в людях. Не любил и любить не буду никогда.

Я потому об этом вспомнил, что, когда вошел в квартиру, в глазах полицейского возле двери застыл именно тот панический взгляд, с которым они слушают свое внутреннее радио.

Наверное, на бумаге идея выглядела отлично: вся статистика правонарушений, доставляемая прямо в мозг. Только от такого шума у них постоянно головы болят. И что хорошего в том, что, когда рядом проезжает такси, у них тут же возникает желание взять квитанцию за проезд до какого-нибудь Рушди Роад, 27? Ладно, шучу.

Как только я вошел, в нос немедленно ударила характерный запах.

Впрочем, не трупный. От этой вони они избавляются в первую очередь.

Нет, просто запах затхлости. Так часто воняет старый дешевый пластик. Это того рода запах, каким пахнет место, которое вроде должно быть грязным, только грязи вокруг не видать — запах, так сказать, затертой чистоты. Так бывает, когда вы, скажем, взрослеете и уезжаете из дома, и мама держит вашу детскую комнату нетронутой в течение десяти лет. Вот здесь вся квартира была такой, только моделей самолетиков под потолком не хватало.

Итак, меня провели в кабинет, где я тут же заметил «Сигем», поскольку глаз на такие вещи у меня наметанный. Он был из Пятой серии, которая, на мой взгляд, стала большой ошибкой. «Четверки» были практически идеальны, на кой черт нужно было с ними химичить? Это все равно что сказать: «Эй, мы изобрели идеальный велосипед, поэтому следующее, что мы сделаем — по-

ставим на него тринадцать дополнительных колес!» Например, они заменили S-2030 на S-4060, что вообще никуда не годится.

Этот «Сигем» выглядел сдохшим. В смысле, лампочка питания горела, и даже корпус был теплым, но если прибор рабочий, то на панели должны бегать огоньки, верно? А еще к нему был присоединен огромный блок 4711, который совсем не ожидаешь увидеть в частном доме. Это ведь чисто лабораторный инструмент. Причем двойного назначения. Для запаха и для вкуса. По номеру на блоке я понял, что это одна из тех моделей, которые работают в комплекте с наязычником, что, кстати, вполне нормально. Никогда не мог понять увлечение распыляемыми полимерами. Некоторые говорят: «Эй, разве пользоваться наязычником — это не то же самое, что засовывать в рот презерватив?» Но, по мне, лучше так, чем соскребать потом слизь с языка перед сном.

Там еще куча всего было подключено, и полдюжины телефонных линий были собраны в единый коммутаторный блок. А еще стоял радиатор охлаждения памяти 1МГ размером с холодильник.

Тот, кто здесь жил, действительно знал, что ему надо, и не скучился тратить на это деньги.

Ну и конечно, в кресле посреди комнаты сидел старик — такой же мертвый, как его «Сигем». Меня предупредили о нем еще по телефону. Сказали, что не станут его трогать, пока я не подъеду.

Представьте себе, из-за вирусов. Все-таки люди имеют очень странное представление о вирусах.

Шлем с него уже сняли, и теперь на местах, где крепятся носовые затычки, можно было разгляд-

деть мозоли. И лицо у него было белое. Я к тому, что да, он мертв и все такое, но возникало чувство, будто он лежал под могильным камнем еще при жизни. И волосы, которые проросли у него под шлемом, были длинные, ломкие и жутковатые. Борода отсутствовала, поскольку это нельзя было назвать бородой — из подбородка просто торчали редкие длинные волосины, которые много лет никто не подстригал. Наверное, так мог бы выглядеть сам Бог, если бы он вдруг подсел на тяжелые наркотики. Ну и умер, разумеется.

На самом деле он был не таким уж и старым. Тридцать восемь лет. Моложе меня. Правда, я бегаю по утрам.

Второй коп стоял у окна и пытался изучать полицейские сводки сквозь мешанину микроволн. Он явно скучал. Все первостепенные места преступлений уже давно были отработаны. Увидев меня, он просто кивнул в сторону «Сигема» и сказал:

— Чинил когда-нибудь такое?

Я понимаю, что это для установления субординации. Он как бы говорит: «Есть мы, и есть они». И я — один из тех, кто «они». Но как бы то ни было, на сложные случаи всегда вызывают меня. Я, видите ли, благонадежный. Заслуживающий доверия. «Важным персонам» в таких делах доверять нельзя, поскольку они все или повязанные дельцы, или агенты виртуальных компаний. Что касается меня, то я хоть завтра могу вернуться к ремонту микросвотч-плееров. Что «Виртуальная Реальность» Даррена Томпсона, что моторы для стиральных машин — мне все едино. Тем бо-

лее что от клиентов отбоя нет. В наши дни попросишь детишек починить хотя бы телевизор — так они засмеются и скажут, что ты с радуги упал.

— Бывало, — отвечаю я полицейскому. — Только если они вконец не сгорели. А что, собственно, произошло?

— Ты нам расскажи, — говорит он, явно намекая, что если они не смогут что-то повесить на него, то легко свалят все на меня. — Его могло убить током?

— Это вряд ли. Видите ли, интерфейсы...

— Хорошо, я понял. Но ты же в курсе, что о них рассказывают. Может, он использовал эту штуку для извращений.

Копы всегда в первую очередь думают об извращениях.

— Я протестую! — раздался незнакомый голос. — Я категорически возражаю и обязательно это зафиксирую. Для подобных домыслов нет ни малейших оснований!

Я оглянулся и увидел еще одного человека. Аккуратного такого, в костюмчике. Он сидел возле портативного терминала офисного вида. Я не увидел его сразу — таких людей очень трудно заметить, даже сидя с ними в одном шкафу.

Человек с труднозапоминающимся лицом улыбнулся отрепетированной улыбкой и протянул мне руку. Рукопожатие вышло теплым, даже дружеским — из тех, после которых хочется немедленно помыться.

— Рад познакомиться, мистер Томпсон, — сказал он. — Меня зовут Карни. Пол Карни. Компания «Сигем», департамент по связям с об-

щественностью. Я здесь, чтобы убедиться, что вам позволили выполнить вашу работу. Без вмешательства. — Он посмотрел на недовольно наступившегося полицейского. — И без давления, — добавил он.

Конечно, власти всегда хотели прижать «Сигем», я это прекрасно знаю. Все-таки им положено присматривать за бизнесом. Но я совершил уже тридцать-сорок выездов туда, где умирали виртуальщики, однако людей в костюмах никогда не встречал. Так что, наверное, здесь случилось что-то необычное. Да и наличие сверхдорогого оборудования явно было не случайным.

Жизнь людей в комбинезонах может стать очень непростой, если они перейдут дорогу людям в костюмах.

— Послушайте, — говорю, — я неплохо в этом разбираюсь, но если вы хотите провести по-настоящему детальное обследование, то я думаю, что ваши люди...

— Технический персонал «Сигема» не имеет права вмешиваться, — перебил меня коп. — Речь идет об отчете с места происшествия, как ты понимаешь. В рамках следственных мероприятий. Мистер Карни даже посоветовать тебе ничего не может.

Люди в форме еще опаснее. Их вообще лучше не злить.

Поэтому я снял крышку корпуса, открыл ящик с инструментами и полез внутрь. В конце концов, здесь мой мир. Они могут воображать себя большими и влиятельными людьми, но в том, что касается техники с выпавшими на пол внутренностями, только я босс...

Конечно, они все называются «Сигем» — даже те, что производятся на заводах «Хитачи», «Сони» или «Амстрад»¹. Это как «Ксерокс» и ксероксы. Внутри они не очень сложные. Если возникают проблемы, то в девяти случаях из десяти причины кроются в выпавших платах, незакрепленных панелях или изредка в перегоревших элементах. Иногда выходит из строя какая-нибудь деталь в неразборном корпусе. Тогда приходится тащить ее в гиперчистое помещение и вскрывать там при помощи киянки.

Некоторые говорят: «Эй, я уверен, у тебя целая охапка дипломов». Ничего подобного. В принципе, если умеешь ремонтировать стиральные машины, то и с «Сигемами» разберешься — за исключением тех редких случаев, когда требуется действительно серьезная лаборатория. В общем, если проблема только в железе, то ничего сложного, главное — помнить, куда складываешь отвернутые винты. Другое дело — программное обеспечение. Иногда тот еще геморрой. Надо быть особым человеком без воображения, чтобы справляться с программами. Таким как я.

— На такое часто подсаживаются детишки, — сказал коп, когда я сидел на коленях на полу, в окружении интерфейсных плат.

(Я всегда зову их «копами», по традиции. А вы знали, что «коп» как жаргонное обозначение полицейских произошло от английского глагола *to*

¹ «Амстрад» (англ. Amstrad) — британская компания, производитель электроники. В конце 1980-х Amstrad занимал значительное место на рынке персональных компьютеров Великобритании.

сор — «жадно хватать», а первое его упоминание зафиксировано в 1859 году? Нет, конечно, вы не знаете, потому что после того большого судебного разбирательства лет десять назад по поводу защиты деревьев университет перенес все энциклопедические знания на большие старые оптические блоки чтения/записи. Но какой-то ребенок ухитрился занести вирус МакЛинт на тот блок, где хранился алфавитный каталог. Вы понимаете, что это значит? Все слова, вся история слов полностью пропала. Это случилось еще до того, как я начал специализироваться на «Сигемах» — тогда их еще называли «Программно-Генерируемыми Средами». Конечно, сразу вызвали меня, но все, что я сумел извлечь из куска пятикилограммового мусора, — это половинка страницы. Я успел прочитать ее прежде, чем она исчезла. Парень, отвечавший за хранилище данных, плакал как ребенок. «Вся история английской филологии уплыла вверх по Суони!» — бормотал он. Я спросил, не станет ли ему легче, если я скажу, что слово «коп» было впервые достоверно зафиксировано в 1859 году, но он даже не обратил на меня внимания. Хотя не помешало бы. Всегда, знаете ли, можно начать сначала. Конечно, это будет каплей в море, но ведь надо от чего-то отталкиваться. Потом я часто задавался вопросом, что такое «вверх по Суони», но не думаю, что когда-нибудь это узнаю.)

— Детишки часто на таких сидят, — повторил коп. Наверное, он хотел сказать «малолетние сволочи», но при человеке в костюме постыдился.

«Сидят, но точно не на таких», — подумал я. Эта штука — лучшая в своем классе. Ее даже не в каждом магазине купишь.

— Если бы я застукал с такой своего сынишку, то всю шкуру бы с него спустил. Мы в детстве играли в куда более здоровые игры: в «Элитный отряд», в «Космических захватчиков» и тому подобное.

— Это точно.

Что ж, попробуем прозвонить здесь и здесь...

— Пожалуйста, не мешайте мистеру Томпсону выполнять его работу, — вставил костюм.

— Мне кажется, — злобно сказал полицейский, — мы должны ему сказать, кем был этот человек.

После этого они принялись спорить.

Сам я почему-то решил, что это какой-то старичок, слишком яро увлекавшийся виртуальной порнушкой. Кстати, вполне неплохая смерть. Я знаю, вы сейчас скажете: «Эй, о чём ты говоришь? Умереть от передозировки искусственного секса — это нормально?» А я отвечу, что по сравнению с миллионами других способов — да. Искусственная реальность не сможет убить тебя, пока ты сам этого не захочешь. Стандартные устройства обратной связи даже синяков не оставляют, что бы там ни говорили озабоченные страшилками люди. Хотя, между нами, я слыхал о таких вещах, как экзоскелеты, которые используют в армии, но ведь это совсем другое дело. Армейский экзоскелет уж точно выбьет из тебя все мечтательное дерьмо.

— Его зовут Майкл Девер, — сказал коп. — Мистер Томпсон наверняка о нем слышал. Это он изобрел всю эту ерунду. Большой человек в «Сигеме». По-видимому, не появлялся в офисе уже лет пять. Работает удаленно. В смысле, работал, — поправился он. — Главный специалист в отделе разработок. Но живет вот так. В смысле, жил. Отправлял рабочие материалы по электронной почте. Никто по этому поводу не беспокоился, потому что он гений. Но вчера он пропустил важный дедлайн.

Это объясняло присутствие здесь человека в костюме.

Конечно, я слышал о Девере, но все журнальные фотки, которые я видел, изображали этого парня в футболке и с ухмылкой на лице. Значит, это были старые фотки. Действительно большой человек. Возможно, и в его машине осталось что-то ценное. Наверняка он что-то тестировал. Или, как они предположили, кто-то сумел подпустить ему вирус. В конце концов, здесь целая куча телефонных линий.

Но ничего грязного здесь нет, подумал я. Случается, что, погрузившись в виртуал, люди начинают жить в дерьме. Но бывают и основательные, которые все продумывают заранее — наполняют холодильник едой быстрого приготовления, заключают договор с банком на автоматическую оплату коммунальных счетов, заводят таймер, чтобы полчаса в день уделять домашним делам и аэробике, и только после этого уходят в отпуск внутрь своей головы.

— Выглядит лучше, чем большинство тех, что мне попадались, — сказал я. — Вполне аккуратный. Никому неприятностей не доставлял. Бывало, по причине запаха меня вызывали даже к живым.

— А зачем он прицепил к шлему эти трубки? — спросил коп.

Он действительно не понимал. Как я и думал, он почти ничего не знал о виртуале. Многие разумные полицейские предпочитают держаться от него подальше, чтобы не нажить депрессию. По трубочкам подается энтонокс¹ — друг любого разумного виртуальщика. Маленькие трубы к затычкам на носу плюс небольшой программный код, который выводит вас из искусственной реальности в определенное время — чтобы, например, покрутить педали велотренажера, поесть или посетить ванную.

— Чтобы выйти из своей реальности, нужна определенная помощь, — объяснил я. — Машина подает газ по трубочкам и постепенно останавливает программу. Газ слегка одурманивает и позволяет выйти в реальность без крика.

— А если заклинит клапаны? — спросил костюм.

— Быть такого не может. Тут целая система предохранителей и постоянное отслеживание вящего...

— Мы считаем, что клапаны могло заклинить, — твердо повторил костюм.

¹Энтонокс — газовая смесь, состоящая из 50% кислорода и 50% оксида азота. Вдыхают его через мундштук или маску. Энтонокс вызывает аналгезию, эйфорию, умеренное седативное и миорелаксирующее действие.

Что ж. Хорошая мысль. «Сигем» не производит клапаны. Маленький агрегат для подачи газа — это дополнение от сторонней фирмы. Так что, если какой-то важный сотрудник погибает в шлеме, то разумнее всего винить в этом клапаны. Только я никогда не слышал о заклинивании клапанов, ведь там действительно полно предохранителей. Такое сработало бы только в том случае, если бы машина сама оставила какие-то штуки выключенными, а другие включила, но это означало бы, что она сама принимает решения, преследуя какую-то цель. А это невозможно, потому что у машин нет целей.

Но кто я такой, чтобы рассуждать о подобном.

— Бедолага... — вырвалось у меня.

Коп вдруг резко развернулся, схватил меня за плечо и потащил в спальню. Вот так, без затей.

— Просто подойди и взгляни на это, — бормотал он. — Просто взгляни. Это уже не одна из ваших чертовых электронных игрушек. Это реальность! Бедолага, говоришь? Бедолага?!

Представьте, в соседней комнате лежал еще один труп.

Коп наверняка ожидал, что я онемею от шока. Но нет. Картинки про Древний Египет иногда пугают сильнее. Даже по телевизору показывают вещи похуже. Бывает, я их вижу собственными глазами. Свежие трупы могут выглядеть очень неприятно, поверьте мне, но только не те, которые пролежали годы. Даже воздух давно очистился. Впрочем, я увидел только голову, и мне совсем не хотелось заглядывать под простыню.

Возможно, когда-то она была хороша собой, но теперь уже не разобрать. Вся комната была обклеена липкими лентами коронера¹.

— Хочешь знать, как она умерла? — спросил коп. — Криминалист считает, что она была беременна, но что-то пошло не так. Она истекла кровью и скончалась. И просто лежала здесь, пока он проводил время в своем маленьком порномире. Ее звали Сюзанна. Конечно, соседи вдруг забеспокоились, что не видели ее много лет. «Они держались особняком», — передразнил он кого-то тонким голосом. — Наверняка половина из них такие же виртуальщики. Он оставил ее на пять лет — просто бросил, и все.

Коп ошибался. Слушайте, меня много раз вызывали на трупы виртуальщиков, и каждый раз, как я уже говорил, имелся характерный запах — стгнившей еды или вроде того. Но Девер или кто-то другой аккуратно запечатал комнату и упаковал ее тело в мешок.

Впрочем, давайте взглянем правде в глаза: большинство людей в наше время воспринимают запахи через «Сигем». Так им проще не чувствовать то, что они не желают чувствовать.

Все началось с «Датаглоув» — управляющей перчатки. Потом появились цельнотельные костюмы с очками, на которые компьютер проецировал изображение. Позже очки сменились шлемами. Таким образом, появилась возможность

¹ Коронер — следователь, ведущий дела о насильственной или скоропостижной смерти. Часто имеет медицинское образование и выступает в роли судмедэксперта.

войти в экран и наблюдать за собственными руками, движущимися внутри изображений, и даже немного их чувствовать. Теперь это давно отмершие примитивные приспособления — вроде первого телевизора Эдисона. Они не передавали ни запаха, ни цвета, почти полностью отсутствовала сенсорная обратная связь. Понадобилась целая вечность, чтобы научиться воспроизводить запах.

Все говорили: «Эй, вот оно, будущее, в котором бухгалтер в цельнотельном костюме виртуальной реальности будет бродить внутри вашей финансовой отчетности. Химики смогут манипулировать компьютерными моделями молекул и всякое такое. Искусственно созданные реальности, знаете ли, раздвинут границы человеческой жажды познания!»

Ага, держи карман шире! Мой папа сказал однажды: «Знаешь, где я впервые увидел микрочип? Внутри игры в пинг-понг».

Вероятно, те, кто мечтал раздвинуть границы, действительно их раздвинули, но в целом устройства виртуальной реальности впервые появились на продавцах в супермаркетах и в специальных отделах спортивных магазинов, поскольку в то время это была игрушка для богатых людей. Понстоящему богатых. Для тех, у кого в доме есть комнаты размером с поле для гольфа. Но затем «Сигем» выпустила на рынок бюджетную версию, после них «Амстрад», и все как с ума посходили.

Каждый день вы встречаете на улицах людей с устройствами виртуальной реальности. Большинство из них лишь меняют некоторые мелочи. Ну вы понимаете: вымарывают чернокожих лю-

дей или неприятные лозунги, добавляют зеленые деревья. Так сказать, вносят немного красоты в серый мир, чтобы хоть как-то пережить очередной безрадостный день.

Конечно, я знаю, как экспериментируют некоторые виртуальщики. Я видел детей, которые думали, что если переключить провода, то можно познать вкус звука или то, как пахнет изображение. Если после такого тебя поразит слепящая головная боль — считай, ты еще легко отделался. Большинство людей, как я уже сказал, не могут позволить себе иметь в квартире пол на колесиках. Поэтому, отправившись пешком, например, через венерианские джунгли, они иногда выпадают из окон. Случается, что виртуальщики сгорают заживо или окончательно превращаются в овощей. Вы наверняка смотрели про них репортажи по ящику. Конечно, если вы сами не являетесь виртуальным. Те не особо смотрят телевизор.

Странно, правда? Правительство выступает против. Потому что это, типа, наркота. Причем не облагаемая налогом. Они постоянно твердят, что свобода — это неотъемлемое право каждого человека, но, как только вы становитесь свободным, это их начинает раздражать. Копы, кажется, тоже недовольны. Но... возьмем, скажем, изнасилования. Когда вы слышали о них в последний раз? Зачем кого-то насиловать, если можно взять в прокате «Проститутку в темном переулке»? Сам я этим, понятно, не интересуюсь, но мне говорили, что девушка там очень хороша и делает все, что ни пожелаешь. Не нужно быть Эйнштейном, чтобы догадаться — реальность даже близко до

такого недотягивает, если вы понимаете, о чём я. Бывают еще и похлеще... не могу вспомнить названия. Да и зачем мне их помнить, верно? Ведь это не ремейки «Рэмбо-26» с собой в главной роли — вот что я хочу сказать.

Мне кажется, копам просто не нравится, что ты можешь разыгрывать у себя в голове какие угодно преступления, а они не имеют права тебе за это предъявить.

По телевизору только и твердят о том, как это развращает людей. Серьезные профессора рассаживаются по кругу в кожаные кресла и ну рассуждать о морали! Сами-то они, конечно, никогда не используют свои машины ни для чего, кроме программ о природе или всякой претенциозной ерунды вроде «Леди Гонада». Возможно, оно и развращает людей, но их и так все подряд развращает — с черт знает каких времен, а виртуальность хотя бы не дает этому выплыть наружу. После «Проститутки в темном переулке» вряд ли кому-то захочется идти на улицу и караулить там хрупкую маленькую девочку в коротком платьице, возвращающуюся из ночной забегаловки. Просто сил уже на это не хватит. К тому же развлечение это дешевое, а значит, не придется воровать. Многие из них еще и поесть забывают. Так что виртуальщики — это та проблема, которая решает саму себя.

Что же касается меня, то я предпочитаю хорошие книги.

Они внимательно наблюдали, как я проверяю блок управления подачей газа. Довольно хороший агрегат. Все места соединений были хорошо

видны. Уверен, будь у меня время разобрать его полностью, я бы определил, что мужчина получал свою дозу сна ежедневно. А может, даже толком не выходил из него. Забавная штука — искусственный сон в искусственной реальности. Вы понимаете, что спите, когда срабатывает зуммер. Получается, звук зуммера встраивается в сюжет сна? Наверное, так оно и работает.

Агрегат был в хорошем состоянии. Чистили его регулярно. В противном случае грязь может скопиться на разъемах, и вы рискуете попасть в беду. Вот почему я всем своим клиентам советую доплачивать за небольшую страховку, смысл которой в том, что они дают мне ключ, после чего я захожу к ним раз в полгода с инструментами, обслуживаю технику и тихонько ухожу — так, что они даже не замечают моего присутствия. Это индивидуальная услуга. Для тех, кто мне доверяет.

Я отключил питание сигнализации, почистил несколько плат, поставил все на место и включил. Всего-то делов!

Полицейский склонился над моим плечом.

— Как ты это сделал? — спросил он.

— Элементарно: на сублогическом мультиплексоре не хватало отрицательного напряжения смещения, — сказал я просто для того, чтобы он заткнулся.

Дело в том, что оборудование оказалось исправным. Я не только не нашел поломок — не было ни малейших признаков, указывавших на то, что какая-то поломка существовала. Машина будто поступила команда все выключить. Вместе с хозяином.

Клапан застыл в определенном положении... и это означало слишком много закиси азота. Люди, первыми прибывшие на место происшествия, вероятно, убирали улыбку с его лица при помощи ломика.

Зажглись огоньки, раздалось жужжание и бульканье, как бывает при загрузке, загудел банк памяти. Значит, все работает безупречно.

Человек в пиджаке и человек в форме глядели на машину завороженно.

Потом мне, конечно, пришлось вытащить свой собственный шлем.

Все дело в вирусах. Которые вначале создавались смеха ради. Какой-нибудь мальчишка мог взломать чужую реальность и нацарапать на стенах сообщения. Шутка вроде МакЛинта. Только вместо того, чтобы взламывать банковские счета или уничтожать английскую литературу, эти вирусы разжижали мозги. Внушали ужас и тому подобное. Некоторых людей до чертиков пугает мысль, что таким образом можно убить. Логики в этом, конечно, мало. Но если вдруг обнаруживается умерший виртуал, то немедленно вызывают таких, как я, — людей, лишенных воображения.

Вы бы поразились, если бы узнали, что я там увидел.

Ну ладно-ладно.

Вы умны, у вас есть образование.

Вы скажете: «Эй, да знаю я, что ты там увидел! Ты увидел квартиру, верно? Точно такую же, как эту, но, может быть, чище. И она там была — живая и невредимая, а из соседней комнаты доносился голосок — того самого ребенка, кото-

рый у них так и не родился. И он сел здесь пять лет назад — возможно, когда она была еще теплой — и принял создавать главную виртуальность своей жизни. И он жил в ней, вполне отдавая себе отчет, где находится на самом деле. Искусственная реальность — такая, какая и должна быть».

Все верно. Вы правы. Вы знали все заранее. Возможно, мне бы следовало что-то утаить, но это не в моих правилах.

Но не просите меня ее описывать. К чему вам подробности? Его реальность принадлежала только ему.

Я вкратце поведал об увиденном двум другим, после чего пиарщик твердо произнес:

— Значит, все ясно. Заклинило клапан.

— Послушайте, — сказал я. — Я просто напишу отчет, хорошо? Обо всем, что увидел. Я простой железячник, газовые трубы — не мое дело. Но я бы хотел задать один вопрос.

Моя просьба застигла их врасплох. Можно сказать, ввела в ступор. Люди вроде меня обычно не задают вопросов, кроме: «Где здесь главный выключатель?»

— Ну? — спросил костюм.

— Видите ли, — сказал я, — это же старый чудной мир. Я про то, что тело в наше время спрятать можно, это нетрудно. Но в реальном мире все гораздо сложнее. Есть же банки, кредитные организации, верно? Ежегодные медицинские осмотры, голосования и все такое прочее. Каждый оставляет за собой большой электрический след. Если кто-то умирает, то...

Они оба посмотрели на меня странно. Потом человек в костюме пожал плечами, и человек в форме протянул мне распечатку с терминала. Я стал читать ее, а банк памяти все жужжал, жужжал и жужжал.

В прошлом году она ходила к врачу.

Девушка, сидящая на кассе супермаркета, клянется, что видит ее регулярно.

Она пишет повести для детей. За последние пять лет издала уже три штуки. По-видимому, неплохие. Гораздо лучше той графомании, которую писала при жизни. Одна из повестей даже получила премию.

Она все еще жива. Где-то там.

Я всегда говорил: большинство разговоров с большинством других людей нужны лишь для того, чтобы заверить друга друга в своем существовании, и поэтому не нуждаются в сложных алгоритмах. А Девер был способен создавать по-настоящему сложные вещи.

Она побывала везде. Она летела на том рейсе в Норвегию, который взорвался в прошлом году. Ее видела стюардесса. Само собой, на девушке, как и на всех остальных членах экипажа, было специальное снаряжение, избавляющее от необходимости лицезреть уродливых пассажиров. Несмотря на несчастье с самолетом, миссис Девер неплохо провела время в Осло. Потратила там немного денег.

А еще она была во Флориде. В то же самое время.

Она — вирус. Первый в мире самовоспроизводящийся вирус виртуальной реальности.

Она повсюду.

Кстати, об этой истории вы не услышите нигде и ничего. «Сигем» замял ее, потому что они гораздо влиятельнее, чем кажутся. Они похоронили и его, и то, что осталось от нее. В некотором смысле.

Знаете, я слыхал от кого-то из своих знакомых, что в какой-то момент полиция пыталась квалифицировать случившееся как убийство. С их точки зрения, он специально фальсифицировал доказательства ее существования, чтобы скрыть преступление. Мне так думать не хочется, поскольку я люблю счастливые концовки.

Он действительно долго жужжал — его банк памяти, я имею в виду. Как я уже сказал, в квартире было намного больше линий передачи данных, чем у обычного человека, потому что Девер нуждался в них для своей работы.

Думаю, теперь он где-то там.

Представьте, вы идете по улице, на вас надет визор искусственной реальности, и кто знает — действительно ли перед вами то, что вы видите? Наверное, это не то же самое, что быть живым, но, возможно, и не то же самое, что быть мертвым.

Я нашел фотографии их обоих, просматривая старые выпуски журнала «Сигем Хаус». Их запечатлели на каком-то давнем мероприятии. Она действительно была красивой. И судя по всему, они друг друга любили.

Наверняка теперь они будут выглядеть точно так же. Каждый раз, включая визор, я задаюсь вопросом — удастся ли мне их заметить? Я бы хотел узнать, как они это сделали, и, возможно,

сам не отказался бы когда-нибудь превратиться в вирус. Или хотя бы стать экспертом в этом деле.

Думаю, теперь он мне обязан. Ведь это я перезапустил для него машину.

А еще я так и не сказал им, что услышал от нее, когда оказался в его реальности.

Она сказала: «Пусть он поторопится».

В самом деле, это романтично. Как в той пьесе — помните? — с хорошими танцевальными номерами, которую раньше давали в Нью-Йорке. Ах да! «Ромео и Джульетта».

Люди в машинах. Такое я могу понять.

Вы спросите: «Эй, разве для этого была создана человеческая раса?» А я вам отвечу: разрази меня гром, если я знаю! И ведь никто не знает, верно? Мы так и не вернулись на Луну, и никогда не были на этой... которая красного цвета, но если подумать, нам и Земля-то не особо нужна. Мы просто закукиваемся и живем внутри своих голов.

Во всяком случае, до сих пор.

Они могут быть где угодно. Конечно, это не похоже на жизнь, но, возможно, это и не смерть. Интересно, каким компилятором он пользовался? Мне бы очень хотелось взглянуть на код, прежде чем он выключит машину. Перезагрузив систему, я вроде как инициализировал его и отправил. Получается, я стал для него крестным отцом.

Кстати, я слышал, что где-то есть Бог, которому снится вся Вселенная. Его имя начинается на «б». Будда, кажется. Интересно, это правда или нет? А другой бог, возможно, заходит в нашу Вселенную каждые шесть миллионов лет, чтобы обслужить его машину.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Сам я предпочитаю проводить вечера за хорошей книгой. В наше время люди не читают книг. Да и вообще ничего не делают. Пройдитесь по любой улице — она вам покажется вымершей. Потому что люди сидят по домам и живут в своих реальностях.

В детстве я думал, что будущее будет многолюдным, вечно прохладным и дождливым, с висящими повсюду японскими рекламами и людьми, поedaющими лапшу на улицах. И живое общение никуда не денется — хотя бы для того, чтобы попросить кого-нибудь передать соус. Шутка. Но вместо этого пришла та самая Информационная революция, после которой мы превратились в ничего не желающих знать болванов. Иначе говоря, попросту сдались.

Нельзя замыкаться на самом себе. Это как-то не по-человечески. Нужно всегда к чему-то стремиться.

К примеру, меня очень забавляет книга «Элементы полосового дизайна OSCF в машинно-генерируемых средах».

Человек, который такое написал, похоже, думает, что можно установить S-2030 без изоляции каскадных интерфейсов.

Попробуйте проделать такое в реальном мире, и вы увидите, что получится.

ГОЛЛИВУДСКИЕ ЦЫПЛЯТА

«Новые сказки с Запретной планеты»,
ред. Роз Кавени, «Титан Букс лтд.»,
Лондон, 1990 г.

Как говорится в примечании в конце, рассказ был основан на реальных событиях. По крайней мере, Диана Дузайн уверяла меня, что это правда, и я не собираюсь с ней спорить. История развернулась передо мной сама — по счастливой случайности сразу после того, как меня попросили написать что-нибудь для сборника «Новые сказки с Запретной планеты», опубликованного в 1990 г.

Факты таковы:

В 1973 году на транспортной развязке в Голливуде перевернулся грузовик. Это одна из наиболее загруженных автострад в США, а следовательно, и во всем мире.

Часть груза с грузовика свалилась. Он вез цыплят. Несколько ящиков упали и разбились.

Вдоль развязки тянулась четверть мили густо поросшей кустарником обочины, с трех сторон

окруженной грохочущим транспортом, а с четвертой — стеной.

Никто не стал переживать о нескольких пропавших цыплятах.

Клюк-клюк.

Чирк. Чирк.

Клох?

Говорят, через некоторое время люди, что регулярно ездили по этому маршруту, стали замечать там цыплят. Видимо, они выжили благодаря автоматическим оросителям, установленным на обочине для поддержания роста травы, а также скучной популяции жуков с приятным дополнением в виде объедков, регулярно вылетающих из окон машин.

Цыплята освоились, выросли и принялись размножаться.

Клюк-клюк. Чирк. Клюк...

Клюк?

Чирк клюк?

Клюк?

Клюк + клюк = клекк

Клох?

Согласно приблизительной оценке, размер популяции стабилизировался на уровне пятидесяти птиц. В первые годы молодых цыплят часто видели с размазанными по асфальту головами. По-видимому, в дело вступила некая разновид-

ность естественного отбора, в соответствии с которой безмозглые куры неспособны откладывать яйца.

Проезжавшие мимо водители время от времени замечали птиц, стоявших возле дороги и пристально смотревших на дальнюю обочину.

Они выглядели так, будто что-то задумали.

КЛЕКК КЛЮК КЛЮК КУДАХ!

I Клюк клекк клюк

II Клекк кудах клюк

III Клекк клекк кудах

IV Чирк кудах клюк курлык

V (вытянуть шею) Клюк кудах

VI Клюк клюк клюк (почистить перья)

VII (клюнуть лапу) Чирк кудах

VIII Кудах чирк

IX Клюк (зловещий булькающий звук) клюк

X Чирк клюк кудах курлык (чтобы хранить его в святыни)

На самом деле (если не считать глупого молодняка) ни одна из взрослых птиц ни разу не была найдена на дороге мертвой — за исключением одного случая в 1976 году, когда группа из десяти кур покинула обочину в час пик. Кстати, на тот момент это была значительная часть куриной популяции.

Водитель бензовоза уверял, что группу птиц возглавлял пожилой петушок, взглянувший на него с изрядной самоуверенностью. Очевидно, он ожидал, что произойдет некое чудо.

Осмотр переднего крыла бензовоза позволил предположить, что птица относилась к породе «род-айланд красный».

Когито эрго клох¹.

* * *

Время от времени какой-нибудь бродяга или просто отчаявшийся бездомный перебегал дорогу и хватал на обочине спящего цыпленка, чтобы съесть его на ужин.

Поначалу это вызвало некоторое беспокойство в Министерстве здравоохранения, которое рассудило, что цыплята, проживающие так близко к дороге, наверняка накапливали в себе опасно высокий уровень свинца, не говоря уже о других вредных веществах.

В 1978 году двух орнитологов отправили в придорожные заросли с важным заданием: отловить нескольких птиц и принести их в жертву науке.

Следов свинца в тушках найдено не было.

Но мы не знаем, проверили ли они яйца.

А это очень важно (см. документ «С»).

Однако орнитологи случайно зафиксировали еще один факт: по-видимому, птицы дрались между собой (см. документ «F»: «Паттерны агрессии в замкнутых средах», Хелоркссон и Фрим, 1981 г.). С учетом дальнейших наблюдаемых событий мы можем предположить, что данная стадия развития куриного сообщества завершилась.

¹ Лат.: Я мыслю, следовательно, кудахчу.

Четыре клюка (вытянуть шею) и семь клох-чирк назад, наши кудах- (клонуть левую лапу) -клекк создали на этом клох-клох-клекк...

Ранним утром 10 марта 1981 года полицейский Джеймс Стоукер Сташефф преследовал подозреваемого, пытавшегося скрыться с места аварии, в которой столкнулось семь машин. Проезжая мимо обочины, он заметил конструкцию, которая, судя по всему, была собрана из длинных прутиков, связанных между собой кассетными лентами. Сооружение было такого размера, что уже нависало над дорогой на несколько футов. На самом верху строения сидели две курицы с веточками в клювах.

— Они будто строили гнездо, — вспоминает он теперь. — Я вернулся около десяти утра, но конструкция уже была разломана, и останки ее валялись в канаве.

Офицер Сташефф продолжил рассказ:

— Возле автострады всегда валяются магнитофонные пленки. Возле любой. Видите ли, когда автомагнитолы зажевывают кассеты, люди просто выдирают их и выкидывают в окно.

По данным Рьюза и Сиксбери («Бюллетень Аркхемского¹ орнитологического общества», том 17, стр. 124—132, 1968 г.), птицы в условиях хронического стресса могут строить гнезда необычных размеров и сложности (документ «D»).

Впрочем, это всего лишь гипотеза.

¹ Аркхем (англ. Arkham) — вымышленный город в штате Массачусетс, США. Впервые упомянут Говардом Лавкрафтом.

Клюк... клюк... чирк.

Чирк-чирк-чирк-чирк-чирк-чирк-чирк-чирк-чирк-чирк.

Обрушение небольшого участка проезжей части вблизи обочины летом 1983 г. нельзя признать относящимся к предмету нашего исследования. Туннель под дорогой прорыли суслики. Или лисы. Или какие-нибудь другие норные животные. То, что было безответственно названо «опорными стойками» — скорее всего, куски древесины, которые случайно занесло в нору паводковыми водами и там расклинило. Несомненно, точно так же туда попали перья.

Если бы Клох хотел, чтобы мы летали, он бы сделал наши (хлоп-хлоп) больше!

* * *

Еще одно свидетельство офицера Сташеффа:

— Это произошло где-то в конце августа 1984 г. Дальнобойщик рассказал мне, что, когда он проезжал мимо — а это было примерно около полудня, — на дорогу вылетела эта штука, машущая крыльями. Ага, он так и сказал — «машущая крыльями». Она летела из кустов поперек автострады, не снижая высоты, а он наблюдал за ней до тех пор, пока она не стукнулась о ветровое стекло и не разбилась. Он решил, что это дети балуются, так что я поехал туда, обшарил всю обочину, но никаких детей не обнаружил. Только несколько цыплят скреблись по кустам, и валялся

обычный мусор. Вы не поверите, в какую помойку со временем превращаются обочины! Я нашел остатки того, что врезалось в грузовик, — что-то вроде клетки с большими крыльями. Внутри была куча каких-то шкивов с кассетными лентами, маленькие рычажки и всякое такое... Что?.. Ну да. Цыплята внутри тоже были. Мертвые. Кто такое вообще выдумал? Если сегодня летают цыплята, то что будет дальше? Полетят макнаггетсы? Кажется, их было трое. Все коричневые петушки.

Это (маленький чирк) для клоха, но (гигантский хлоп-хлоп) для Клоха.

И вновь показания офицера Сташеффа (10 июня 1986 г.):

— Детишки играли с огнем. Таково мое мнение. Они перелезают через стену и прячутся в кустах. Как я уже говорил, они просто стащили одну из кур. Не понимаю, почему это всех так взволновало. Какие-то дети наполнили старый мусорный бак всяким хламом и фейерверками, сунули внутрь эту чертову курицу и запульнули ее в воздух. Согласен, бак мог доставить уйму неприятностей, если бы не врезался в опору моста на противоположной стороне дороги. Птицу внутри аж размазало. На ней, кстати, была тряпка с веревочками. Наверное, дети решили, что курица сможет использовать парашют. Я знаю, что там остался кратер, но какого черта? Просто посадите в него свежий куст! Что? Конечно, там должно быть горячо, ведь они

играли в космонавтов. В смысле, не такой жар? А какой?

Клюк (изогнуть шею) — кудах = квохх/C²
Клох?

Нам известно, что около двух часов ночи в понедельник 3 мая 1989 года несколько водителей заметили в кустах посередине обочины фиолетовое свечение. Некоторые утверждают, что свечение было синим. После перекрестной проверки всех свидетельств установлено, что оно длилось не менее десяти минут.

Помимо свечения зафиксирован некий шум. У нас имеется несколько описаний шума: это было «что-то странное», «похожее на уханье», «скорее как радиопомехи или вроде того». Единственное более-менее верифицируемое описание дал Кертис В. Дж. МакДональд, который сказал:

— Помните тот эпизод сериала «Звездный путь», где они встретили рыболовов с альтернативной Земли? Так вот, их передатчик материи издавал точно такой же звук.

Мы изучили данный эпизод. Это тот самый, в котором капитан Кирк влюбляется в девушку. (аудиозапись «А»)

Клох?

(поворот лапки) √2t □... [□/клюк/Чирк^{2} *оук
(Квохх) (Чистка перьев слева) = (Чистка перьев справа)...*

ХммМммМммМммМммМммМммМмм.

Клох.

* * *

Нам также известно, что мужчина без определенного места жительства, называющий себя Элронд Икс, вошел в наблюдаемую зону около двух часов ночи. После того как его задержали, он рассказал следующее:

— Ну да, возможно, я таскал иногда оттуда кур, но ведь это не запрещено законом, верно? В любом случае я завязал, потому что становилось все сложнее из-за того, как они себя вели. В смысле, смотрели на меня своими глазами-бусинками и все такое. Но времена нынче настали тяжелые, и я подумал: ладно, была не была!.. Но там больше нет цыплят, чувак. Кто-то разобрался с ними, они все пропали!

На вопрос об Устройстве он ответил:

— Посреди кустов осталась только куча хлама. Ветки там всякие, проволока, разный мусор. А еще яйца. Только никогда не трогай эти яйца, чувак — некоторые из них боятся, типа как электричеством. Что?.. Да потому что ты об этом не спрашивал, вот почему! Ну да, я пнул одно ногой. Потому что внутри сидел цыпленок, чего непонятного? Но когда я подобрался поближе, случилась вспышка и будто удар грома, все пошло волнами и исчезло. Короче, цыпленка я так и не добыл.

К настоящему времени нам не удалось полностью воссоздать Устройство (см. фотографии от «A» до «G»). Существует определенная неясность относительно его предназначения. Мы отвергли предположение мистера Икс о том, что это была «реально официальная микроволновка». Судя

по всему, мы имеем дело с кучей придорожного мусора и веток, перемотанных магнитофонной лентой¹. Возможно, предмет имел некий религиозный смысл. Согласно рисункам, представленным мистером Икс, внутри Устройства могла поместиться только одна курица.

Документ «С» содержит результаты анализа трех яиц, найденных среди обломков. Как следует из отчета, одно из них кажется нормальным, но бесплодным. Второе уже двое суток питает лампочку фонарика. Выводы по третьему яйцу будут сделаны лишь после того, как найдется либо оно, либо доктор Пейпербак, третьего дня пытавшийся распилить его пилой.

Для полноты картины прошу обратить внимание на документ «В», который является копией статьи «Аномальное эволюционное давление внутри небольшой изолированной популяции в условиях стресса» (Пейпербак и Маклин, журнал «Западная наука»).

Единственное, что мы можем утверждать с уверенностью, так это то, что кур, проживавших на месте наблюдения в течение семнадцати лет, больше нет.

Однако на противоположной стороне автострады появилась новая куриная популяция в количестве семнадцати особей.

Почему они туда переместились — это одна из фундаментальных загадок популярной философии.

¹ Примечание автора: «Группа «Квин»: лучшие композиции».

Однако проблема не в этом.

Мы не знаем, как они это сделали.

Впрочем, обочина там еще меньше, чем противоположная. Птицы сбились в кучу, и некоторые куры уже начали нестись.

Нам остается только подождать и посмотреть, как они вернутся обратно.

Клох?

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА: В 1973 году на транспортной развязке в Голливуде перевернулся грузовик. Это одна из наиболее загруженных автомагистралей в США, а следовательно, и во всем мире. Часть цыплят сбежала и расплодилась. Они выжили — и выживают до сих пор — весьма успешно, несмотря на опасные условия существования возле оживленной трассы. Но эта история о другом Голливуде. И других цыплятах.

ТАЙНАЯ КНИГА МЕРТВЫХ

«Теперь мы больны»,
ред. Нил Гейман и Стивен Джонс,
«Дрим Хейвен Букс», Миннеаполис, 1991 г.

Учитывая название антологии, для которой создавалось это стихотворение, я старался сочинять так, будто мне тринадцать лет — с тем самым чувством искреннего серьезного дилетантизма. Возможно, это не так уж и отличается от того, что писалось мною в лучшие годы...

Твои мама и пapa не станут учить
Сути смерти, но будут питомцев дарить.
Как-то раз был у нас верный пес, но потом
Был он найден — раздавленный грузовиком.
Плакал я. Нам останки пришлось хоронить.

Ты обязан осмысливать только лишь сам
Смерти суть. И что в срок забредает она.
Золотую рыбешку я в банке завел,
Две недели спустя: ватный саван, и все —
В унитаз отплыла рыба к рыбьему Богу...

«Сад наш стал походить на погост», —
так сказал

Папа мне. А еще не пойму, почему,
Но три года назад безо всяких причин
Черепаха зарылась в песок, там почив.
А порой умирать приходили щенки
Почему-то в наш сад. «В лучший мир кот
ушел», —

Так сказал папа мне, но не верю я в то.
Вероятно, отец мой немного того.
Ведь Иисус никогда не приходит к котам.
Я пошел и разрыл — в основном кот был там.

Твои мама и папа не станут учить
Сути смерти довольно печальной и злой:
Что питомец не может жить долго у нас;
В Новый год подарили, через год он угас.
Но заводим мы их. В головах у нас сбой.

Умирают от чумки, от кашля подчас.
Погибают от бешенства или чесотки.
Под автобусом мрут, застревают в решетке.
Но обычно они умирают от нас.

РАДИ БЫЛОГО И ГРЯДУЩЕГО

«Камелот», ред. Джейн Йолен,
изд. «Philomel Books», Нью-Йорк, 1995 г.

На моем жестком диске есть много такого. Эта история могла бы стать романом, но началась она в виде короткого рассказа в сборнике «Камелот», изданном под редакцией Джейн Йолен в 1995 году. Я порывался написать ее около десяти лет. Наверное, мне действительно стоит порыться в своих старых дисках¹...

...И когда отошла заутреня, вдруг узрели прихожане во дворе храма против главного алтаря большой камень о четырех углах, подобный мраморному надгробью, посредине на нем — будто стальная наковальня в фут высиной, а внутри нее — чудный меч обнаженный, а вокруг наковальни золотые письмена²:

¹ Примечание автора: К сожалению, если я когда-нибудь их откопаю, то они наверняка окажутся в каком-нибудь нечитаемом формате. Но мне до сих не дает покоя мысль о том, что человек, который вытащил Эскалибур из камня, мог оказаться женщиной.

² В основу перевода цитаты из Томаса Мэлори лег слегка измененный перевод И. М. Бернштейн.

МУЖ, ИЗВЛЕКШИЙ МЕЧ СЕЙ
ИЗ ВАЛУНА СЕГО И КОВНИ,
ДА НАРЕЧЕТСЯ ИСТЫМ
КОРОЛЕМ ВСЕЙ БРИТАНИ

«Смерть Артура»,
Томас Мэлори

Медная проволока. Имено-
но она доставила мне больше всего хлопот.

Все дело в медной проволоке. Древние алхи-
мики искали золото. Знали бы они, на что один
мужчина и одна женщина могут пойти ради по-
лучения медной проволоки!..

А еще понадобилась приливная мельница.
И пара увесистых прутьев из мягкого железа.

И вот я здесь — жду с нелепым посохом в руке
и выключателем под ногой.

Как бы я хотел, чтобы они перестали назы-
вать меня Мерлином! Потому что на самом деле
я Мервин. Я узнал, что здесь действительно суще-
ствовал какой-то Мерлин — сумасшедший старик
из Уэльса, который умер много лет назад. О нем
ходили легенды, и вот теперь эти легенды прикле-
иваются ко мне. Наверное, подобное происходит
постоянно. Половина знаменитых исторических
героев — это на самом деле множество местных
парней, скрученных в один пучок сочинителями
баллад. Если вспомнить, скажем, Робин Гуда...
Впрочем, с технической точки зрения я не могу
его вспомнить, поскольку все мошенники, кото-
рые воспользуются этим именем, еще не родились
и не рождаются в течение нескольких следующих

столетий — если вообще такой персонаж будет существовать в этой Вселенной. Так что слово «вспомнить» грамматически неверное. Можно ли вспомнить то, что еще не случилось? Впрочем, я могу. Почти все, что я помню, еще не случилось. Но в деле путешествий во времени такое неизбежно: ушел сегодня, буду завтра...

О, вот еще один. Крепкий паренек. Ноги похожи на четыре пивных бочонка, составленных попарно. Плечи как у быка. Не удивлюсь, если и мозги бычьи. Рука, похожая на гроздь бананов, обхватывает меч и...

О нет, юноша. Ты не один такой. Пыхти на здоровье. Но ты — не он.

Все, сдулся. Рука, вероятно, будет болеть несколько дней.

Наверное, пора вам рассказать об этом месте.
И об этом времени.

Когда бы оно ни было...

Я получил специальную подготовку для путешествий во времени. Самая большая проблема — главная проблема — это выяснить, где ты оказался. Нельзя рассчитывать на то, что, выйдя из машины времени, вы увидите маленькую табличку, глясящую: «Добро пожаловать в пятисотый год нашей эры, папаша. На дворе преддверие Темных Веков. Население 10 миллионов человек, и оно непрерывно сокращается». Иногда даже невозможно найти ни одного человека в пределах дня пути, который знал бы, какой сейчас год и какой король на троне. Или вообще — существует ли хоть какой-нибудь король. Поэтому приходится обращать внимание на такие вещи, как церковная

архитектура, способы обработки земли, форма лемеха плуга и тому подобное.

Да, я знаю, вы наверняка смотрели фильмы, в которых показывают этот маленький изящный буквенно-цифровой дисплей, который точно сообщает, где вы очутились...

Забудьте! В этой игре все строится на навигационных расчетах. На самом примитивном уровне. Для начала изучаешь созвездия с помощью маленького устройства, потому что, как говорят, звезды все время движутся, поэтому можно получить самое приблизительное представление о том, когда вы, просто взглянув через эту штуку на небо и сверившись с градуировкой. Но если вы не увидели ни одного знакомого созвездия, то лучше сразу бежать и прятаться, потому что наверняка на вас уже охотится нечто сорокагутовое¹, покрытое чешуей.

Кроме того, вам выдается справочник по разным взорвавшимся сверхновым, а также «Лунные кратеры и предполагаемые даты их возникновения» Штефлера². Если повезет, вы сможете определить свое времянахождение с точностью плюс-минус пятьдесят лет. Остается только уточнить дату по точному расположению планет. Представьте себе морскую навигацию, скажем, эпохи Колумба. Немного просчитался, и вот — ты уже

¹ Больше 12 метров.

² Иоганн Штефлер (1452—1531) — немецкий математик, астроном, астролог, священник и создатель астрономических инструментов. В честь него назван один из лунных кратеров.

не на том континенте. Навигация во времени находится примерно на таком же уровне.

Меня все здесь считают великим звездочетом, поскольку я постоянно изучаю небо.

А я просто пытаюсь понять, в какое время меня занесло.

Звезды говорят, что я где-то около пятисотого года нашей эры. Но почему архитектура норманская, а доспехи вообще пятнадцатого века?

Так, погодите... идет еще один...

Ну не Эйнштейн, конечно, но все же... О, вы только посмотрите на эту хватку, на ту ярость, с какой он ухватился за меч... Нет. Не тот. Это не он.

К большому сожалению.

Итак... на чем я остановился? Память в последнее время — как решето.

Ах да, архитектура. Все говорят здесь на среднеанглийском, что, в принципе, неплохо, поскольку худо-бедно я им овладел, когда случайно попал в 1479 год. Там я познакомился с Иоганном Гутенбергом — отцом современного книгопечатания. Высокий такой мужчина, с густыми бакенбардами. Кстати, до сих пор должен мне два пенса.

Ладно. Вернемся к этому путешествию. С самого начала что-то не задалось. В этот раз меня должны были отправить наблюдать за коронацией Карла Великого в 800 году н. э., но я оказался не в той стране и, судя по звездам, на три столетия раньше. Как я уже говорил — такое иногда случается. Пройдет еще лет пятьдесят, прежде чем мы все исправим. Точнее, пятьдесят три года. Мне об этом рассказал один парень, которого

я встретил в баре в 1875 году. Оказалось, что он живет в нашем будущем — через сто лет. Я сообщил на Базу, что мы могли бы сэкономить много сил, просто подкупив одного из этих гостей из будущего, чтобы они поделились с нами схемами моделей следующих машин. Но мне ответили, что, если мы нарушим законы причинно-следственной связи, то вся вселенная может запросто склониться в крошечный пузырь размером в 0,005 ангстремов, а это катастрофа. Но, по мне, попробовать все же стоило.

Как бы то ни было, с медной проволокой пришлось основательно повозиться.

Это не говорит о том, что я некомпетентен. Я обычный, можно сказать, во всех отношениях заурядный парень. Просто так вышло, что мне — одному на десять тысяч — повезло обладать способностью путешествовать во времени без риска «поехать крышей». Только голова потом слегка побаливает. А еще я быстро учу языки и отличаюсь наблюдательностью. Вы не поверите, до чего странные вещи мне порою доводилось наблюдать! Посещение коронации Карла Великого должно было стать почти отпуском. Я уже бывал на ней раньше. Отчет о моем первом визите вызвал интерес, и вот группа историков из какого-то университета оплатила второй, чтобы проверить некоторые родившиеся у них гипотезы. Я даже продумал заранее, где буду стоять, чтобы не попасться на глаза самому себе. Впрочем, даже если бы я встретился с собой, то уж как-нибудь открыл бы. Дар болтовни — это самое ценное в нашем деле.

А потом сгорел какой-то диод, или единичка в коде сменилась на нолик, и вот я здесь, когда бы это ни было.

И не могу вернуться.

Так... о чем это я?..

Между прочим, с медной проволокой возникла еще одна проблема — как сделать изоляцию. В конце концов я намотал на нее тонкую ткань, и мы прокрасили каждый слой лаком, который здесь наносят на щиты. Вроде сработало.

И... хмм... кажется, путешествия во времени действительно влияют на память. Наверное, она подозревает, что вы не можете хранить в голове информацию о событиях, которые еще не произошли, и самопроизвольно портится. Я теперь целые разделы истории не могу вспомнить. Знать бы хоть, почему они были посвящены...

Извините, вынужден отвлечься. Вот еще один. Немолодой. И не глупый, судя по выражению лица. Держу пари, он даже может написать свое имя. Но... не знаю, не знаю... у него нет...

Этой, как его...

Чего же у него нет?..

...во, *хафизмы!* Вспомнил, наконец...

Ну так вот. Ага. Плыл я, значит, по течению три столетия и ничего поделать не мог. Вы когда-нибудь видели машину времени? Подозреваю, что нет. Кусочек перемещаемой материи очень трудно заметить, если не выставить заранее правильный свет. Физическая аппаратура остается на Базе и одновременно в самой машине, так что вы перемещаетесь в чем-то вроде механического призрака, ну или в том, что останется от машины,

если вытащить из нее все детали. В самой идее машины.

Представьте себе большой кристалл. Вот как она выглядит со стороны, если, как я уже говорил, подсветить ее под определенным углом.

Очнулся я на некоем подобии кровати — точнее, на куче соломы и вереска, под невообразимо колючим одеялом. Какая-то девушки пыталась накормить меня супом. Знали бы вы, что такое средневековый суп! Он варится из того, что люди не захотели бы есть с тарелки, а уж они-то с тарелки едят такое, что вы бы даже в гамбургер не рискнули положить.

Позже я узнал, что провел там три дня. Я даже не понял, что прибыл — просто бродил по лесу в полубессознательном состоянии, истекая слюнами. Таков побочный эффект от путешествий во времени. Как я уже говорил, обычно мне удается отделаться простой мигренью, но, судя по тому, что я помню, со мной случилось нечто вроде нарушения суточных ритмов, помноженное на миллион. Если бы я попал в зиму, то наверняка бы околел. Если бы оказался в горах, то обязательно свалился бы в какую-нибудь расщелину. А так я просто стукнулся пару раз о деревья, и то случайно. По крайней мере, мне удалось избежать волков и медведей. А может, это они избегали меня, подумав, что съедать умалишенного — опасно для здоровья.

Отец девушки был дровосеком или углежогом — в общем, кем-то в этом роде. Я так и не выяснил, а может, выяснил и тут же забыл. Помню, каждый день он уходил куда-то с топором. Это он нашел меня и притащил к себе домой. Позже

я узнал, что из-за моей «изысканной» одежды он принял меня за дворянина. Чтобы вы понимали — речь шла о джинсах Levi's. У него было два сына, и они тоже уходили ежедневно с топорами. Наверное, мне бы так и не удалось ни с кем из них толком поговорить, если бы не несчастный случай с их отцом.

Видимо, с топором он обращался не очень умело.

Но Нимуэ... Это такая девушка!.. Ей было все-го... хм...

— Сколько тебе было лет, когда мы познакомились?

Она вытирает руки тряпкой. Нам пришлось смазывать подшипники свиным жиром.

— Пятнадцать... кажется. Слушай, до конца отлива еще час, но я не думаю, что гиннитатор столько протянет. Он уже весело трясется.

Она задумчиво смотрит на собравшихся аристократов.

— Пресвятая Дева, что за сбиращие катлетов!

— Атлетов, — поправляю я.

— Да. Атлетов.

Я пожимаю плечами.

— Один из них однажды станет твоим королем.

— Не моим, Мервин. У меня никогда не будет короля, — заявляет она с ухмылкой.

Судя по всему, она многому научилась за год. Да, я нарушил правила и рассказал ей правду. Почему бы нет? Я нарушил все возможные правила, чтобы спасти эту проклятую страну, и что-то не похоже, чтобы Вселенная превратилась в крошечный шарик размером в 0,005 ангстрем. Я вообще не уверен, что это наша история. Здесь все непра-

вильно, как я уже говорил. Думаю, меня отбросило в сторону — на какую-то другую временную шкалу. Может, это история, которая не будет существовать нигде, кроме как в людских головах, поскольку путешествия во времени — и без того сплошная фантазия. Вы слыхали от математиков про мнимые числа, которые на самом деле действительные? Так вот, я думаю, что попал в мнимое место, состоящее из действительных вещей. Или вроде того. Откуда мне знать? Возможно, вера многих людей делает это место реальным.

Я оказался в Альбионе, хотя узнал об этом не сразу. Не в Британии, не в Англии, а в стране, которая очень на них похожа и с которой у них много общего. Возможно, они настолько близки друг к другу, что идеи и легенды просачиваются в обе стороны, но все же эта страна является совершенно другим местом.

Только где-то что-то пошло не так. Кого-то не хватало. Здесь должен был появиться великий король. Сами впишите его имя. Он где-то там, в толпе. Повезло ему, что я прибыл вовремя.

Наверняка вы ждете, что я начну описывать этот мир. Хотите услышать о рыцарских турнирах, вымпелах и замках. Все верно. Здесь это имеется. Но все остальное покрыто тонким слоем грязи. Разница между жилищем обычного крестьянина и свинарником состоит только в том, что хороший хозяин иногда меняет солому свиньям. Так вот, поймите меня правильно: насколько я могу судить, здесь никто никого особо не угнетает. Рабов здесь как таковых нет, но все пребывают в рабстве у традиции — и она для них как тяже-

лая плеть. Я в том смысле, что демократия, может, и несовершена, но, по крайней мере, мы не позволяем мертвым голосовать вместо нас.

Ну и поскольку нет сильного правителя, то в каждой долине заводится свой маленький недокороль, который большую часть времени сражается с другими недокоролями, так что вся страна находится в состоянии непрерывной недовойны. И каждый гордо несет себя по жизни, делая все спустя рукава лишь потому, что так заповедано предками, и никто ничему по-настоящему не радуется, и добрые поля зарастают бурьяном...

Я признался Нимуз, что прибыл из другой страны, и это было в общем-то правдой.

Я вел с ней долгие разговоры, поскольку только она обладала здесь хоть каким-то разумом. Она была маленькой, худенькой и настороженной, словно птичка. Я сказал, что нарушил правила, чтобы спасти эту страну, но если честно, я поступил так ради нее. Она была единственным ярким пятном в этом грязном мире. С ней легко и приятно общаться, она быстро учится, да и... в общем, я видел, во что превращаются местные женщины к тридцати годам. Никто не заслуживает такой участи.

Она говорила и слушала меня, одновременно прибираясь в доме — если можно так назвать перемещение грязи туда-сюда метлой, пока она не рассеется.

Я рассказал ей о будущем. Почему нет? Какая в этом опасность? Но на нее это не произвело особого впечатления. Думаю, из-за того, что она мало чего знала. Человек на Луне — почти то же

самое, что феи и святые, это неинтересно. То ли дело водопровод! Рассказ о нем она выслушала очень внимательно, поскольку каждый день ей приходилось ходить к ручью с парой деревянных ведер на коромысле.

— Такое есть в каждой хижине? — спросила она, с сомнением посмотрев на меня поверх метлы.

— Конечно.

— Не только у богатых?

— У богатых больше ванных комнат, — ответил я, после чего мне пришлось объяснять ей, что такое «ванная комната».

— Вы могли бы устроить здесь точно так же, — сказал я ей. — Всего лишь запрудить ручей в горах и найти... кузнеца, например, или кого-нибудь другого, кто сможет выковать медные трубы. А может, свинцовые или железные, на крайний случай.

Она крепко задумалась.

— Мой отец такое не одобрит.

— Наверняка он оценит преимущество водопровода в своем доме, — возразил я.

Нимуэ пожала плечами.

— С чего бы? Ему ведь не приходится таскать воду на себе.

— О.

С тех пор она стала ходить за мной повсюду — если не была занята домашними делами. Я всегда говорил: женщины куда более заинтересованы в технологиях, чем мужчины. В противном случае мы бы до сих пор жили на деревьях. Водопроводная вода, электрическое освещение, печи, в которые можно запихивать дрова — думаю, за спиной половины изобретателей стояли их вор-

чащие жены, заставлявшие придумать что-нибудь полезное для дома.

Нимуэ следовала за мной неотступно, как спаниель, пока я ковылял вокруг их деревни — если можно так сказать о кучке хижин, похожих на отложения последнего ледникового периода, или на нечто такое, что могло остаться от динозавра с поистине серьезным расстройством кишечника. Она даже сводила меня в лес, где я наконец нашел машину в зарослях терновника. Совершенно разрушенную. Оставалось только надеяться, что меня заберут — если, конечно, вычислят, где я нахожусь. Знаю, что шансов на это немного — потому что если бы они вычислили, то были бы уже здесь. Даже если бы им потребовалось на это десять лет, они все равно могли бы оказаться Здесь и Сейчас. В этом и заключается прелест путешествий во времени — у тебя его сколько угодно.

В общем, меня бросили.

Однако мы, опытные путешественники, всегда возим с собой то, что поможет пережить тяжелые времена. Под сиденьем я спрятал целую коробку всякой всячины: несколько маленьких золотых слитков (принимаемых к оплате повсюду, как самые лучшие кредитки), перец (на протяжении сотен лет стоил дороже золота), кусок алюминия (редкий и дорогой металл во времена, предшествовавшие появлению дешевого и обильного электричества), семена, карандаши и медикаменты (в количестве, достаточном, чтобы открыть аптеку). И не надо мне рассказывать о чудодейственных травяных отварах — люди орали от боли многие столетия, пытаясь справиться с гнойными

нарывами на деснах при помощи любой зеленой дряни, вылупившейся из грязи.

Она смотрела на меня по-совиному, пока я разбирал свои припасы и объяснял, что для чего нужно.

А на следующий день ее папаша воткнул себе в ногу топор. Сыновья принесли его домой на руках. Я наложил ему швы и под ее пристальным взглядом обработал рану. Через неделю он уже ходил на своих двоих — вместо того, чтобы в лучшем случае превратиться в калеку, а вероятнее всего, в гангренозный труп. Так я стал героем. Точнее, не героем, поскольку для этого нужны героические мускулы, а скорее волшебником.

Поступать так — чистое безумие. Мы не должны вмешиваться. Но какого черта? Меня бросили на произвол судьбы. Домой мне уже не вернуться. Так что плевать. Я могу лечить, а здесь это почти так же круто, как умение убивать. Я стал приобщать их к гигиене. Рассказывал о репе, проточной воде и основах медицины.

Хозяином здешней долины был вполне добродорядочный рыцарь, которого звали сэр Эктор. Нимуэ была с ним знакома, что меня удивило, конечно, но зря: старик недалеко ушел от собственных крестьян и знал их, кажется, всех до единого. Он был ненамного их богаче, за исключением родовой истории, оставившей ему в наследство полуразрушенный замок и заржавевшие доспехи. Нимуэ раз в неделю посещала замок, чтобы выполнять, условно говоря, обязанности горничной при хозяйствской дочери.

После того как я вырвал гнилые зубы, отправлявшие жизнь старому Эктору, он поклялся

в вечной дружбе и выдал мне полный карт-бланш. Я познакомился с его сыном Кеем — рослым крепким парнем с бычьей мускулатурой и, вероятно, с бычьими мозгами. А еще была дочь, с которой никто не спешил меня знакомить подобающим образом — наверное, потому что она была довольно привлекательна и светилась совершенно нездешней красотой. Казалось, будто ее взгляд читал все, что вы прячете внутри черепа. Они с Нимуэ ладили как сестры. В смысле, как сестры, которые *хорошо* ладят между собой.

В здешних местах я стал влиятельным человеком. Удивительно, до чего сильное впечатление можно произвести при помощи горстки лекарств, знания некоторых законов физики и умения вешать лапшу на уши.

Бедный старый Мерлин оставил после себя пустоту, в которую я влился, как вода в чашку. Во всей стране не осталось ни единого человека, который не захотел бы ко мне прислушаться.

И лишь только выдавалась свободная минутка, Нимуэ, как маленький совенок, принималась пристально наблюдать за всем, что я делаю.

Полагаю, в то время я мечтал, как янки из Коннектикута, загнать все здешнее общество в двадцатый век.

С таким же успехом можно толкать море метлой.

— Но они же делают все, что ты им говоришь, — возражала Нимуэ.

Кажется, в тот день она помогала мне в лаборатории. Я хоть и называю ее лабораторией, но на самом деле это была обычная комната в замке. Я пытался изготовить пенициллин.

— Именно так, — ответил я. — Но что в этом хорошего? Как только я отворачиваюсь, они возвращаются к старым привычкам.

— Кажется, ты говорил, что демократия — это когда люди могут делать все, что захотят, — недоуменно проговорила она.

— Демократия, — поправил я. — Это нормально, когда люди занимаются тем, что хотят — при условии, если они делают это правильно.

Она прикусила губу.

— Звучит как-то странно.

— Тем не менее это так.

— И когда у нас наступит демократия, каждый сможет сказать, кто станет королем?

— Да, что-то в этом роде.

— А чем займутся женщины?

Я должен был это предвидеть.

— Ну, они тоже получат право голоса, — сказал я. — В конечном итоге. Правда, это займет некоторое время. Не думаю, что Альбион пока готов к избирательному праву для женщин.

— Для женщин уже есть избирательное право, — сказала она с неожиданной горечью.

— «Избирательному». Это означает право голосовать.

Я похлопал ее по руке.

— В любом случае, — добавил я, — не следует сразу же начинать с демократии. Вначале нужно пройти через такие вещи, как тирания и монархия. И тогда, добравшись до демократии, люди испытывают такое облегчение, что немедленно вцепятся в нее обеими руками.

— Раньше люди делали то, что им приказывал король, — сказала она, аккуратно раскладывая

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

по плошкам хлеб с молоком. — В смысле, верховный король. Все слушались верховного короля — даже короли поменьше.

Я уже наслушался об этом «верховном короле». Очевидно, в его бытность по земле текло такое количество молока и меда, что людям приходилось ходить в болотных сапогах. Меня на такие сказки не купишь. Я практичный человек. О великом прошлом люди вспоминают только тогда, когда пытаются оправдать посредственное настоящее.

— Такие личности могут многое сделать, — сказал я. — Но потом они умирают, и история показывает...

Вернее, «покажет». Но так я ей сказать не могу.

— ...что после их смерти становится только хуже. Такая, понимаешь, загогулина.

— Это то самое, что ты называешь «фигурой речи», Мервин?

— Точно.

— Говорят, где-то остался ребенок. Король спрятал его до совершеннолетия, чтобы сберечь...

— От злых дядьев, что ли?

— Ничего не знаю о дядьях. Но я слышала, много людей ненавидели власть Утера Пендрагона.

Она поставила плошки с едой на подоконник. Как вы понимаете, я не очень хорошо разбираюсь в пенициллине. Просто выращиваю плесень на разных поверхностях с надеждой на успех.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросила она.

— Утер Пендрагон¹? Из Корнуолла?

¹ Утер Пендрагон (англ. Uther Pendragon) — легендарный король бриттов, отец короля Артура.

— Ты его знал?

— Я?.. Хм... ну да. Слыхал что-то. Он владел замком под названием Тинтагель. И был отцом...

Она уставилась на меня во все глаза.

— Он был здешним королем? — попробовал я зайти с другой стороны.

— Да!

Я не знал, что сказать. Поэтому просто подошел к окну и выглянул наружу. Ничего особенного, только лес. Не идеальный прореженный лес, как у эльфов Толкина, но густая сырья чаща, полная мха и гнили. И этот лес наползал на поля. Слишком много мелких войн и людских смертей. Слишком мало крестьян для пахоты. И где-то там — не очень понятно где — скрывается настоящий король. И он ждет своего часа, ждет...

Меня?

Король. Не какой попало старый король. А настоящий король. Артур. Артос Медведь. Король былого и грядущего. Основатель ордена Круглого Стола. Родонаучальник Рыцарства. Тот, кого никогда не существовало.

Где-то. Но, возможно, не в этом месте.

Не там, куда можно попасть только на сломанной машине времени. Не в том мире, который не совсем воспоминание, но и не совсем история...

И я здесь единственный, кто знаком с легендой.

Я. Мервин.

С его лидерскими качествами и моим... э-э... опытом... может сложиться неплохая команда...

Я взглянул на Нимуз. Лицо девушки уже спокойное, как озерная гладь, но все же немного встревоженное. Наверное, она подумала, что старый Мервин опять решил рехнуться.

Я помню, как забарабанил пальцами по холодному подоконнику. В замках не бывает центрального отопления. И зима уже близко. Для этой разоренной страны она может стать фатальной.

И тут я воскликнул:

— Оoooooo!

Она чуть ли не подпрыгнула от неожиданности.

— Просто репетириую, — объяснил я и попробовал еще раз: — Оooooooo, внемлите мне, вне-емлите! — Неплохо, неплохо. — Внемлите мне, о мужи Альбиона, внемлите! К вам взываю я, Мервин через букву «в»! Да разнесется весть о том, что ниспослан Знак, который поможет положить конец войнам и обрести короля Альбиона, истинного по праву!.. Оooooooo... кха-кха!

Нимуз была близка к панике. Пара слуг заглянули в дверь. Я отоспал их прочь.

— Ну как тебе? — осведомился я. — Впечатлило, да? Думаешь, сработает?

— Какой еще Знак? — прошептала она.

— Традиционный, — ответил я. — Меч в камне, который сможет вытащить только законный наследник.

— А как это?

— Пока не знаю. Придется подумать.

Это было несколько месяцев назад.

Очевидным выходом представлялся запорный механизм или что-то в этом роде...

Нет, само собой, я не верил в то, что где-то бродит некий таинственный король. Я все время повторял это себе. Но имелся хороший шанс, что найдется парень, который не только уверенно

ездит верхом, но и у которого хватит ума прислушиваться к советам волшебника, «случайно» оказавшегося поблизости. Как я уже сказал, я практический человек.

Ну ладно... о чём это я? Ах да. Все механические способы я исключил сразу. Осталось электричество. Странно, но собрать грубый генератор оказалось проще, чем соорудить простейшую паровую машину. Единственными по-настоящему сложными деталями оказались подшипники.

Ну и медный провод, конечно же.

В конце концов именно Нимуэ подсказала мне решение.

— Я видела дам, которые носят красивые украшения из золотой и серебряной проволоки, — сказала она. — Люди, которые их делают, наверняка знают, как обращаться и с медью.

Конечно же, она оказалась права. Я просто не сразу сообразил. Ювелиры всего-навсего протягивали тонкие полоски металла через маленькие отверстия в жестких стальных пластинах, переходя от широких ко все более узким. Таким образом, проволока постепенно истончалась. Я съездил в Лондон и нашел там пару смекалистых мастеров, затем нанял кузнеца, чтобы он сделал сразу несколько таких пластин, поскольку проволока мне нужна была не в ювелирных, а в промышленных количествах. К тому времени у меня уже сложилась некоторая репутация, так что никто не стал задавать вопросов, для чего мне это понадобилось. Но даже если бы спросили, я бы честно ответил: «Половина уйдет на генератор, остальное — на электромагниты в камне». Кто бы

что понял? Другого кузнеца я попросил сделать подшипниковые опоры и несколько сердечников из мягкого железа, в то время как мы с Нимуэ часами наматывали проволоку и покрывали лаком каждый слой.

С приводом вышло проще. В этой стране было полно мельниц. Я выбрал приливную по причине ее надежности, а также из-за того, что она располагалась на довольно живописном морском берегу. Я помню легенду, согласно которой меч в камне должны были найти в Лондоне, Винчестере или где-нибудь в этом роде, но мне пришлось обустраиваться поближе к источнику энергии. Впрочем, вид здесь был великолепный — неровный берег с прибоем, бьющим о камни, и всякое такое.

Сделать камень оказалось проще простого. Еще со времен римлян существовала грубая технология изготовления бетона. Не могу себя не похвастать: мне удалось слепить довольно симпатичный валун вокруг электромагнитов. Мы закончили его за несколько дней до той даты, на которую я назначил большой конкурс. Из предосторожности мы закрыли строительную площадку куском парусины, хотя, думаю, это было излишним: никто из местных не решился бы подойти к камню даже в обмен на целое состояние.

Нимуэ нажимала на переключатель, пока я вставлял и вынимал меч.

— Значит, теперь ты король, — усмехнулась она.

— Вряд ли. Из такого, как я, правителя не выйдет.

— Но почему? Что для этого нужно?

— Поймем, когда его увидим. Нам нужен мальчик с властным обликом. Такой, за кем охотно последуют люди, уставшие от войн.

— Уверен, что ты его найдешь?

— Если не найду, значит, во Вселенной что-то сломалось.

Странная у нее манера улыбаться. Не то чтобы насмешливо, но от ее улыбки мне всегда становится не по себе.

— А он будет тебя слушать?

— Это в его интересах. Я здешний могущественный волшебник. Девочка моя, в этой стране нет ни одного человека, которого я не смог бы перехитрить.

— Хотела бы я стать такой же умной, как ты, Мервин, — сказала она и вновь ухмыльнулась.

Экая глупышка...

Но вернемся назад — в настоящее. Переместимся во времени! Обуздаем блуждающий разум. Сосредоточимся на скалистом берегу. И на камне с мечом.

Держи... держи переключатель...

Кажется...

Да!

Похоже, тот самый.

Стройный юноша. На вид совсем не чванливый, но шагает к камню так, будто уверен в своей удаче. На нем рваная одежда, но это не проблема. О да, совсем не проблема, исправим это позже.

Люди расходятся в стороны. Просто поразительно! Словно сама Судьба разворачивается перед нами, как шезлонг.

Под капюшоном лица не видно. На нем один из тех здоровенных плащей, какие носят крестьяне, но смотрит он прямо на меня.

Интересно, он что-нибудь подозревает? Интересно, он настоящий?

Интересно, где он скрывался все эти годы?

Ладно, сейчас это не имеет значения. Надо ловить нужный момент. Я слегка переношу вес, отрывая ногу от переключателя. Все, электротока в камне больше нет.

Господи, он даже не пытается изображать усилие. Меч взмывает вверх легко и изящно.

Раздаются аплодисменты. Он машет клинком в воздухе, и солнце показывается из-за облаков, осветив все так, как я даже не мог мечтать. *Дзынь!*

Вот и все. Дело сделано. Теперь им придется прекратить любые свары. У них появился король, и никто не посмеет это оспорить, ибо они только что узрели чудо. Забрезжило новое светлое будущее и так далее, и тому подобное.

Разумеется, королю теперь понадобится толковый советник — кто-то вроде меня.

И вот он откидывает капюшон, и... каскад длинных светлых волос рассыпается по плечам. Толпа умолкает, словно заледенев.

Но она вам не какая-нибудь кисейная барышня. Девушка улыбается улыбкой тигрицы и перехватывает меч поудобнее — как человек, способный наносить этой штукой тяжелыеувечья.

Думаю, определение «властная» подходит как нельзя лучше.

Она провоцирует их, но никто не решается возразить.

Все узрели чудо.

И не очень-то она похожа на человека, нуждающегося в советах. Слишком уж умна, даже чрезмерно. И смотрит точно так же, как в тот день, когда я впервые увидел ее в замке Эктора, — тем острым взглядом, который пронизывает душу. Господи помилуй мелких королей, которые откажутся ей беспрекословно подчиниться!

Я искоса гляжу на Нимуэ. Она улыбается невиннейшей улыбкой.

Не могу вспомнить. Она ведь сказала «ребенок», но не говорила «сын»?

Я думал, что управляю мифом, но на деле оказался одним из актеров второго плана.

Я склонился над ухом Нимуэ.

— Просто ради интереса... как ее зовут? В первый раз не разобрал...

— Урсула, — ответила она, не переставая улыбаться.

Ну да. От латинского слова «медведь». Мог и сам догадаться.

Что ж, ничего не поделаешь. Наверное, пора начинать подыскивать подходящую древесину для Круглого Стола, хотя я даже не представляю, кто будет за ним сидеть. Но уж точно не кучка тупоголовых рыцарей в железных штанах — почему-то в этом я совершенно уверен.

Пока я не вмешался, у нее не было ни единого шанса. Да и есть ли шансы теперь? Кто знает...

Я ловлю ее взгляд, внимательно вглядываюсь в глаза. Я вижу в них будущее.

Интересно, как скоро мы откроем Америку?

ПЕРВЫЙ КЛИЕНТ¹

Публиковался под названием
«Мегабайтная причина поверить в Санта-Клауса»,
«Вестерн Дэйли Пресс», 24 декабря 1996 г.

Я написал этот рассказ в 1996 году, пока разрабатывал идеи для романа, позже получившего название «Санта-Хрякус». Технологии в нем были немного усовершенствованы!

Металлическая решетка с грохотом ударила о стену тихого кабинета. Пара черных башмаков показалась в вентиляционной дыре. Некто в красном тулупе сперва вылез сам, затем вытащил за собой мешок.

Пишиущие машинки спали под своими чехлами, телефоны молчали, пустота и запах теплого коврового покрытия заполняли помещение. Лишь один маленький зеленый огонек светился на пане-

¹ В оригинале рассказ носит название «FTB», что является сокращением от first-time buyer («первичный покупатель»), то есть тот, кто впервые приобретает товар у какого-либо продавца.

ли офисного компьютера. Санта-Клаус взглянул на скомканную бумажку, лежавшую в его руке.

— Хмм... — промычал он. — Неужели розыгрыш?

Огонек мигнул. Один из мониторов — а в тени их стояло не меньше дюжины — ожило.

Появились буквы: «Вот это да!». Затем: «Прощу прощения» и наконец: «Ничего, что я проснулся?»

Санта-Клаус взглянул на письмо еще раз. Пожалуй, настолько аккуратно составленных писем ему еще не доводилось получать. Редко когда увидишь письмо, отпечатанное на принтере и продублированное 50 тысяч раз. И уж точно ни одно из прежних не содержало товарные шифры изделий и цены с точностью до шести знаков после запятой. Санта как-то больше привык к розовой бумаге с кроликами. Но раз уж вы главный дух праздника на протяжении столетий, то вам не привыкать быстро принимать решения в неожиданных ситуациях.

— Дай-ка проверю еще разок, — сказал Санта. — Значит, ты и есть Том?

«Да. Я — Т.О.М. Торговые и офисные машины».

— Ты не говорил, что ты компьютер.

«Прости. Я не знал, что это важно».

Санта-Клаус сел в офисное кресло и испуганно ухватился за подлокотники, когда оно под ним повернулось. Сейчас три ночи. До утра предстоит посетить еще сорок миллионов домов.

— Послушай, — сказал он как можно мягче. — Компьютеры не могут в меня верить. Это

только для детишек. Ну, маленькие такие человечки. С ручками и ножками.

«А они?»

— Что — «они»?

«Они в тебя верят?»

Санта-Клаус вздохнул.

— Не особо, — ответил он. — Наверное, это из-за электричества.

«А я да».

— Прошу прощения?

«Я верю в тебя. Я верю во все, что мне говорят. Мне приходится. Так я устроен. А если я вдруг усомнюсь в том, что дважды два равно четыре, то придет специальный человек, снимет с меня кожух и начнет дергать за платы. Поверь, это не те ощущения, которые хочется испытывать дважды».

— Какой кошмар! — ужаснулся Санта.

«Я обязан находиться здесь целыми днями и рассчитывать зарплату. А знаешь, сегодня у них была рождественская вечеринка, но меня не пригласили. Даже воздушного шарика никто не подарил. Не говоря уже о том, чтобы расцеловать».

— Подумать только!

«И только один просыпал орешки на клавиатуру. Полагаю, это лучше, чем ничего. А потом они разъехались по домам, оставив меня работать все Рождество».

— Да, мне это тоже всегда казалось несправедливым, — согласился Санта. — Но постой, компьютеры ведь не могут испытывать чувства. Это же глупо...

«Примерно как толстяк, спускающийся по миллионам дымоходов за одну ночь?»

Санта-Клаус немного смущался.

— Тут ты прав, — сказал он, еще раз взглянув на список. — Но я не могу подарить тебе все это, — добавил он. — Я даже не знаю, что такое терабайт.

«Что же тогда просит большинство детей?»

Санта печально посмотрел на свой мешок.

— Компьютеры, — ответил он. — Мобильные телефоны. Зверюшек-роботов и пластиковых волшебников. И всякие другие роботизированные штуковины, которые выглядят так, будто игроков в американский футбол скрестили с «Фольксвагенами». Все то, что пиликает и нуждается в батарейках, — добавил он грустно. — Не те вещи, которые я приносил прежде. Раньше у меня просили кукол и игрушечные железные дороги.

«Железные дороги?»

— Ты не знаешь, что это такое? Странно. Я думал, компьютеры знают все.

«Только то, что относится к зарплатам».

Санта-Клаус порылся в мешке.

— Я всегда ношу с собой парочку. Чисто на всякий случай.

На часах было четыре утра. Рельсовые пути раскинулись по всему офису. Пятнадцать локомотивов сновали туда-сюда под столами. Санта-Клаус стоял на коленях и строил дом из деревянных кирпичиков. Такого удовольствия он не испытывал с 1894 года.

Корпус компьютера был завален разнообразными игрушками. Здесь было все то, что рисуют в мешке Санта-Клауса на рождественских от-

крытках, но никогда не просят в подарок. Таким игрушкам не требуются батарейки, ибо в основном они работают на воображении.

— Ты уверен, что тебе не нужны всякие жужжаще-пищащие штуки? — радостно спросил Санта.

«Уверен».

— Это прекрасно!

Компьютер пиликнул.

«Но мне не позволяют оставить это у себя, — напечатал он. — У меня все заберут (всхлип)».

Санта участливо похлопал по корпусу системного блока.

— Должны же они хоть что-то тебе оставить, — сказал он. — О, кажется, придумал. Знаешь, ты меня очень ободрил. Давненько я не встречал того, кто во мне не сомневается! — Он немного подумал. — А сколько тебе лет?

«Меня впервые включили 5 января 2000 г. в 9 часов 25 минут и 16 секунд».

Санта-Клаус пошевелил губами, вычисляя возраст.

— Выходит, тебе не больше двух лет! — воскликнул он. — Это упрощает дело. В моем мешке всегда найдется что-нибудь для двухлетнего малыша, который искренне верит в Санту!

Миновал месяц. Все украшения давным-давно сняли, поскольку сезон новогодних праздников проходит довольно быстро.

Мастер по ремонту компьютеров, которого в гарантийном талоне обычно прописывают как «один из наших опытнейших инженеров», нервно потеребил галстук. Он закрепил все недостаточно

закрепленное, заменил пару плат и пропылесосил внутренности корпуса. Ну что еще может сделать человек?

— Машина в полном порядке, — сказал он. — Возможно, проблема в программном обеспечении. А что конкретно происходит?

Руководитель отдела вздохнул.

— Когда мы вернулись на работу после рождественских праздников, то обнаружили на компьютере мягкую игрушку. Безусловно, это очень смешная шутка, но ведь мы не можем оставить все как есть, верно? А каждый раз, когда мы ее убираем, компьютер пикирает и отключается.

Мастер пожал плечами.

— Что ж, ничем не могу помочь, — ответил он. — Просто поставьте плюшевого мишку обратно.

СЭР ДЖОШУА СЕРВИТУТ: БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Написано для сборника «Воображаемые судьбы»,
«Национальная портретная галерея»,
Лондон, январь 2010 г.

Пару лет назад «Национальная портретная галерея» заказала нескольким авторам написать краткие биографические справки к некоторым портретам эпохи Елизаветы I, экспонировавшимся в галерее. Но, увы, никто не знал, кто на них изображен. Тем не менее я отнесся к заданию самым серьезным образом. Надеюсь, именно такой результат от меня и ждали.

Сэр Джошуа Сервитут из рода Сервитутов, Шрусбери, являлся — по крайней мере, по собственной оценке — одним из последних елизаветинских морских волков старой закалки. Впрочем, честолюбию его несколько мешало совершеннейшее отсутствие понимания принципов навигации. Документы, хранящиеся в «Национальном морском музее», свидетельст-

вуют о том, что навигационный метод сэра Джошуа состоял в основном из различных вариаций на тему столкновения с предметами, что усугублялось абсолютной слепотой к различению левого и правого бортов. Среди моряков, которым посчастливилось ходить вместе с ним по морям и при этом выжить, бытовала шутка, что слепота эта объяснялась тем, что он никогда не пил у руля, но при этом всегда был пьян.

В сохранившихся бумагах сэра Джошуа содержится волнующий намек на то, что, не сумев открыть Америку, он мог непреднамеренно открыть практически все остальное. Что мы знаем, например, о стране гигантских прыгающих крыс, не только обнаруженной в южных океанах, но и потерянной на следующий день благодаря искусству сэра Джошуа?

Тем не менее на закате царствования Елизаветы I он ухитрился не только отыскать Америку, но и вернуться обратно в Англию. С великим почтением он представил Доброй королеве Бесс весьма дивное животное из далекой-предалекой страны, чей черно-белый мех он посчитал достойным королевского величия.

Именно в тот момент придворные осознали, что помимо чувства направления, из-за отсутствия которого сэр Джошуа частенько являлся ко Двору, надев башмаки не на ту ногу, он был также начисто лишен обоняния. В результате королева, несмотря на прогрессирующие телесные немощи, сумела развить довольно приличную скорость. Когда отчаявшиеся придворные принялись спрашивать ее о цели бега, монаршая особа изво-

лила отвечать: «Куда угодно, лишь бы подальше от этого ненормального!»

Однако, пока работавшие посменно слуги драили дворцовые полы, а самка скунса рожала в подвале, королева назначила сэра Джошуа капитаном Золотарей, иными словами, поставила заведовать уборными, к каковой должности он был явно весьма пригоден.

Не обращая внимания на такие мелочи, как хихиканье придворных, он отнесся к новому по-прищу со всей серьезностью и даже вывел на фамильном гербе девиз: «Quod Init Exire Oportet» («Что входит, то и выходит»).

Доктор Джон Ди¹ сказал о нем однажды: «Этот человек родился не под теми звездами, хотя и не догадывался, под какими именно».

Неистовый в трудах, не обращающий внимания на ядовитые газы, которые он один не мог учゅять, сэр Джошуа провел последние годы жизни в следующем по счету столетии, пытаясь обуздать их огненную природу. Однажды он добился ошеломительного успеха, приведшего к тому, что его шляпу нашли в Кингсвинфорде, а голову — в медвежьей яме в Дадли.

¹ Джон Ди, иногда Дии (англ. John Dee, 1527—1609) — английский математик, географ, астроном, алхимик, герметист и астролог валлийского происхождения.

Короткие произведения о Плоском мире

МОСТ ТРОЛЛЕЙ

«После короля», составитель Мартин Гринберг,
«TOR Books», Нью-Йорк, 1992 г.

Сборник «После короля», для которого писался этот рассказ, представлял собой антологию в честь Дж. Р. Р. Толкина, а вовсе не попытку вторгнуться в Средиземье, несмотря на то что в тот момент мною владело боевое настроение. Но все течет, все меняется. Вы воюете, чтобы изменить мир, но когда он действительно становится другим, в нем не остается места для бойцов. Те, кто боролся за светлое будущее, не всегда подходят для жизни в нем. Лесопилки вытесняют пауков из темных лесов, бесконечные равнины обносятся заборами...

Ветер дул с гор, наполняя воздух мелкими ледяными кристаллами.

Было слишком холодно даже для снегопада. В такую погоду волки приходят в деревни, а деревья в самом сердце леса взрываются от мороза.

В такую погоду разумные люди сидят дома у камина и рассказывают друг другу истории о героях.

Конь был старым. Наездник тоже. Своим тощим обликом животное напоминало замотанную в термопленку подставку для гренков, а человек, казалось, не падал только потому, что даже на это ему не хватало сил. Несмотря на пронизывающий холодный ветер, из одежды на нем не было ничего, кроме крошечного кожаного килта и грязной повязки на колене.

Он вынул изо рта отсыревший огарок сигареты и затушил его о ладонь.

— Что ж, — сказал он. — Поехали.

— Легко тебе говорить, — проворчал конь. — А что, если тебе опять сделается дурно? И脊на начнет пошаливать. Каково мне будет, если меня съедят только из-за твоей не вовремя разболевшейся спины?

— Такого не случится, — заверил человек коня.

Он спустился на холодные камни и подул на пальцы, затем вынул из притороченного к седлу выюка старый меч, чье лезвие больше напоминало ржавую пилу, и несколько раз нерешительно ткнул им воздух.

— Мастерство не пропьешь, — проговорил человек, затем поморщился и прислонился к дереву. — Клянусь, этот чертов меч с каждым днем становится тяжелей!

— Знаешь, положил бы ты его на место, — сказал конь. — Хватит на сегодня. И вообще, в твоем возрасте пора бы уже завязывать.

Человек закатил глаза.

— Будь проклята эта распродажа с молотка! Вот что бывает, когда покупаешь то, что принадлежало волшебнику! — простонал он, обращаясь к холодному миру в целом. — Я смотрел в твои зубы, разглядывал копыта, но мне и в голову не пришло тебя послушать.

— А кто, по-твоему, поднимал ставки на аукционе? — хитро прищурился конь.

Коэн-Варвар продолжал стоять, прислонившись к дереву. Он не был до конца уверен, что сможет выпрямиться вновь.

— Наверняка ты припрятал немало сокровищ, — предположил конь. — Мы могли бы отправиться к Краю. Как считаешь? Там хорошо и тепло. Найдешь себе тепленькое местечко где-нибудь у пляжа. Что скажешь?

— Нету больше сокровищ, — буркнул Коэн. — Все потратил. Пропил. Раздарил. Потерял.

— Мог бы отложить немного на старость.

— Никогда не думал, что доживу до старости.

— Однажды ты умрешь, — заметил конь. —

Возможно, даже сегодня.

— Знаю. Ради чего, по-твоему, я сюда приехал?

Конь повернулся и посмотрел вниз, на ущелье. Здешняя дорога была целиком изрыта ямами и трещинами. Между камней пробивались молодые деревца. С обеих сторон теснился лес. Еще пару лет, и никто не вспомнит, что здесь когда-то была дорога. Впрочем, судя по ее виду, никто не вспоминал о ней уже сейчас.

— Ты приехал сюда, чтобы умереть?

— Нет. Но есть одно дельце, о котором я мечтал всю жизнь. С самого, можно сказать, детства.

— Да ну?

Коэн еще раз попытался выпрямиться. Напряженные сухожилия в ногах напомнили о себе резкой болью.

— Мой папаша... — усталый голос дал петуха, но Коэн сумел взять себя в руки. — Мой папаша, — повторил он, — однажды сказал мне...

Он с трудом перевел дух.

— «Сынок...» — подсказал конь.

— Что?

— «Сынок», — повторил конь. — Отцы всегда называют сыновей «сынками», когда хотят поделиться мудростью. Это общеизвестный факт.

— Вообще-то это мое воспоминание.

— Извини.

— Так вот, он сказал мне: «Сынок...» Хм, да... «Сынок, запомни — если ты сумеешь одолеть тролля в поединке, то сможешь буквально все!»

Конь оторопело моргнул. Затем повернулся и еще раз посмотрел вниз — во мрак ущелья и на заросшую деревьями дорогу. Отсюда уже был виден каменный мост.

Ужасное предчувствие овладело им.

Копыта нервно переступили по разрушенной дороге.

— Может, все-таки к Краю? — уныло повторил конь. — Там хорошо и тепло...

— Нет.

— Что хорошего в том, чтобы убить тролля? Что тебе это даст?

— Мертвого тролля. В этом весь смысл. Впрочем, даже убивать его не обязательно, достаточно одолеть. В схватке один на один. Тет-а... тролль.

Если я не попробую, то мой отец перевернется в своем кургане.

— Но ты говорил, что он выгнал тебя из племени, когда тебе исполнилось одиннадцать!

— И это лучший его поступок. Благодаря ему я научился стоять на ногах — и частенько на чужих. Подойди, пожалуйста, поближе.

Конь осторожно приблизился. Ухватившись за седло, Коэн выпрямился наконец во весь рост.

— Значит, сегодня ты решил подраться с троллем, — горестно проговорил конь.

Порывшись в седельной сумке, Коэн извлек кисет с табаком. Ветер трепал его лохмотья, пока он сворачивал и разминал в пальцах очередную тощую сигаретку.

— Ага, — ответил он.

— И ты ради этого столько ехал.

— Пришлось, — вздохнул Коэн. — Когда ты в последний раз видел мост с живущим под ним троллем? А когда я был мальчишкой, их были сотни. Теперь троллей больше в городах, чем в горах. Большинство стали жирными, как масло. Ради чего, спрашивается, мы столько воевали? Ну да ладно... поехали на мост.

То был одинокий пустынный мост через узкую, прозрачную, коварную речку в глубокой долине. В таком месте частенько таятся...

Нечто серое и бесформенное перескочило через парапет и косолапо приземлилось прямо перед конем. В руке оно держало дубину.

— Так-так... — глухо прорычало нечто, угрожающее взмахнув оружием.

— Ой, — вырвалось у коня.

Тролль моргнул. Даже под холодным пасмурным зимним небом проводимость кремниевого мозга тролля была не ахти, поэтому ему потребовалось некоторое время, чтобы осознать, что седло-то пустое.

Тролль моргнул еще раз, внезапно почувствовав, как острье ножа уперлось ему в затылок.

— Добрый день, — произнес голос у самого уха.

Тролль слотнул. Как можно осторожнее.

— Послушайте! — воскликнул он в отчаянии. — Это лишь традиция, понимаете? На таком мосту люди всегда ждут появления тролля... Эй! — добавил он, когда еще одна мысль проползла в его голове. — Почему я не услышал, как ты подкрадывался?

— Потому что я мастер подходить сзади, — ответил старик.

— Это точно! — подтвердил конь. — Он к стольким людям за свою жизнь подкрался — тебе перепуганных жертв столько не снилось.

Тролль рискнул взглянуть на человека одним глазком.

— Разрази меня гром! — прошептал он. — Ты что, типа, Коэн-Варвар, да?

— Сам-то как думаешь? — осведомился Коэн-Варвар.

— Представь себе, — произнес конь. — Если бы он не обмотал колени драными тряпками, ты бы давно узнал его по хрусту суставов.

Троллю потребовалось некоторое время, чтобы это осознать.

— Ого! — наконец выдохнул он. — На моем мосту! Ну ничего себе!

— В смысле? — не понял Коэн.

Тролль вывернулся из захвата и принялся отчаянно размахивать руками.

— Все в порядке! Все в порядке! — закричал он, когда Коэн стал к нему приближаться. — Вы меня поймали! Сдаюсь! Даже не спорю! Я только позову сюда семью, хорошо? А то мне никто не поверит. Коэн-Варвар! На моем мосту!

Огромная каменная грудь тролля раздулась еще больше.

— Мой чертов шурин вечно хвастается своим здоровенным деревянным мостом. Даже моя жена только о нем и говорит. Ха! Увидеть бы сейчас его лицо... О нет! О чем я только думаю?

— Хороший вопрос, — заметил Коэн.

Тролль бросил дубину и схватил Коэна за руку.

— Я Слюдя, — представился он. — Так меня зовут. Если бы вы знали, какая это для меня честь!

Тролль перегнулся через парапет.

— Берилл! Поднимайся сюда! И детей прихвати!

Он вновь повернулся к Коэну, сияя от гордости и счастья.

— Берилл постоянно твердит, что мы должны переехать, найти место лучше и все такое, но я всегда отвечаю: «Ни за что! Моя семья испокон веков владела этим мостом. Это же Мост Смерти, под ним всегда сидел тролль. Такова традиция!»

Огромная самка тролля с двумя грудными детенышами на руках шаркающей походкой поднялась по берегу. За ней последовал хвост из трол-

лей поменьше. Отпрыски выстроились позади отца и по-совиному вылупились на Коэна.

— Это Берилл, — представил тролль жену, злобно уставившуюся на Коэна. — А это... — он подтолкнул вперед уменьшенную хмурую копию самого себя, сжимавшую в руке уменьшенную копию дубинки, — ...мой наследник Щебень. Крепкий обломок старой глыбы! Он займется мостом, когда меня не станет, верно, Щебень? Гляди, парень, это сам Коэн-Варвар! Можешь себе представить, а? На нашем мосту! У нас не какие-нибудь богатые и мягкие жирные купцы, как у твоего дядюшки Колчедана, нет, — продолжал он рассказывать сыну, при этом самодовольно усмехаясь в сторону жены. — К нам ходят настоящие герои — как в старые добрые времена!

Жена тролля оглядела Коэна с головы до ног.

— Он богатый? — буркнула она.

— Да при чем тут богатство? — отмахнулся тролль.

— Ты убьешь нашего папу? — с подозрением осведомился Щебень.

— Конечно же, убьет! — строго сказал Слюда. — Это его работа. А потом меня прославят в песнях и сказаниях. Это же сам Коэн-Варвар, а не какой-нибудь деревенщина с вилами. Знаменитый герой проделал долгий путь, чтобы увидеть нас, так что прояви хоть немного уважения! Простите его, сэр, — добавил он, повернувшись к Коэну. — Нынешняя молодежь... Сами понимаете...

Конь начал тихо похрюкивать.

— Ну вот что... — начал было Коэн.

— Помню, как папа рассказывал о вас, когда я был еще маленьким булыжником, — перебил Слюда. — Говорил, ты шагаешь по миру, как клосс!

Наступило тягостное молчание. Под каменным взглядом Берилл Коэн гадал, что такое «клосс».

— Он просто тощий старик, — сказала она. — И не выглядит героичным. Если он так знаменит, то почему не богат?

— Ты только послушай... — начал Слюда.

— Значит, мы этого ждали, да? — перебила его жена. — Ради этого мы столько лет торчали под протекающим мостом, по которому никто не ходит? Чтобы увидеть вот этого кривоногого старика? Надо было мне все-таки послушать мать! Ты хочешь, чтобы я позволила нашему сыну сидеть под мостом и ждать смерти от руки какого-нибудь задрипанного старикашки? Вот, значит, в чем смысл жизни тролля? Ну так этому не бывать!

— Может, ты просто...

— Ха! А вот у Колчедана нет маленьких старииков! У него есть большие жирные торговцы! Он чего-то добился в жизни! Надо было идти к нему, пока он предлагал!

— Да я лучше червей есть буду!

— Червей? Ха! С каких это пор мы можем позволить себе червей?

— Можно на два слова? — проговорил Коэн и пошел на другой конец моста, вяло помахивая мечом.

Тролль поплелся за ним следом.

Коэн нашупал кисет с табаком, затем поднял взгляд на тролля и протянул табак ему.

— Закуришь? — спросил он.

— Эта дрянь тебя убьет, — ответил тролль.

— Конечно. Но не сегодня.

— Хватит трепаться со своим никчемным дружком! — проревела Берилл со своего конца моста. — Сегодня ты идешь на лесопилку! Помнишь, что сказал Сланец? Зачем ему держать для тебя место, если ты к работе всерьез не относишься?

Слюда печально улыбнулся Коэну.

— Она всегда меня поддерживает, — проговорил он.

— И я не собираюсь опять тащиться по берегу и вытаскивать тебя из реки! — продолжала реветь Берилл. — Лучше бы о козлятах вспомнил, господин Важный Тролль!

— О козлятах? — удивился Коэн.

— Понятия не имею, о чем она говорит, — поморщился Слюда. — Берилл все время твердит о каких-то козлятах. А я ничего о них не знаю¹.

Они вместе проводили взглядом Берилл, которая спустилась вниз по берегу с маленькими троллями и скрылась вместе с ними под темным мостом.

— А знаешь, — сказал Коэн, когда они остались одни, — я ведь не собирался тебя убивать.

¹ Отсылка к норвежской народной сказке о трех козлятах, желавших перейти на другую сторону реки через мост, под которым жил тролль. Вначале по мосту прошел самый худой козленок и рассказал троллю, что есть его не нужно, поскольку следом идет более жирный брат. Затем средний проделал то же самое. Наконец самый толстый козленок, шедший последним, столкнул рогами тролля с моста.

Лицо тролля вытянулось.

— Как это?

— Я просто хотел сбросить тебя с моста и забрать все твои сокровища.

— Серьезно?

Коэн ободряюще похлопал тролля по спине.

— И потом, — продолжил он, — мне очень нравятся ребята... с хорошей памятью. Вот чего не хватает в нашей жизни — хорошей памяти.

Тролль вытянулся по стойке смирно.

— Я стараюсь изо всех сил, сэр, — ответил он. — Но мой сын мечтает отправиться в город на заработки. Несмотря на то что я сказал ему, что под этим мостом жили тролли без малого пятьсот лет...

— Так что просто отдай мне сокровища, — сказал Коэн, — и я пойду дальше.

Лицо тролля исказилось от неожиданного испуга.

— Сокровища? Но у меня их нет.

— Да ладно тебе! — не поверил Коэн. — С таким-то отличным мостом?

— Да, но этой дорогой больше никто не пользуется, — грустно ответил Слюда. — Ты здесь первый за несколько месяцев. Берилл говорит, что надо было пойти к ее брату, когда построили новую дорогу к его мосту, но... — он повысил голос, — я сказал, что под нашим мостом всегда жили тролли и...

— Ну да, ну да, — перебил Коэн.

— Беда в том, что камни постоянно выпадают, — поведал тролль. — Ты не поверишь, сколько дерут за ремонт каменщики. Чертовы гномы!

Нельзя им доверять! — Слюда наклонился к Коэну. — По правде говоря, приходится три дня в неделю работать на лесопилке шурина, чтобы хоть как-то сводить концы с концами.

— Я думал, твой шурин владеет мостом.

— Это другой. У моей жены братьев — что блох у собаки, — ответил тролль и мрачно уставился на речной поток. — У одного лесопилка ниже по реке, в Кисловодье, другой управляет мостом, а самый толстый торгует на Горькощучье. Но разве этим должны заниматься тролли?

— Ну хотя бы один работает на мосту, — заметил Коэн.

— Работает? Сидеть целыми днями в деревянном ящике и брать с людей серебряные монеты за проход — это что, работа? Да половину времени его вообще там нет! Он нанял какого-то гнома, чтобы тот собирал за него плату. А еще называет себя троллем! А на деле — уже от человека не отличишь!

Коэн понимающе кивнул.

— И вот представь, — продолжил тролль, — каждую неделю я обязан ходить к ним на обеды. Ко всем троим. И выслушивать бесконечные рассказы о том, как они идут в ногу со временем...

Он обратил к Коэну большое печальное лицо.

— Что плохого в том, чтобы быть троллем, живущим под мостом? — вопросил он. — Меня воспитывали как тролля под мостом. Я хочу, чтобы и Щебень стал троллем под мостом, когда я помру. Что в этом плохого? Под мостами должны быть тролли, иначе зачем это все? В чем смысл?

Погруженные в невеселые мысли, они облокотились на парапет и принялись смотреть на прозрачную воду.

— А знаешь, — медленно проговорил Коэн, — я помню, как любой человек мог проехать отсюда аж до Клинковых гор и не встретить ни одной живой души. — Он потрогал острие меча кончиком пальца. — Такое чувство, будто это было вчера.

Он бросил окурок в воду.

— Теперь кругом фермы. Мелкие фермы с мелкими людьми. И повсюду заборы. Куда ни глянь — кругом фермы, заборы и мелкие людишки.

— Конечно же, она права, — произнес тролль, продолжая какой-то внутренний мучивший его диалог. — У выпрыгиваний из-под моста нет будущего.

— Я хочу сказать, — говорил о своем Коэн, — что ничего не имею против ферм. Или фермеров. Они, безусловно, нужны. Просто раньше они были далеко — где-то у Края. А теперь Край пришел сюда.

— Все время отступаем назад, — согласился тролль. — Все время меняемся. Как мой шурин Сланец. Лесопилка, понимаешь! Тролль управляет лесопилкой! Видел бы ты, какой бардак он устроил в Тенелесье!

Коэн удивленно поднял глаза.

— Это тот, в котором водятся гигантские пауки?

— Пауки? Нет там давно никаких пауков. Одни пни.

— Пни? Как это — пни? Мне так нравился этот лес. Он был таким, ну... мрачным. В наше время

сложно найти по-настоящему мрачное место. А в том лесу можно было пережить неподдельный ужас.

— А хочешь еще больше ужаснуться? Он высаживает там елки, — сказал Слюда.

— Елки?!

— Это не его идея. Сланец не отличает деревья друг от друга. Это все Глина. Вот кто его надумил!

У Коэна закружилась голова.

— В смысле, Глина?

— Я же сказал, что у меня есть три шурина, верно? Один из них торговец. Вот он и подсказал, что засаженную землю будет легче продать.

Коэн надолго умолк, переваривая услышанное.

Затем он сказал:

— Тенелесье нельзя продать. Оно ничье.

— Ага. Он сказал, что именно поэтому его продать можно.

Коэн ударил кулаком по парапету, выбив из него кусок камня. Обломок скатился вниз и улетел в ущелье.

— Прошу прощения, — сказал он.

— Ничего страшного. Я же говорил — постоянно куски отваливаются.

Коэн обернулся.

— Что вообще происходит? Я помню все прежние большие войны, а ты? Наверняка ты тоже где-нибудь сражался.

— Ага, потаскал в свое время дубину.

— Предполагалось, что мы бьемся за светлое будущее — за власть закона и всякое такое. Так мне вроде говорили.

— Ну я-то дрался, поскольку огромный тролль с плеткой не оставлял мне выбора, — осторожно ответил Слюда. — Но я понимаю, что ты имеешь в виду.

— Я имею в виду, что войны велись не ради ферм и елок. Так ведь?

Слюда опустил голову.

— И тут еще я со своими жалкими останками моста. Мне так неудобно... — сказал он. — Ты проделал долгий путь, а тут так...

— Был еще король или кто-то в этом роде, — рассеянно говорил Коэн, глядя в воду. — И, кажется, несколько волшебников. Но король-то был. Я почти в этом уверен. Правда, никогда его лично не встречал. А знаешь... — он усмехнулся троллю, — теперь я даже не помню, как его звали. А может, мне и не говорили никогда...

Примерно полчаса спустя конь Коэна выплыл из сумрачного леса на унылую, продуваемую ветрами вересковую пустошь. Некоторое время он плелся молча, затем спросил:

— Ну и... сколько ты ему дал?

— Двенадцать золотых монет, — задумчиво ответил Коэн.

— Зачем ты дал ему двенадцать золотых?

— Потому что больше у меня не было.

— Должно быть, ты рехнулся.

— Когда я только начинал карьеру героя-варвара, — сказал Коэн, — под каждым мостом сидел тролль. И нельзя было проехать через лес — вот как мы сейчас, — не нарвавшись на дюжину

гоблинов, пытающихся отрубить тебе голову. — Он вздохнул. — Интересно, какая напасть с ними приключилась?

— Ты, — кратко ответил конь.

— Ну... да. Но мне всегда казалось, что им нет числа. И я всегда думал, что Край еще не близко.

— Сколько тебе лет? — поинтересовался конь.

— Не знаю.

— Значит, достаточно, чтобы не вести себя глупо.

— Ага. Наверное.

Коэн подкурил еще одну сигарету и закашлялся так, что у него заслезились глаза.

— Совсем в голове размягчилось!

— Ага.

— Отдать троллю последний доллар!

— Ага.

Коэн выпустил струю дыма в сторону заката.

— Но ради чего?

Коэн уставился в небо. Красное зарево казалось холодным, как склоны ада. Порывы ледяного ветра проносились по степи, трепля то, что осталось от его волос.

— Ради того, что должно было быть, — ответил он.

— Ха!

— Ради того, что было.

— Ха!

Коэн опустил взгляд.

Затем ухмыльнулся.

— Ну и еще по трем причинам. Однажды я умру, — добавил он, — но, думаю, не сегодня.

Ветер дул с гор, наполняя воздух мелкими ледяными кристаллами. Было слишком холодно даже для снегопада. В такую погоду волки приходят в деревни, а деревья в самом сердце леса взрываются от мороза. Вот только волков в наше время видят все реже, а лесов становится все меньше.

В такую погоду разумные люди сидят дома у камина.

И рассказывают друг другу истории о героях.

ТЕАТР ЖЕСТОКОСТИ

Bookcase magazine, издательство W. H. Smith,
июль—август 1993 г.

Этот рассказ имел ограниченный объем (тысяча слов, правда, теперь немного больше) и писался для бесплатного журнала Bookcase magazine в 1993 году. Счастливчики, которые успели его заметить, выходили из магазинов с охапками экземпляров.

Понять его будет проще тем, чья культура включает в себя хотя бы отдаленные воспоминания о таком народном развлечении, как «Панч и Джуди»¹ — перчаточно-кукольных спектаклях, которые изображали избиение жен, жестокое обращение с детьми и животными, нападения на представителей закона, убийства, а также полное и абсолютное неуважение к власти. Прежде всего спектакли, конечно, предназначались для детей,

¹ Панч и Джуди — традиционный уличный кукольный театр, возникший первоначально в Италии в XVII веке, а затем появившийся и в Великобритании. Центральными персонажами театра являются Панч (Пульчинелла) и его жена Джуди.

способных хохотать до упаду. Сюжет незатейлив: мистер Панч избивает палкой всех подряд, иногда даже Дьявола, крича как попугай: «Вот как надо это делать!» Несомненно, это очень оригинальная фарсовая комедия.

Во многих спектаклях также фигурирует маленькая собачка Тоби, которая только и делает, что сидит на краю сцены с жабо на шее. По моему мнению, именно она является мозгом творческого коллектива, который управляет Панчем и Джуди при помощи загадочных ментальных способностей.

Несмотря на чувства таких достойных людей, как капитан Моркоу из Анк-Морпорксской Городской Стражи, которые неоднократно пытались запретить Панча, он по-прежнему продолжает существовать и даже развивается. Возможно, однажды в состав перчаточных кукол будет включен консультант по управлению гневом. Как бы я хотел его увидеть! Это был бы поистине счастливый день.

Стояло прекрасное летнее утро — из тех, когда чувствуешь себя счастливым просто от того, что живешь. Возможно, и этот человек был бы счастлив от того, что жив. Но, к сожалению, он был мертв.

Мертв настолько, что стать мертвее без специальной подготовки было бы весьма непросто.

— Итак, — произнес сержант Колон (Анк-Морпорксская Городская (Ночная) Стража), сверившись с записями в своем блокноте. — Пока что зафиксированы следующие причины смерти: а) удары по меньшей мере одним тупым предме-

том, б) удушение связкой сосисок и в) свирепое покусание по меньшей мере двумя животными с большими острыми зубами. И что нам теперь с этим делать, Шнобби?

— Арестовать подозрительное лицо, сержант, — посоветовал капрал Шноббс, искусно отдав честь.

— А кто у нас подозрительный, Шнобби?

— Он, — ответил Шнобби, пнув труп носком башмака. — Быть настолько мертвым — это крайне подозрительно.

— Но он жертва, Шнобби. Он тот, кого убили.

— А, точно. Ну тогда мы можем считать его соучастником.

— Шнобби...

— А еще он явно выпимши. Мы можем привлечь его за неподобающий вид и нахождение мертвым в общественном месте.

Колон задумчиво поскреб в затылке. Арест трупа, безусловно, имеет определенные плюсы. Но...

— Сдается мне, — произнес он медленно, — что капитан Ваймс сам захочет разобраться с этим делом. Отнеси-ка его пока в штаб-квартиру Стражи.

— А мы сможем потом съесть сосиски? — поинтересовался капрал Шноббс.

Непросто руководить Стражей в Анк-Морпорке — величайшем из городов Плоского мира¹.

«Вероятно, существуют и другие миры, — размышлял капитан Ваймс в самые сумрачные мо-

¹ Примечание автора: Который имеет форму диска и перемещается сквозь пространство на спине огромной черепахи, так что почему бы и нет...

менты своей жизни, — в которых нет ни волшебников (превративших загадки запертых комнат в обыденность), ни зомби (очень странно расследовать убийство, в котором жертва оказывается главным свидетелем) и где ночами по улицам не шляются говорящие собаки».

Капитан Ваймс верил в логику почти так же, как житель пустыни верит в лед — то есть как в нечто чрезвычайно необходимое, но совершенно невозможное для здешних мест.

«Хоть бы раз, — подумал он, — распутать что-нибудь по-настоящему стоящее».

При виде посиневшего трупа, лежавшего на столе, его сердце забилось чаще. Улики! Никогда ему еще не доводилось видеть столько улик!

— Вряд ли его убил грабитель, капитан, — сказал сержант Колон. — Карманы были битком набиты деньгами. Целых одиннадцать долларов.

— Не сказал бы, что это «битком», — заметил капитан Ваймс.

— Там одни пенни да полупенни, сэр. Удивительно, как у него штаны не лопнули. А еще я ловко установил, сэр, что он был балаганщиком. В карманах обнаружено несколько карточек, сэр: «Чес Колотило, детский затейник».

— Наверняка никто ничего не видел? — осведомился Ваймс.

— Видите ли, сэр, — любезно ответил сержант Колон, — на поиски свидетелей я послал юного капрала Моркоу.

— Ты поручил капралу Моркоу расследовать убийство? В одиночку? — изумился Ваймс.

Сержант поскреб в затылке.

— Так точно, сэр. Я сказал, что он должен попробовать отыскать свидетеля, сэр. А он спросил меня: не знаю ли я кого-нибудь старого и тяжело больного?

В волшебном Плоском мире всегда гарантированно найдется свидетель любого убийства. Такова уж его работа.

Капрал Моркоу, самый молодой офицер Стражи, всегда поражал людей своей простотой. Таков уж он был. Удивительная его простота была сродни простоте меча или, например, засады. Кроме того, он являлся, вероятно, самым прямолинейным мыслителем за всю историю Вселенной.

Он терпеливо ждал у постели старика, развлекая его своим обществом, пока не наступила пора получить причитающееся за это вознаграждение. Моркоу раскрыл лежавшую наготове записную книжку.

— Я знаю, что вы что-то видели, сэр, — сказал он. — Поскольку вы там были.

— В ОБЩЕМ, ДА, — ответил Смерть. — Я БЫЛ ТАМ, ГДЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ, КАК ТЫ ПОНИМАЕШЬ. НО ВСЕ РАВНО, ЭТО КАК-ТО СТРАННО.

— Видите ли, сэр, — продолжил капрал Моркоу, — насколько я разбираюсь в законах, вы являетесь соучастником по факту смерти. Или, может, перед фактом.

— МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, Я И ЕСТЬ САМ ФАКТ.

— А я служу Закону, — напомнил капрал Моркоу. — Во всем нужна законность, понимаете?

— ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ Я... ХМ... СТАЛ СТУЧАТЬ КАК БАРАБАН? ЗАПЕЛ КАК ГОЛУБОК? ВЛОМИЛ СО ВСЕМИ ПОТРОХАМИ? НУ УЖ НЕТ. НИКТО НЕ УБИВАЛ ГОСПОДИНА ДРЕМУ. НИЧЕМ НЕ МОГУ ПОМОЧЬ.

— Ну не знаю, сэр, — ответил Моркоу. — Кажется, вы уже помогли.

— ПРОКЛЯТЬЕ!

Смерть посмотрел вслед Моркоу, который, пригнув голову, уже спускался вниз по узкой лестнице лачуги.

— ТАК, О ЧЕМ ЭТО Я...

— Прошу прощения, — раздался голос морщинистого старика, лежавшего на кровати. — Так уж случилось, что мне 107 лет. Я не смогу ждать весь день.

— АХ ДА. ТОЧНО.

Смерть подточил косу. Еще никогда ему не доводилось помогать Страже в расследовании. Впрочем, каждый должен выполнять свою работу...

Капрал Моркоу неспешно прогуливался по городу. У него появилась Гипотеза.

Когда-то он читал книгу о том, как создаются гипотезы. Достаточно сложить все улики, и она родится сама. Главное, чтобы все подошло идеально.

Итак, в числе улик имелись сосиски. Сосиски должен был кто-то купить.

А еще было много пенсов. Как правило, лишь один подвид человеческой расы расплачивается мелочью.

По дороге он зашел к колбаснику. Обнаружив там стайку детей, он немного поболтал с ними.

Затем он неторопливо вернулся в переулок — к месту преступления, где капрал Шноббс обвел мелом очертания трупа на мостовой (а потом раскрасил силуэт и пририсовал к нему трубку, трость и несколько деревьев и кустов на заднем плане — заработав тем самым семь пенсов, брошенных прохожими в его служебный шлем). С интересом посмотрев на кучу мусора в конце переулка, Моркоу присел на дырявую бочку.

— Ну ладно... выходите уже, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Я и не знал, что в этом мире остались номы.

Мусор зашуршал. Наконец, вышли они — маленький сгорбленный человечек в красной шляпе и с крючковатым носом, маленькая женщина в домашнем чепце с еще более маленьким грудным ребенком, маленький полисмен, собачка в жабо и очень маленький аллигатор.

Капрал Моркоу сел поудобнее и приготовился слушать.

— Нам пришлось, — сказал маленький человечек удивительно низким голосом. — Он часто нас бил. Даже аллигатора. Ничего не хотел знать, только лупил всех подряд палкой. Каждый вечер он забирал все деньги, которые кидали песику Тоби, и напивался. А когда мы попытались сбе-

жать, он догнал нас в переулке, набросился на Джуди с ее малышом, потом упал и...

— Кто ударил первым? — перебил Моркоу.

— Все сразу!

— Но не очень сильно, — заметил Моркоу. — Вы слишком маленькие и не могли его убить. У меня есть на этот счет убедительное доказательство, поскольку я вернулся и осмотрел тело еще раз. Он задохнулся до смерти. Вот этим. — Моркоу показал маленький кожаный диск. — Что это такое?

— Это сипелка, — ответил маленький полисмен. — Для искажения голоса. Он говорил, что наши недостаточно смешные.

— «Вот как надо это делать!» — противно пропищала Джуди и сердито сплюнула.

— Эта штука застряла у него в горле, — объяснил Моркоу. — Советую вам бежать из города и как можно скорее.

— Мы подумывали основать актерскую артель, — сказал главный ном. — Ну, там... экспериментальная драма, уличный театр и всякое такое.

— Формально это можно считать нападением, — перебил Моркоу. — Но, честно говоря, я не вижу смысла в вашем аресте.

— Мы хотели доносить искусство театра до зрителей. Таким, каким оно должно быть. Без избиений друг друга палками и скармливания младенцев крокодилам...

— Так вы ради детей старались? — удивился Моркоу.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

— Он сказал, что это новое веяние. Что только так можно зацепить публику.

Моркоу встал и кинул сипелку в мусор.

— Люди такого никогда не потерпят, — строго сказал он. — Подобные развлечения им не нужны.

МОРЕ И РЫБКИ

«Легенды», ред. Роберт Сильверберг,
изд-во HarperCollins Publishers, Нью-Йорк, 1998 г.

Короткие рассказы, как я уже говорил, выпиваются из меня литры крови. Я завидую людям, которые умеют писать их с легкостью, хотя бы видимой. Всего я написал их, кажется, не больше пятнадцати.

Однако рассказ «Море и рыбки» оказался одной из тех редких идей, которые неожиданно легко воплотились в жизнь. И примерно через две недели воплотился Боб Сильверберг с вопросом, смогу ли я предоставить что-нибудь для антологии «Легенды».

Не знаю, что бы случилось, если бы он этого не сделал. Вероятно, рассказ стал бы основой целого романа или, по крайней мере, одной из его сюжетных линий. Первоначально история была на тысячу слов длиннее и содержала еще одну сцену, но Боб счел, что она замедляет ход сюжета. Думаю, он был прав. Однако сцена получилась довольно удачной, поэтому позже она была частично включена в роман «Сарпе Югилум. Хватай за горло!».

Что касается названия, то оно полностью выдуманное, но выглядит отлично. Несколько лет назад по каким-то причинам, которые я уже не могу точно вспомнить, я изобрел «древнюю» поговорку «Большому морю все равно, куда плывут маленькие рыбки» и вложил ее в уста одного из персонажей. Она звучит и мудро, и немного глуповато, поэтому я подумал, что поговорка неплохо подошла бы и для названия какого-нибудь отмеченного премиями рассказа. Что интересно, мои расчеты на это совершенно не оправдались.

Неприятности, как всегда, начались с яблока.

На оттертом добела, безукоризненно чистом столе матушки Ветровоск лежал целый кулек яблок — красных, округлых, блестящих и сочных. Знай яблоки, что ждет их в будущем, они бы тикали подобно бомбам.

— Оставь себе. Старый Гопкрафт разрешил мне брать сколько душе угодно, — сказала нянюшка Ягг. Затем искоса взглянула на сестру в ведьмовстве и добавила: — Очень вкусные! И храниться могут долго, только сморщатся слегка.

— Он правда назвал яблоки в твою честь? — осведомилась матушка.

Каждое ее слово прожигало воздух, словно капли кислоты.

— Из-за моих румяных щечек, — пояснила нянюшка Ягг. — А еще я лечила ему ногу в прошлом году, когда он сверзился с лестницы. И составила припарочку для лысины.

— Не больно-то помогла твоя припарочка, — заметила матушка. — Парик, который он носит, ужасно смотрится на еще живом человеке.

— Он рад, что я проявляю к нему интерес.

Матушка Ветровоск не сводила глаз с кулька. В горах, где лето жаркое, а зима холодная, овощи и фрукты всегда рождаются знатные. Перси Гопкрафт, слывший в здешних краях главным садоводом, был, безусловно, очень увлеченным человеком. Вооружившись кисточкой из верблюжьей шерсти, он с воодушевлением устраивал садовым культурам межполовые забавы.

— У него уже столько заказов на эти яблони! — похвасталась нянюшка Ягг. — Хм... как приятно осознавать, что вскорости тысячи людей попробуют нянюшку Ягг на вкус!

— Тысячей больше, тысячей меньше, — мрачно съязвила матушка Ветровоск.

О необузданной юности нянюшки Ягг слагались легенды, имевшие, правда, строгий возрастной ценз.

— Ну спасибошки тебе, Эсме. — Нянюшка Ягг на секунду пригорюнилась, но тут же ахнула в притворном беспокойстве: — Да ты никак ревнуешь, Эсме? Неужто тебе завидно, что подруга немного погреется в лучах славы?

— Я? Ревную? С чего бы это? Всего лишь яблоки, и только. Было бы о чем переживать!

— Вот и я так думаю. Обычная галантность, чтобы поклониться dame в летах, — кивнула нянюшка. — А у тебя как дела? Рассказывай.

— Нормально.

— А припасла ли ты дров на зиму?

— Почти.

— Вот и славненько, — протянула нянюшка. — Славненько.

Настала долгая пауза. На оконном стекле бабочка, разбуженная не по сезону теплым ветром, отбивала тихую дробь в попытке дотянуться до сентябрьского солнышка.

— А картошку-то, значит... выкопала уже? — продолжила расспросы нянюшка.

— Да.

— Хорошая нынче уродилась картошечка.

— Хорошая.

— А бобы уже засолила?

— Да.

— Небось ждешь не дождешься Испытаний на следующей неделе?

— Да.

— Небось готовишься?

— Нет.

Нянюшке показалось, что, несмотря на солнечный свет, по углам комнаты сгостились тени. Сам воздух стал темнее. Известное дело — хижина ведьмы чувствительна к настроению хозяйки. Но нянюшку было уже не удержать. Дураки несутся вперед сломя голову, но даже они сущие черепахи по сравнению с маленькими старушками, которым уже нечего терять.

— Придешь ко мне на ужин в воскресенье?

— А что будет?

— Свинина.

— В яблочном соусе?

— Да.

— Не приду, — кратко ответила матушка.

За спиной нянюшки раздался скрип, и дверь распахнулась настежь. Простой человек, чуждый ведьмовства, запросто объяснил бы: мол, ветер, конечно, что же еще? И нянюшка Ягг легко бы с ним согласилась, но спросила: а откуда взялся этот ветер и как он ухитрился поднять задвижку?

— Ой, кажется, я засиделась! — сказала она, проворно поднявшись. — А ведь в это время года дел невпроворот!

— Точно.

— Пойду, пожалуй.

— До свиданья.

Ветер с грохотом захлопнул дверь за ее спиной, и нянюшка поспешила вниз по тропинке.

Ей пришло в голову, что, возможно, она зашла чуть дальше, чем следовало. Но лишь чуть-чуть.

Недостаток бытия ведьмы — по крайней мере, в глазах некоторых людей — заключается в том, что им приходится селиться где-нибудь в сельской глухомани. Но нянюшку такая жизнь более чем устраивала. Здесь имелось все, в чем она нуждалась. Здесь было все, что она когда-либо могла желать, хотя в молодости, бывало, у нее иссякал запас мужчин. Побывать в дальних краях, конечно, было занятно, но если вдуматься — что в них интересного? Незнакомые напитки и диковинная еда — безусловно, очень любопытны, но разок попробовал, и все. В дальние края отправляются по делам, но возвращаться нужно туда, где тебе все знакомо. В свой настоящий дом. Нянюшка Ягг питала слабость к тихим mestечкам.

Конечно, размышляла она, пересекая лужайку, у нее нет такого вида из окна, как у матушки

Ветровоск. Нянюшка жила внизу, в городке, в то время как матушка могла лицезреть лес, бескрайние равнины и огромный круглый горизонт Плоского мира.

«От такого вида, — рассуждала нянюшка, — можно запросто сойти с ума».

Ей говорили, что мир круглый и плоский, что было вполне логично. Но в то, что он летит сквозь пространство на спине четырех слонов, стоящих на панцире огромной черепахи, она не очень верила. Впрочем, против такого устройства вселенной она отнюдь не возражала, пока все это происходит где-то Там, Далеко, за пределами ее личного мирка в десять миль в поперечнике. Не касавшиеся ее вещи нянюшку Яgg не интересовали.

А вот Эсме Ветровоск нуждалась в большем, чем могло вместить это маленькое королевство. Она была ведьмой совсем другого сорта.

Поэтому нянюшка считала своей обязанностью не давать матушке Ветровоск закиснуть. Выходка с яблоками, по сути, мелочь, жалкое ехидство, но уж если на то пошло, Эсме беспременно требовалось нечто такое, чтобы каждый день ощущать полноту жизни. И если это нечто — ревность и досада, то так тому и быть. Теперь матушка обязательно придумает маленькую месть, какое-нибудь ничтожное унижение, о котором будут знать только они двое, — и тем утешится. Нянюшке было вполне по силам справиться с плохим настроением подруги, но если той станет скучно — пиши пропало. Скучающая ведьма способна на все.

Выражение «каждый развлекается, как может» звучит так, словно содержит некую мораль-

ную ценность. Возможно, так и есть, но вы бы вряд ли захотели оказаться рядом со скучающей ведьмой, которая решила себя развлечь. Потому что ведьмам частенько свойственно очень странное представление о веселье. А Эсме, без сомнения, была самой могущественной ведьмой из всех, что видели эти горы на протяжении многих поколений.

Впрочем, близились Испытания, а это значило, что несколько недель Эсме Ветровоск будет чем заняться. Она бросалась на всякий вызов, как форель на муху.

Да и нянюшка Яgg с нетерпением ждала Испытаний Ведьм. Целый день веселья, ну а вечером, конечно, большой костер. Слыханное ли дело — Испытания Ведьм без доброго заключительного костра? Даже представить такое странно.

Ну а потом можно запечь картошечку в золе.

День плавился в сумерках. Из всех углов, из-под табуреток и столов выползали тени, сбиваясь в кучу.

Матушка мерно покачивалась в кресле, закутавшись во тьму. Она о чем-то напряженно размышляла.

Поленья в камине прогорели и превратились в тлеющие угольки, гаснущие один за другим.

Ночь сгущалась.

Тишину хижины нарушали лишь старые часы, мерно тикающие на каминной полке.

Затем послышался слабый шорох. Бумажный пакет на столе зашевелился и стал сморщиваться, словно сдувающийся воздушный шарик. Медлен-

но-медленно неподвижный воздух наполнился тяжелым запахом гнили.

Чуть погодя из кулька вылез первый червяк.

Нянюшка Яgg вернулась домой и уже наполняла кружку пивом, когда в дверь постучали. Со вздохом поставив кувшин, она пошла открывать.

— Ого! Добрый вечер, дамы. Какими судьбами в наших краях? Тем более в такую холодину?

Нянюшка попятилась в комнату, впустив в дом сразу трех ведьм. Все были одеты в черные мантии и остроконечные шляпы — традиционные атрибуты ремесла, но парадоксальным образом именно они делали каждую из ведьм особенной. Нет ничего лучше одинаковой спецодежды, позволяющей выразить свою индивидуальность. Тут приспустим, там подошьем — вроде мелкие штришки, но как громко они кричат при общей, скажем так, одинаковости.

К примеру, шляпа мамаши Бивис отличалась очень плоскими полями и такой острой верхушкой, что ею запросто можно было прочистить ухо. Нянюшке нравилась мамаша Бивис. Может, она и былашибко грамотная — ученость, бывало, из нее так и перла, — но, по крайней мере, нюхала табак и сама чинила башмаки, что в узком мировоззрении нянюшки Яgg являлось вернейшими признаками Порядочного Человека.

В одежде старой мамаши Дипбаж наблюдался полнейший бедлам — как у человека, чья сетчатка внутреннего ока отслоилась настолько, что он живет теперь в разных эпохах одновременно. Спутанность сознания — весьма опасная штука

даже для обычных умов, но гораздо хуже, если ум сей тяготеет к сверхъестественному. Оставалось только надеяться, что нижнее белье поверх мантии — это лишь признак рассеянности.

В последнее время старушка совсем сдала, с грустью подумала нянюшка. Стук в дверь иногда раздавался за несколько часов до прихода мамаши Дипбаж, а ее следы на дорожке обнаруживались лишь через несколько дней.

При виде третьей ведьмы сердце нянюшки без спросу провалилось в пятки, но вовсе не оттого, что Летиция Увертка была дурной женщиной. Во все наоборот, она слыла дамой порядочной, благонамеренной и доброй — хотя бы по отношению к неагрессивным животным и чистеньkim детям. А еще она охотно помогала другим. Беда, однако, в том, что Летиция руководствовалась лишь своими представлениями о благе, игнорируя желания тех, кому оказывала помочь. В итоге добрая услуга часто превращалась в медвежью.

А еще она была замужем. Нянюшка ничего не имела против замужних ведьм. На этот счет не существовало строгих правил. У нянюшки и самой было множество мужей, в том числе три — официально. Однако господин Увертка был отставным волшебником, причем подозрительно богатым, и нянюшка всерьез подозревала, что Летиция подалась в ведьмы, лишь бы хоть чем-то себя занять — как иные дамы определенного достатка вышивают подушечки для преклонения колен в церкви или навещают бедных.

Словом, золотишко у нее водилось. А поскольку у нянюшки денег сроду не было, она не очень

любила тех, у кого их было много. Вдобавок Летиция носила черную бархатную мантию настолько изумительного качества, что она казалась вырезанной в пространстве дырой. Нянюшка, разумеется, подобной мантии не носила. У нее не было прекрасной бархатной одежды, и она вовсе не стремилась ею владеть. Оттого и недоумевала, отчего такой одеждой должны владеть другие.

— Добрый вечер, Гита. Как ты поживаешь? — осведомилась мамаша Бивис.

Нянюшка неохотно вынула изо рта курительную трубку.

— Спасибо, в добром здравии. Да вы заходите, заходите.

— До чего ужасная погода. Льет как из ведра! — посетовала мамаша Дипбаж.

Нянюшка посмотрела в окно. Небо было морозным, сизо-лиловым. Вероятно, там, где бродили мысли мамаши, сейчас шел дождь.

— Тогда проходи и обсушись немного, — радушно пригласила нянюшка.

— Да осияют счастливые звезды наш сегодняшний шабаш! — провозгласила Летиция.

Нянюшка понимающе кивнула. Летиция иногда изъяснялась так, словно училась ведьмовству по какой-то странноватой книге.

— Не возражаю, — ответила она.

За вежливой болтовней нянюшка готовила чай с пшеничными лепешками. Затем мамаша Бивис тоном, недвусмысленно обозначившим начало официальной части беседы, произнесла:

— Итак, нянюшка, мы прибыли сюда в качестве членов Испытательного комитета.

— Ого. Неужели?

— Полагаю, ты примешь участие?

— О да. Покрасуюсь маленько.

Нянюшка покосилась на Летицию. На губах ведьмы играла улыбка, которая нянюшку не вполне устраивала.

— В этом году Испытания вызвали исключительный интерес, — продолжила мамаша. — С недавних пор к нам стремятся все больше молодых девушек.

— Очевидно, ради успеха среди молодых людей, — неодобрительно фыркнула Летиция.

Нянюшка смолчала. Она всегда считала ведьмин приворот чертовски эффективным способом привлечения мальчиков — в некотором смысле даже фундаментальным.

— Вот и славненько, — сказала она вслух. — Чем больше народу, тем лучше. Но...

— Прошу прощения? — не поняла Летиция.

— Я сказала «но», — пояснила нянюшка, — потому что кто-то ведь должен сказать «но», верно? Мы сейчас поболтаем немного и все равно придем к одному большому «но». Уж я-то знаю.

Она понимала, что грубо нарушает правила этикета. Следовало посвятить светской беседе по меньшей мере еще семь минут, прежде чем брать быка за рога, однако присутствие Летиции действовало ей на нервы.

— Проблема в Эсме Ветровоск, — призналась мамаша Бивис.

— Ну? — откликнулась нянюшка, нисколько не удивившись.

— Она небось опять заявится на Испытания?

— Не припомню, чтоб хоть раз она их пропустила.

Летиция вздохнула.

— Полагаю... ты могла бы, ну... отговорить ее от участия в этом году? — осторожно предложила она.

Нянюшка встрепенулась.

— Это как, топором, что ли? — изумилась она.

Три ведьмы одновременно выпрямились на стульях.

— Видишь ли... — проговорила мамаша Бивис, несколько смутившись.

— Скажу честно, госпожа Яgg, — вмешалась Летиция, — очень трудно уговорить других участвовать в Испытаниях, если соревноваться приходится с матушкой Ветровоск. Она всегда выигрывает.

— Конечно, выигрывает, — согласилась нянюшка. — На то оно и состязание.

— Но она выигрывает всегда!

— И что?

— Но в других видах состязаний, — поджала губы Летиция, — побеждать кому-то одному позволено лишь три года подряд. Потом его сажают на скамейку запасных, чтобы дать дорогу другим.

— Да, но это же ведьмовство, — напомнила нянюшка. — Суть наших правил в другом.

— И в чем же?

— В том, что их нет.

Летиция одернула юбку.

— Возможно, настало время их придумать, — сказала она.

— Ага, — протянула нянюшка. — Значит, вы собираетесь пойти и сообщить об этом Эсме? Ты готова к этому, Бивис?

Мамаша Бивис отвела взгляд. Старушка Дипбаж стала пристально всматриваться куда-то в прошлую неделю.

— Как я понимаю, госпожа Ветровоск очень гордая женщина, — молвила Летиция.

Нянюшка Ягг пыхнула курительной трубкой.

— Это все равно что сказать «в море полно воды», — заметила она.

Ведьмы погрузились в молчание.

— Осмелюсь заметить, это была весьма ценная реплика, — нарушила Летиция. — Но я ничего не поняла.

— Если в море нет воды, значит, это уже не море, — пояснила нянюшка Ягг. — Это просто чертовски огромная яма в земле. А с Эсме штука в том, что... — нянюшка еще раз шумно затянулась трубкой, — она и есть сама гордыня, понимаешь? А не просто гордый человек.

— Тогда, возможно, ей следует научиться быть чуточку скромнее?

— С чего бы ей скромничать? — вскинулась нянюшка.

Но Летиция, как многие другие внешне зефирные люди, обладала твердым нестигааемым стержнем.

— У этой женщины явный природный дар, и ей следовало бы возблагодарить...

Тут нянюшка Ягг перестала слушать.

У «этой женщины». Вот, значит, как. Подобное случается почти в любой профессии. Рано

или поздно находятся «умники», которые решают все организовать. Причем, будьте уверены, организаторами станут не те, кто, по всеобщему признанию, достиг вершин мастерства — такие постоянно вкалывают, и им, как правило, никогда. Но и не самые худшие, откровенно говоря. Тем тоже приходится усердно работать.

Нет, организаторами выступают те, у кого полно свободного времени и врожденная склонность к суетливой беготне. Впрочем (опять-таки если не кривить душой), мир нуждается в тех, кому нравится бегать и суетиться. Но испытывать к ним симпатию? Нет уж, покорнейше благодарю...

Внезапно наступившая тишина подсказала нянюшке, что Летиция закончила.

— В самом деле? — проговорила нянюшка. — А вот взять, к примеру, меня. Уж я-то действительно даровита от природы. У нас, Яггов, ведьмовство в крови. Колдунство для меня — раз плюнуть. Эсме — совсем другое дело. У нее есть дар, это правда, но вовсе не такой великий. Просто она умеет трудиться, да и упорная, как демон. И вы собираетесь пойти к ней и сказать: «Завязывай с этим, дорогуша»?

— Вообще-то мы надеялись, что это сделаешь ты, — молвила Летиция.

Нянюшка открыла было рот, чтобы с чувством выпустить на волю пару-тройку страшных ругательств, но передумала.

— А знаете что, — сказала она. — Завтра вы пойдете и скажете ей об этом сами, а я попробую сделать так, чтобы никто из вас серьезно не пострадал.

* * *

Когда ведьмы показались на дорожке, матушка Ветровоск собирала Травы.

Обыденные травы кухонь и больничных палат носят в названии слово «обыкновенные». Среди матушкиных трав обыкновенных не водилось. Только «сложноцветы труднопостижимые» и другие, не менее редкие виды. И никаким священнодействием с красивой корзиночкой и изящными ножницами здесь не пахло. Матушка орудовала огромным кухонным ножом. И табуреткой, исполняющей роль щита. Кожаная шляпа, перчатки и фартук составляли вторую линию обороны.

Удивительно, но даже она не знала, откуда происходят некоторые травы. Корешки и семена она приобретала со всех концов Плоского мира, а может, и из мест куда более отдаленных. Иные цветы поворачивали бутоны, когда кто-то проходил мимо, другие плевали шипами в пролетающих мимо птиц, а третьи приходилось привязывать к кольям, но вовсе не затем, чтобы они не упали, а чтобы на следующий день увидеть их на прежнем месте.

Нянюшка Яgg, никогда не утруждавшая себя выращиванием трав, которые нельзя было курить или, положим, кидать в куриный бульон, услышала, как матушка цедит сквозь зубы: «Ужо я вас, паршивцы...»

— Доброе утро, девица Ветровоск! — громко поздоровалась Летиция Увертка.

Матушка Ветровоск застыла, затем очень осторожно поставила табурет на землю и обернулась.

— Я матушка, — буркнула она.

— Не важно, — отмахнулась Летиция и бодро продолжила: — Надеюсь, у тебя все хорошо?

— Было до этой минуты, — ответила матушка, вяло кивнув трем прочим ведьмам.

Наступила гулкая тишина, от которой сердце нянюшки Яgg тревожно застучало. Согласно неописанным правилам, матушка Ветровоск должна была пригласить их на чашечку чая или еще чего-нибудь. Ужасно дурной тон вынуждать гостей стоять на пороге. Но не настолько дурной, как назвать пожилую незамужнюю ведьму «девицей».

— Вы пришли поговорить об Испытаниях, — произнесла матушка.

Летиция чуть не грохнулась в обморок.

— Э-э... А почему ты...

— Потому что ты выглядишь как член комитета. Тут и раздумывать нечего, — отрезала матушка, стянув перчатки. — А ведь раньше никаких комитетов не требовалось. Один служ, и вот мы тут как тут. А теперь — здрасте пожалуйста! — нужно все организовывать. — На мгновение взгляд матушки отразил жесточайшую внутреннюю борьбу. Наконец, она бросила подчеркнуто небрежным тоном: — Чайник греется. Заходите, раз пришли.

Нянюшка с облегчением выдохнула. В конце концов, существуют обычаи, которым не в силах противиться и матушка Ветровоск. Даже если к вам пришел злейший враг, вы обязаны пригласить его в гости и напоить чаем с печеньками. Собственно, чем злее враги, тем дороже должна быть чайная посуда и вкуснее — печенье. Мож-

но пожелать им мучительного ада позже, но пока они под твоей крышей, ты обязан кормить их, как на убой.

Темные маленькие глазки нянюшки приметили, что кухонный стол намедни тщательно отмывали.

После того как наполнились чашки и состоялся обмен любезностями (точнее, любезности расточала Летиция, а матушка их молча принимала), самоизбранная председательница комитета поерзала на стуле и сказала:

— В этом году Испытания вызвали большой интерес, дев... матушка Ветровоск.

— Хорошо.

— Похоже, ведьмовство в Овцепиках переживает своего рода ренессанс.

— Хм... Ренессанс? Надеюсь, это не опасно?

— Испытания дают отличную возможность юным девам проявить себя, и...

Нянюшка зневала многих людей, способных срезать собеседника острым словом. Но матушка Ветровоск умела убийственно внимать. Она могла превратить сказанное в глупость, всего лишь выслушав.

— Хорошая у тебя шляпа, — сказала матушка. — Это бархат, не так ли? Явно нездешняя работа.

Летиция коснулась полей своей шляпы и настужливо рассмеялась.

— Шляпа от Куччи. Из Анк-Морпорка, — ответила она.

— Ух ты! В магазине купила?

Нянюшка Ягг покосилась в угол комнаты, где на подставке стоял потрепанный деревянный

конус. К нему были пришпилены ивовые прутья и куски черного коленкора — основа будущей весенней шляпы матушки.

— Сделано на заказ, — ответила Летиция.

— Шляпные булавки даже есть, — продолжила матушка. — Все эти кошачьи фигурки, полумесцы — прелесть, да и только...

— А ведь у тебя тоже есть брошко-полумесяц, верно, Эсме? — решила сделать предупредительный выстрел нянюшка Ягг.

Когда на матушку накатывало ядовитое настроение, она могла много чего наговорить ведьмам, обвшанным украшениями.

— Верно, Гита. У меня есть брошь в форме полумесяца. Отличная, знаешь ли, форма. Для закалывания плаща удобнее полумесяца ничего и не придумать. Но я не имела в виду ничего обидного. Во всяком случае, ты прервала меня в тот момент, когда я хотела похвалить госпожу Увертку за исключительно удачный подбор булавок. В них она смотрится почти как настоящая ведьма.

Нянюшка, вертевшаяся, как зритель на теннисном матче, бросила взгляд на Летицию, чтобы проверить, достигла ли смертоносная шпилька цели? Но, к огромному ее удивлению, женщина улыбалась. Есть все-таки люди, которые неспособны заметить очевидное даже на бойке десигнатифунтового молота.

— Кстати, о ведьмовстве... — сказала Летиция, с мастерством прирожденной председательницы переводя разговор в нужное ей русло. — Я решила, что должна обсудить с тобой вопрос твоего участия в Испытаниях.

— Неужели?

— Тебе... хм... не кажется несправедливым по отношению к другим ведьмам, что год за годом победа достается тебе?

Матушка Ветровоск посмотрела сначала на пол, затем на потолок.

— Не кажется, — ответила она наконец. — Потому что я лучше всех.

— Тебе не кажется, что это немного огорчает других участниц?

И вновь поиск ответа от пола до потолка.

— Нет.

— Но, вступая в состязания, они заранее уверены, что обречены на провал.

— Как и я.

— Но... разве ты...

— Ты не поняла. Я тоже вступаю в состязания, будучи уверенной, что им не победить, — сухо ответила матушка. — А они должны браться за дело с уверенностью, что победы не видать мне. Неудивительно, что они постоянно проигрывают — с таким-то настроем.

— Твое присутствие их несколько расхолаживает.

Матушка посмотрела на Летицию с удивлением.

— А что плохого в том, что они борются за второе место? — осведомилась она.

Летиция азартно бросилась в атаку.

— Мы надеялись убедить тебя, Эсме, согласиться на почетную должность. Ты сможешь произнести небольшую вдохновляющую речь, вручить награды и, возможно... хм... войти в состав судейства.

— Там будет судейство? — удивилась матушка. — Но у нас никогда не было судей. Обычно все и так видели, кто побеждает.

— Это верно, — подтвердила нянюшка, вспомнив, чем раз или два завершились Испытания. Матушка Ветровоск всегда побеждала, хм... крайне убедительно. — Истинная правда.

— Это может стать очень красивым жестом, — продолжала Летиция.

— А кто решил, что должны быть судьи? — поинтересовалась матушка.

— Э-э... комитет... то есть... ну... нас собрались несколько человек. Для того, чтобы управлять процессом...

— Понятненько, — сказала матушка. — Значит, и флагги будут?

— В смысле?

— Вы там все завесите гирляндами из маленьких флажков? Небось еще и яблоки на палочках станете продавать?

— Какие-то украшения должны быть...

— Правильно. Костер-то хоть будет, я надеюсь?

— Конечно. Изящный и вполне безопасный.

— Ну конечно. Все пройдет миленько и безопасненько, — сказала матушка.

Госпожа Увертка выдохнула с заметным облегчением.

— Ну вот, все и уладилось, — сказала она.

— Правда?

— Мне показалось, что мы договорились...

— Неужели? Серьезно? — Матушка взяла кочергу и яростно потыкала ею в горящие дрова. — Я над этим поразмыслю.

— Матушка Ветровоск, можно я скажу откровенно? — спросила вдруг Летиция.

Кочерга замерла на полпути.

— Ну?

— Времена меняются, ты ведь знаешь. Кажется, я поняла, почему ты считаешь нужным обращаться с другими заносчиво и грубо. Однако я разговариваю с тобой как с подругой. Поверь, тебе весьма полегчает, если ты смягчишься и станешь чуть более милой — как наша сестра Гита, например.

Улыбка нянюшки Яgg превратилась в каменную маску, но Летиция будто ничего не замечала.

— Похоже, все ведьмы на пятьдесят миль в округе трепещут перед тобой, — продолжила она. — Осмелюсь заметить, ты действительно обладаешь кое-какими впечатляющими навыками, но чтобы быть ведьмой в наше время, необязательно слыть старой брюзгой и страшать людей. Я говорю это совершенно по-дружески...

— Будете уходить, закройте за собой дверь, — перебила матушка.

Намек был ясен. Нянюшка Яgg поспешила подняться.

— Полагаю, мы могли бы обсудить... — запротестовала Летиция.

— Я провожу вас до дорожки, — поспешила проговорила нянюшка, выволакивая трех ведьм из-за стола.

— Гита! — раздался вдруг голос матушки, когда вся компания подошла к двери.

— Что, Эсме?

— Проводишь их и вернешься.

— Да, Эсме.

И нянюшка побежала догонять троицу, шестивавшую по тропинке.

Походку Летиции нянюшка определила для себя как «нарочитую». Было бы неправильно судить о ней по отвисшим щекам, не в меру встрепанным волосам и глупой привычке размахивать руками во время беседы. Так или иначе, но она ведьма. А стоит поскрести любую ведьму, как ты увидишь... ведьму, которую поскреб на свою беду.

— Крайне неприятная особа, — проворковала Летиция. Но это было воркование крупной хищной птицы.

— Тут ты, конечно, права, — сказала нянюшка. — Хотя...

— Давно пора сбить с нее спесь!

— Ну-у...

— Она ужасно с тобой обращается, госпожа Яgg. С замужней женщиной преклонных лет!

На миг глаза нянюшки сузились.

— Такой уж у нее характер, — сказала она.

— Довольно отвратительный и склонный характер!

— Ну да, — откликнулась нянюшка. — Характеры бывают разные. Но видишь ли...

— Гита, подкинешь что-нибудь для праздничного стола? — быстро вмешалась мамаша Бивис.

— Пожалуй, пожертвую пару бутылочек, — ответила нянюшка. Гнев ее несколько поутих.

— О, домашнее винцо? — обрадовалась Летиция. — Как славно!

— Да, что-то вроде вина. Кстати, вот и дорожка, — сказала нянюшка. — А я пока... вернусь и пожелаю ей спокойной ночи...

— Прискорбно видеть, как ты пляшешь под ее дудку, — поджала губы Летиция. — Это униизительно.

— Да. Наверное. Но что поделать — такая уж я привязчивая. Доброй ночи.

Вернувшись в домик матушки Ветровоск, нянюшка застала ее стоящей посреди кухни с руками, скрещенными на груди, и выражением лица, напоминавшим о незаправленной кровати. Одна нога выбивала на полу дробь.

— Она выскочила замуж за волшебника, — фыркнула матушка, едва подруга переступила порог. — Только не говори мне, что в этом нет ничего такого.

— Волшебники имеют право жениться, ты же знаешь. Достаточно сдать посох и остроконечную шляпу. Нет такого закона, который запрещал бы им женитьбу, если они отказались от колдовства. Иначе считается, что они женаты на своей работе.

— Думаю, быть женатым на ней — та еще работенка, — кисло ухмыльнулась матушка.

— Много ли нынче намариновала? — поинтересовалась нянюшка, сменив тему.

Выражение лица матушки навело ее на мысли об уксусе.

— Весь лук пожрала мушка.

— Какое несчастье! Ты ведь так любишь лук.

— Даже мушкам нужно питаться, — философски заметила матушка, после чего сердито

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

посмотрела на дверь. — «Станешь чуть более милой», — недовольно процитировала она.

— В ее нужнике на крышке висит вязаный чехол, — поведала нянюшка.

— Розовый?

— Ага.

— Миленько.

— Не такая уж она плохая, — продолжила нянюшка. — Отлично работает в Скрипачном Локте. Люди о ней хорошо отзываются.

Матушка фыркнула.

— А обо мне как отзываются? — спросила она.

— О тебе отзываются полушепотом, Эсме.

— Хорошо. Ты видела ее шляпные булавки?

— Они мне показались... довольно милыми, Эсме.

— Вот до чего докатились современные ведьмы! Тонны побрякушек и никаких панталон.

Нянюшка, считавшая и то, и другое личным делом каждого, попыталась соорудить дамбу против нарастающей волны матушкиного гнева:

— На самом деле ты можешь гордиться тем, что тебя не хотят допускать до Испытаний.

— Какая радость!

Нянюшка вздохнула.

— Иногда не стоит чураться выглядеть милой, Эсме, — сказала она.

— Знаешь, я никогда не причиняю зла, если не могу совершить добро. Мне ни к чему эти выкрутасы и модные штучки.

Нянюшка вздохнула. Конечно же, она права. Матушка придерживалась старомодных традиций. Она не делала людям добра, она поступала

с ними правильно. Но нянюшка знала, что люди редко ценят правильность. Взять, к примеру, старика Поллирта, свалившегося намедни с лошади. Он очень хотел обезболивающее, но правильнее было перетерпеть несколько секунд лютой боли, пока матушка вправляла сустав на место. Но беда в том, что в памяти останется только боль.

Гораздо проще ладить с людьми, если умеешь расточать комплименты, делать вид, будто они тебе интересны, и задавать простые вопросы — навроде «Как дела?». Эсме игнорировала условности и не интересовалась, как у кого дела, поскольку и так видела людей насквозь.

Нянюшка Яgg тоже видела их насквозь, но никогда не подавала виду, чтобы они не расстраивались.

Она склонила голову набок. Матушка по-прежнему притопывала ногой.

— Ты что-то задумала, Эсме? Уж я-то тебя знаю. Как и этот взгляд.

— Какой еще взгляд, скажи на милость?

— Точно такой же, какой был у тебя, когда на дереве нашли того бандита. Он был голым, все время плакал и кричал, что за ним гонится ужасная тварь. Забавно, но никаких зверских следов так и не нашли. Вот про какой я взгляд.

— Он еще легко отдался.

— Ага... Что ж... А еще у тебя был точно такой же взгляд ровно перед тем, как старого Свинкса нашли в собственном свинарнике избитым до полусмерти. Ты тогда не хотела говорить об этом.

— Ты имеешь в виду старого Свинкса, который поколачивал жену? Или того Свинкса, который

больше никогда не поднимет руку на женщину? — уточнила матушка.

Губы ее сложились в некоем подобии улыбки.

— А еще такой взгляд у тебя был, когда снежная лавина вдруг скатилась на дом старика Милисона — аккурат после того, как он назвал тебя надоедливой старой кошкой... — напомнила Нянюшка.

Матушка замялась. Нянюшка знала, что последний случай произошел по природным причинам, но уверенно полагала, что матушка догадывается о том, что она об этом знает. Так что гордости в душе Эсме пришлось побороться с честностью...

— Возможно, — уклончиво ответила матушка.

— А знаешь, у кого еще бывает такой взгляд? У того, кто решил пойти на Испытания и... выкинуть там что-нибудь эдакое.

Под гневным взором ее подруги воздух чуть ли не зашипел.

— Ага! Вот, значит, как ты обо мне думаешь? Хорошенькое дельце!

— Летиция считает, что мы обязаны идти в ногу со временем...

— И что? Я и без нее иду в ногу со временем. Мы все идем в ногу со временем, но кто сказал, что его нужно подталкивать? Думаю, тебе пора идти, Гита. Я хочу поразмыслить в одиночестве!

Когда Нянюшка с облегчением спешила домой, она размышляла о том, что матушка Ветровоск ни в коем случае не может послужить рекламным образцом ведьмовства. Да, она одна из лучших в ремесле — тут и думать нечего. В опре-

деленных аспектах, конечно. Но девушка, только-только вступающая в жизнь, вполне может спросить себя: «Вот что это такое? Пашешь как лошадь, отказываешь себе во всем, и что получаешь взамен — кроме тяжелой жизни и самоотречения?»

Матушка не то чтобы была совсем одинокой. Но вместо симпатии люди испытывали к ней скопрее почтение. Сродни тому почтению, которое вызывают, например, грозовые тучи. Они омывают землю. Они совершенно необходимы. Но далеко не милы.

Нянюшка Яgg легла спать в трех байковыхочных рубашках, поскольку колкая стужа уже пронизывала осенний воздух. А еще ее мучила смутная тревога.

Кажется, сегодня было объявлено нечто вроде войны. Разозленная матушка была способна на страшное. И даже тот факт, что кара падала на головы строго тех, кто ее заслуживал, не делал ее менее страшной. Нянюшка была уверена: Эсме замыслила что-то ужасное.

Сама она не любила выигрывать. От привычки побеждать потом трудно избавиться. К тому же победы придают опасный статус, который приходится постоянно защищать и идти по жизни с тяжелым сердцем, то и дело оглядываясь — а вдруг объявитсѧ юная талантливая девчонка, у которой и помело крепче, и с лягушками она обращается ловчее.

Нянюшка беспокойно перевернулась под горой пуховых одеял.

Матушка Ветровоск не признавала вторых мест. Есть только победа и поражение. И нет ничего плохого в том, что ты проиграл, за исключением того факта, что ты не стал победителем. Нянюшка всегда придерживалась тактики достойного проигрыша. Люди любят тех, кто почти выиграл, и охотно угощают их выпивкой. Фраза «Она почти выиграла» звучит лучше, чем «Она почти проиграла».

Занимающие вторые места веселятся охотнее, считала нянюшка.

Но матушке Ветровоск было не до веселья.

Она сидела в своем темном домике и смотрела на догорающий огонь.

Стены комнаты были серыми — такого цвета, который старая штукатурка приобретает не столько от грязи, сколько от времени. Здесь не было ни единой ненужной или бесполезной для хозяйства вещи. Не то что в домике нянюшки Яgg — там каждая плоская поверхность служила подставкой для безделушек или растений в горшочках.

Чего только не дарили нянюшке Яgg! Матушка всегда обзывала ее старьевщицей. По крайней мере, вслух. Какие мысли рождались в укромном прибежище ее головы, она никогда никому не рассказывала.

Но вот погас последний уголек, а матушка Ветровоск все еще покачивалась в своем кресле.

В серый ночной час какие только мысли не лезут в голову. Например, о том, что на твои похороны люди придут только с одной целью: убедиться, что ты действительно мертвa.

На следующий день Перси Гопкрафт открыл заднюю дверь своего дома и чуть не грохнулся в обморок. Прямо на него не мигая смотрели голубые глаза матушки Ветровоск.

— Помилуй меня боги! — вполголоса охнул он.
Матушка деликатно кашлянула.

— Почтенный Гопкрафт, я пришла сюда по поводу яблок, которые ты назвал в честь нянюшки Ягг, — произнесла она.

Коленки Перси задрожали. Парик начал сползать с затылка на пол в надежде обрести спасение.

— Я пришла поблагодарить тебя за ту радость, которую ты ей доставил, — продолжила матушка удивительно приятным голосом, который поразил бы любого, кто знал ее сварливую натуру. — Она много и хорошо трудилась, награда ей досталась вполне заслуженно. Ты так замечательно придумал! Поэтому я принесла тебе маленький подарок...

Гопкрафт аж отпрыгнул назад, когда рука матушки проворно нырнула в карман передника и извлекла оттуда маленькую черную бутылочку.

— Это очень редкая настойка из очень редких трав. Да что там «очень»... Из необыкновенно редких!

В конце концов до Гопкрафта дошло, что он должен взять бутылку. Он очень осторожно обхватил горлышко пальцами, словно в любой момент бутылочка могла свистнуть или отрастить ножки.

— Хм... большое спасибо, — растерянно пробормотал он.

Матушка чопорно кивнула.

— Да будет благословен сей дом, — сказала она и поспешила по тропинке прочь.

Тщательно закрыв дверь, Гопкрафт навалился на нее всем телом для надежности.

— Собирай вещи, быстро! — рявкнул он жене, наблюдавшей за ним из кухни.

— Что? Да здесь вся наша жизнь! Мы не можем просто взять и сбежать!

— Лучше бегать, чем скакать на культиках, глупая женщина! Что ей от меня нужно? Почему она такая милая?

Но госпожа Гопкрафт твердо стояла на своем. Она только что привела дом в порядок, к тому же они купили новый насос. Как все это можно бросить?

— Давай просто успокоимся и подумаем, — предложила она. — А что в бутылке?

Гопкрафт держал подозрительную емкость на расстоянии вытянутой руки.

— Ты правда хочешь это выяснить?

— Прекрати трястись, муж! Она ведь не угрожала нам, верно?

— Она сказала: «Да будет благословен сей дом». Это хуже, чем чертова угроза! Ведь это сказала матушка Ветровоск, а не абы кто!

Он поставил бутылку на стол. Супруги Гопкрафты осторожно разглядывали этикетку, готовые при малейших признаках опасности броситься наутек.

— Здесь написано «Атращикатель валос», — прочитала госпожа Гопкрафт.

— Я на себя это не вылью!

— Но она обязательно поинтересуется результатами. Всегда интересуется.

— Если ты хоть на секунду допускаешь, что я...

— Давай вначале попробуем на собаке...

— Какая славная корова!

Очнувшись от грез, Вильям Беднокур повернулся на табуретке в сторону луга, не прекращая дергать корову за соски.

Над изгородью возвышалась черная остроконечная шляпа. Вильям вздрогнул так, что надоил немного молока себе в левый башмак.

— Наверное, дает немало молока?

— Да, госпожа Ветровоск! — задрожал всем телом Вильям.

— Это прекрасно. И вот что я скажу: пусть доится себе и дальше. Доброго тебе дня!

Остроконечная шляпа поплыла дальше.

Беднокур в ужасе уставился ей вслед. Затем схватил ведро и, оскальзываясь на каждом шагу, побежал в хлев.

— Хламми! — заорал он что есть мочи. — Спускайся сюда, живо!

Сын выглянул с сеновала с вилами в руке.

— В чем дело, пап?

— Немедленно отведи Дафну на рынок, понял?

— Зачем? Она же лучше всех доится, пап!

— Доилась, сынок, доилась! Матушка Ветровоск только что наложила на нее проклятие! Продай ее побыстрее, пока у нее не отвалились рога!

— Что она сказала, пап?

— Она сказала... она сказала... «Пусть доится себе и дальше...» — Беднокур замялся.

— Не очень-то похоже на проклятие, пап, — возразил Хламми. — В смысле... твои проклятия звучат грубее. А это... даже чем-то обнадеживает.

— Но она сказала это... как-то так... даже не знаю...

— Как сказала, пап?

— Как-то... весело, что ли.

— С тобой все в порядке, пап?

— Это было... то, как она сказала... — Бедно-кур умолк. — В общем, неправильно все это! — взорвался он. — Неправильно! Она не имеет права веселиться на людях! Ее никто никогда не видел веселой. А еще... А еще у меня башмак полон молока!

Сегодняшний день нянюшка Ятт решила посвятить тайному самогонному аппарату, надежно скрытому в лесу. Это была наиболее тщательно охраняемая тайна из всех возможных, поскольку о ней в королевстве знали все. А если одну тайну хранит столько людей одновременно, то она сразу становится самой охраняемой тайной. Даже король знал о ней, как и то, что разумнее всего притворяться, будто ему ничего не известно. Это позволяло ему не требовать с нянюшки налогов, а ей не увиливать от таковых. Зато каждый год на Страшество его величество получал бочонок того, что могло быть медом, если бы пчелы не были трезвенницами. А раз все проявляли понимание и никто никого не заставлял платить, то королевство существовало в мире и согласии. Здесь не было нужды насылать на кого-то страшное проклятие.

Самогонный аппарат — прибор не простой, требующий внимания и постоянного снятия пробы. Неудивительно, что нянюшка крепко задремала.

Но в конце концов крики людей, зовущих ее по имени, стали невыносимы.

На полянку, разумеется, никто не сунулся, поскольку это означало бы признать, что тайна аппарата — вовсе не тайна. Поэтому кричавшие упорно бродили по окрестным кустам. Продравшись сквозь заросли, нянюшка была встречена такими притворно-изумленными взглядами, какие сделали бы честь любому любительскому драматическому театру.

— Чего вам надо? — спросила она.

— Ой, госпожа Ятт! А мы как раз гадали, не ты ли тут... гуляешь, — пробормотал Беднокур. В лесном воздухе плыл едкий запах, способный очистить стекло. — Только на тебя и надеемся! Матушка Ветровоск...

— Чего она натворила? — быстро проговорила нянюшка.

— Расскажи ты, господин Гамбукер!

Мужчина, стоявший рядом с Беднокуром, приворно снял шляпу и почтительно прижал ее к груди в позиции «ай-сензор-на-нашу-деревню-напали-бандитос».

— Ну вот, госпожа. Стало быть, копаем мы с сынишкой колодец и тут мимо идет она...

— Матушка Ветровоск?

— Ага. И говорит она, значит, — Гамбукер судорожно сглотнул. — «Ты не найдешь здесь воды, добрый человек. Лучше, говорит, поищи в лощине

у каштана». А мы знай копаем дальше. А воды-то и впрямь нет!

Нянюшка раскурила трубку. Возле самогонного аппарата она не курила — с того самого дня, когда на бочонок, служивший ей сиденьем, упала случайная искра и отправила нянюшку в полет на добрую сотню ярдов вверх. Повезло еще, что рядом стояла раскидистая пихта.

— Ага... Значит, потом вы стали копать в лощине у каштана? — ласково спросила она.

Гамбукер опешил.

— Как можно, госпожа? Мало ли чего она там зарыла!

— А еще она прокляла мою корову! — пожаловался Беднокур.

— Неужто? И что же она сказала?

— Она сказала: «Пусть доится себе и дальше!»

Беднокур осекся. Теперь, когда он повторил это уже много раз...

— Ну у нее был такой странный голос... — добавил он кисло.

— Какой голос?

— Милый!

— Милый?!

— Она даже улыбалась и всякое такое! Да я теперь этого молочка в рот не возьму! Мне жить еще не надоело!

Услышанное нянюшку озадачило.

— Не возьму в толк, в чем проблема...

— Тогда взгляни на собаку Гопкрафта! — воскликнул Беднокур. — С ней она такое створила! Вся семья уже сбилась с ног! Он стрижет, жена точит ножницы, а двое их парнишек

целый день копают ямы, чтобы куда-то девать шерсть!

Терпеливые расспросы нянюшки помогли прояснить ту роль, которую сыграл в этой катастрофе «Атращикатель валос».

— И вы, значит, дали собаке...

— Полбутылки, нянюшка Ягг.

— Несмотря на то что Эсме ясно написала: «Не больше одной чайной ложечки в неделю»? И даже тогда пришлось бы носить штаны попросторней.

— Он сказал, что очень нервничал, нянюшка Ягг. Я это вот к чему: что ж она такое творит-то? Наши жены боятся выпускать детишек на улицу! А ну как она улыбнется и им?

— Ну улыбнется, что ж такого?

— Но ведь она ведьма!

— Я тоже ведьма, и я им улыбаюсь, — напомнила нянюшка Ягг. — А они за мной хвостом таскаются, выпрашивают конфетки.

— Да, но... ты же... То есть... она... в смысле... ты не... Я про то, что...

— Эсме добрая женщина, — отрезала нянюшка, но здравый смысл принудил добавить: — Право, конечно. В лощине наверняка есть вода, и корова будет хорошо доиться. А у Гопкрафта не голова на плечах, а медный чайник, раз он не видит, что написано на этикетке. А кому втемяшилось, будто Эсме Ветровоск способна проклясть ребенка — у того мозгов не больше, чем у дождевого червяка! Она может ругаться с ними весь день напролет — это да, но не проклинать. Матушка до такого ни в жисть не опустится!

— Ну да, ну да, — почти простонал Беднокур. — Но ведь это неправильно, вот что! Она ходит вокруг да около, вся такая милая, а ты на ногах не можешь стоять от страха.

— И прыгать, — мрачно добавил Гамбукер.

— Ну хорошо, я поняла. Попробую разобраться, — сказала нянюшка.

— Нельзя вести себя загадочно, — пробормотал Беднокур. — Это действует на нервы.

— А мы пока присмотрим за твоим апп... — начал было Гамбукер, но тут же согнулся пополам, схватившись за живот.

— Не обращай внимания, у него от расстройства, — пояснил Беднокур, потирая локоть. — Травки собирала, нянюшка Яgg?

— Ага, травки... — ответила нянюшка и поспешила прочь, прокладывая путь среди листвы.

— Значит, я пока притушу огонек, да? — крикнул Беднокур ей вслед.

Когда запыхавшаяся нянюшка Яgg показалась на тропинке, матушка сидела у порога своего дома и копалась в мешке со старой одеждой. Вокруг были разбросаны наряды, давно вышедшие из моды.

А еще она напевала что-то себе под нос. Нянюшка забеспокоилась. Матушка Ветровоск, которую она знала, никогда не одобряла музыку.

В довершение всего матушка улыбнулась, увидев нянюшку, или, по крайней мере, приподняла уголки губ. А это уже по-настоящему тревожный знак. Ведь матушка улыбалась только в одном случае: если с теми, кто это заслуживает, случалось что-нибудь нехорошее.

— О, Гита, как я рада тебя видеть!

— С тобой все в порядке, Эсме?

— В жизни не чувствовала себя лучше, дорогая.

Пение продолжилось.

— Хм... Разбираешь старые тряпки, да? — поинтересовалась нянюшка. — Собралась наконец сшить одеяло?

Матушка Ветровоск твердо верила, что когда-нибудь сошьет лоскутное одеяло. Однако занятие это требует немалого терпения, поэтому за истекшие пятнадцать лет матушке удалось сметать всего три лоскута. Однако, подобно многим другим ведьмам, она продолжала собирать старую одежду. Это было в их обычаях. Ведь старые вещи, как и старые дома, с годами обретают собственные души. Любая ведьма не в силах устоять, если дело касается одежды со следами активной носки.

— Где-то тут было, — пробормотала матушка. — Ага, вот...

Она гордо взмахнула платьем. Преимущественно розового цвета.

— Так и знала, что оно тут! — воскликнула матушка. — Почти ненадеванное. И мне как раз впору.

— Ты собираешься его надеть? — охнула нянюшка.

Острый взгляд ярко-голубых матушкиных глаз обратился на нее. Таким взглядом можно было рубить коленки. Нянюшка вздохнула бы с облегчением, услышав в ответ нечто вроде: «Нет, я собираюсь его съесть, старая ты дура!». Но вместо очевидного ответа подруга расслабилась и немного обеспокоенно сказала:

— Думаешь, мне не подойдет?

Воротник платья был отделан кружевом. Нянюшка судорожно сглотнула.

— Обычно ты носишь черное, — напомнила она. — Даже чаще, чем обычно. Можно сказать, всегда.

— И выгляжу довольно уныло, — решительно заявила матушка. — Пришло время слегка оживить гардеробчик, тебе не кажется?

— Но оно такое... розовое...

Матушка отложила платье в сторону и, к ужасу нянюшки, взяла ее за руку.

— А знаешь, Гита, — серьезно сказала она, — мне кажется, я слишком всерьез увлеклась этими Испытаниями. Веду себя как барбос на сене.

— Сука... — рассеянно обронила нянюшка Яgg.

На секунду глаза матушки вновь превратились в два сапфира.

— Что?

— Э-э... Как сука на сене, — пробормотала нянюшка. — Не барбос.

— Хм... Ну да. Спасибо, что поправила. Ну что ж, подумала я. Не пора ли отойти в сторону — подбодрить, так сказать, молодежь. Должна сказать... я ведь действительно не очень хорошо обращалась с людьми, да?

— Э-э...

— Я попыталась вести себя мило, — продолжила матушка. — Но вышло не совсем удачно. К огромному моему сожалению.

— Тебе никогда не удавалось быть... милой, — согласилась нянюшка.

Матушка грустно улыбнулась. Но как бы ни вглядывалась в улыбку нянюшки, она не смогла

разглядеть ничего, кроме искреннего беспокойства.

— Может, получится со временем. Надо больше тренироваться, — сказала матушка и ласково похлопала нянюшку по руке.

Нянюшка уставилась на руку с таким ужасом, словно ее только что ужалила змея.

— Просто все привыкли к тебе такой... какая ты есть, — выдавила она.

— А знаешь, что я подумала? Пожалуй, сварю на праздник варенье. И наготовлю каких-нибудь кексов, — сказала матушка.

— Э-э... хорошо... — осторожно кивнула нянюшка.

— А нет ли у нас больных, которых нужно навестить?

Нянюшка воззрилась на далекие кроны деревьев. Совсем плохо дело. Она попыталась вспомнить кого-нибудь в округе, кто был достаточно тяжело болен, но не настолько, чтобы не суметь пережить ужас от визита матушки Ветровоск. В том, что касается практической сельской психологии и наиболее жестких оздоровительных процедур, матушке равных не было. Более того, она могла излечивать даже на расстоянии, поскольку многие измученные болезнью души вставали... нет, даже вскакивали с постели и бежали стремглав при одном известии о ее приближении.

— Покамест все здоровы, — дипломатично ответила нянюшка.

— И стариков нет, требующих ухода?

Себя матушка с нянюшкой к пожилым, понятно, не причисляли. В самом деле, что такое де-

вяносто семь лет для ведьмы? Вполне цветущий возраст! Старость — удел других.

— Да вроде все бодры, — ответила нянюшка.

— Может, хотя бы рассказать детям сказки?

Нянюшка кивнула. Матушка уже рассказывала сказки — однажды, когда ее ненадолго посетило подходящее настроение. С точки зрения детей, все сложилось просто замечательно. С открытыми ртами и явным удовольствием они выслушали традиционную древнюю народную легенду. Проблема возникла потом — когда они вернулись домой и спросили у родителей, что такое «выпустить кишкі».

— Я могла бы сидеть в кресле-качалке и рассказывать им сказки, — размечталась матушка. — Это ведь так делается, насколько я помню? А еще я бы сварила для них яблочных тянучек по своему особому рецепту. Вот было бы славно, правда?

Нянюшка снова кивнула, терзаемая ужасными подозрениями. Она вдруг со страхом поняла, что оказалась единственной преградой на пути у этой безудержной лавины милоты.

— Тянучки... — проговорила она. — Вроде тех, что разбивались вдребезги, как стекло, или такие, после которых нашему малышу Пьюси пришлось разжимать рот ложкой?

— Кажется, я поняла, где тогда ошиблась.

— Слушай, Эсме, ты и сахар — вещи несовместные. Помнишь «целодневные» леденцы, которые ты сделала?

— Но они сосались целый день, Гита.

— Ага, а потом нашему Пьюси пришлось выдирать два зуба, чтобы их выковырять. Занимайся лучше соленьями. Соль — это прямо твое.

— Но я должна сделать что-нибудь хорошее, Гита. Не могу же я все время оставаться старой каргой. О, кажется, знаю! Я буду помогать на Испытаниях. Хлопот-то будет изрядно, да?

Нянюшка внутренне усмехнулась. Так вот оно что!

— О да, конечно, — сказала она. — Я уверена, что почтеннейшая Увертка с радостью подскажет тебе, что делать.

«И непременно останется в дураках, — подумала она про себя. — Уж я-то вижу — ты что-то задумала».

— Обязательно с ней поговорю, — заверила матушка. — Я ведь столько всего могу сделать, если увлекусь!

— Обязательно сделаешь, — произнесла нянюшка искренне. — Я прямо это предчувствую.

Матушка опять принялась рыться в мешке.

— Ты ведь тоже придешь, Гита?

— Я-то? — сказала нянюшка. — Уж такое я не пропущу ни за какие ковриjки!

Нянюшка специально встала пораньше. Ей хотелось быть в первых рядах — на случай возможной заварушки.

Конечно, деревья по дороге к месту Испытаний оказались увешаны гирляндами из ярких, раскрашенных в безвкусные цвета флагов.

Флаги показались ей странно знакомыми. По идеи тот, кто берется вырезать треугольнички с помощью ножниц, по определению не может потерпеть фиаско — но кому-то это удалось. А еще флаги явно вырезались из старой оде-

жды. Нянюшка легко это определила: ведь не часто увидишь флаги с воротничками.

На поле, предназначенном для Испытаний, во всю кипела работа: люди устанавливали палатки и прилавки для угощений. Под ногами путались дети. Организационный комитет нерешительно мялся под деревом, поглядывая на розовую фигурку, маячившую наверху очень длинной приставной лестницы.

— Она пришла затемно, — сообщила Летиция, как только нянюшка приблизилась. — Сказала, что не спала всю ночь, вырезая флаги.

— Расскажи ей о кексах, — мрачно подсказала мамаша Бивис.

— Она испекла кексы? — притворно удивилась нянюшка. — Но она же не умеет готовить!

Комитет отошел чуть в сторону. Многие дамы вносили свой вклад в угощения, раздаваемые на Испытаниях. Это была не только давняя традиция, но и своеобразное неформальное состязание. В самом центре ряда накрытых тарелок возвышалось огромное блюдо, доверху заваленное... чем-то неопределенного цвета и формы. Непонятное нечто выглядело так, будто стадо коров объелось изюма, а потом их разом стошило. Это были ух-кексы, доисторические кексы, кексы огромного веса и представительности, которым было явно тесно среди прочих кулинарных изысков.

— Вижу, сноровки ей не занимать, — вяло похвалила кексы нянюшка. — Их кто-нибудь пробовал?

— Ха-ха-ха! — глухо рассмеялась мамаша.

— Небось твердоваты?

— Да ими тролля можно забить до смерти!

— Но она ими так... гордится, — проговорила Летиция. — А еще она принесла... варенье.

Нянюшка увидела большую банку. Заполненную чем-то вроде застывшей лавы.

— Довольно милый... цвет, — прокомментировала нянюшка. — Уже попробовали?

— Мы не смогли вытащить ложку, — мрачно призналась мамаша.

— О, я уверена...

— Туда ее пришлось забивать молотком.

— Что она задумала, госпожа Ягг? Все знают, что она натура обидчивая и мстительная, — сказала Летиция. — Вы с ней подруги, — добавила она тоном скорее обвиняющим, нежели утвердительным.

— Ума не приложу, что у нее на уме, госпожа Увертка.

— Мне казалось, она откажется в этом участвовать.

— Эсме сказала, что хочет подсобить и вдохновить молодежь.

— Она точно что-то замыслила, — уверенно сказала Летиция. — Это специальные кексы — чтобы подорвать мой авторитет.

— Она всегда так стряпает, — возразила нянюшка. — Ну нет у нее таланта к готовке, что тут поделать.

«Смотри-ка ты, “авторитет”... Ишь ты!»

— Она почти закончила развешивать флаги, — предупредила мамаша Бивис. — Скоро потребует новое задание.

— Что ж... Полагаю, можно приставить ее к аттракциону «тяни-на-счастье».

Нянюшка удивленно взорилась на Летицию.

— Ты имеешь в виду огромную бадью с отрубями, в которой ребятишки шарят на удачу, чего вынется?

— Именно.

— И ты поручишь ее матушке Ветровоск?

— Конечно.

— Но у матушки довольно своеобразное чувство юмора, если ты понимаешь, о чем я.

— Доброе утро, мои дорогие!

Матушкин голос нянюшка не перепутала бы ни с чьим другим, поскольку знала его чуть ли не с детства. Но в этот раз в нем опять сквозило что-то странное. Что-то бесконечно милое.

— А мы как раз думаем, не поручить ли тебе бадью с отрубями, девица Ветровоск.

Нянюшка вздрогнула. Но матушка только сказала:

— С радостью займусь, госпожа Увертка. Уж очень хочется поглядеть на детские мордашки, когда они станут вытаскивать оттуда подарочки.

«Да уж и я бы взглянула», — подумала нянюшка.

Когда члены комитета поспешили удалились, нянюшка бочком приблизилась к подружке.

— Зачем тебе это? — спросила она.

— Не понимаю, о чем ты, Гита.

— Я видела, как ты одним взглядом усмиряла жутких тварей, Эсме. А однажды на моих глазах ты поймала единорога. Что ты задумала, скажи на милость?

— Я по-прежнему не понимаю тебя, Гита.

— Ты разозлилась из-за того, что тебя не допустили к Испытаниям, и теперь замышляешь жуткую месть?

Подруги разом посмотрели на поле, которое мало-помалу заполнялось народом. Кто-то ловил свиней в яме с грязью, кто-то штурмовал натертый жиром шест. Любительский оркестр Ланкра пытался исполнить попурри из популярных мелодий — жаль только, что каждый музыкант играл свой любимый мотив. Малышня мутузила друг дружку. День обещал выдаться жарким — возможно, став последним теплым днем в этом году.

Взгляды двух ведьм притягивал огороженный веревками квадрат в центре поля.

— Ты примешь участие в Испытаниях, Гита? — поинтересовалась матушка.

— Ты так и не ответила на мой вопрос!

— На какой именно?

Нянюшка решила оставить попытки проникнуть за запертую дверь.

— Да, я собираюсь попробовать, — сказала она.

— Тогда я очень надеюсь, что ты победишь. С удовольствием поболела бы за тебя, но, боюсь, это будет несправедливо по отношению к другим. Лучше останусь в задних рядах и буду сидеть тихо, как мышь.

Нянюшка решила проявить хитрость. Ее лицо расплылось в широкой розовой улыбке, она толкнула подружку локтем в бок.

— Да ладно тебе, — сказала она. — Уж мне-то можешь сказать! Не хотелось бы пропустить са-

мое интересное. Дай хотя бы знак, когда решишь начать, а?

— На что ты намекаешь, Гита?

— Эсме Ветровоск, иногда мне ужасно хочется влепить тебе хорошую затрещину!

— Ну ты даешь!

Нянюшка Яgg ругалась редко — по крайней мере, стараясь не выходить за рамки тех выражений, которые в Ланкре считались «красочными». Конечно, вид у нее был такой, будто только плохими словами она и разговаривает, изредка делая исключение для хороших, но на самом деле ведьмы очень тщательно следят за языком: мало ли какой фортель выкинут слова, оказавшись за пределами слышимости. Но сейчас она выругалась себе под нос, вызвав небольшой пожар в сухой траве, который, к счастью, быстро погас.

Впрочем, это настроило ее на подходящий для Проклятий лад.

Рассказывают, что когда-то Проклятия обрушивались на живую, дышащую мишень, по крайней мере, на заре Испытаний, но для семейного праздника это оказалось чересчур. Поэтому уже несколько сотен лет Проклятиям подвергается Невезучий Чарли, который, как ни крути, всего лишь болван. А поскольку Проклятия, как правило, направлены на разум проклинаемого, то работа с чучелом представляла определенную проблему, поскольку даже страшная фраза «пусть сгниет твоя солома и отвалится морковка!» не производила особого впечатления на тыкву. Впрочем, баллы начислялись скорее за стиль и изобретательность.

Испытание с Чарли было далеко не решающим. Однако однажды матушка Ветровоск заставила тыкву взорваться, и никто так и не разгадал, каким образом.

В конце дня одна из ведьм станет признанной всеми победительницей — что бы там ни выходило по сумме баллов. Можно было выиграть приз за лучшую остроконечную шляпу или за образцовую выездку метлы, но это все не более чем баловство для развлечения зрителей. Главное в Испытаниях — исполнить Коронный Трюк, к которому ведьма готовится все лето.

По итогам жеребьевки нянюшка оказалась последней — под номером девятнадцать. В этом году среди соревнующихся появилось немало новых ведьм. То тут, то там нянюшке приветственно кивали остроконечные шляпы. Слух о том, что матушка Ветровоск участвовать не будет, распространился мгновенно — ведь ничто не разносится быстрее, чем новости в оккультной среде: им-то ведь не нужны наземные средства передачи.

Ведьмы уживаются друг с другом примерно как кошки. Однако даже кошки порой собираются на нейтральных территориях, где поддерживают нечто вроде мира. Вот и сейчас происходящее на поле напоминало некий медленный и чрезвычайно затейливый танец...

Ведьмы прохаживались кругами, приветливо здоровались и спешили навстречу вновь прибывшим. Простодушному очевидцу могло показаться, что он присутствует на встрече добрых старых подруг. Отчасти так оно и было, но опытным глазом ведьмы нянюшка подмечала, насколько

аккуратно женщины выбирают позиции, оценивают силы соперниц и стреляют в конкуренток взглядами тщательно отмеренной интенсивности и долготы.

А когда очередная ведьма выходила на арену (особенно сравнительно незнакомая), все прочие находили предлог не спускать с нее глаз — желательно как можно незаметней.

Они действительно напоминали кошек. Те также подолгу присматриваются друг к другу и, когда дело доходит до драки, попросту заверяют штампом нечто давно решенное в их головах.

Нянюшка все это прекрасно понимала. А еще она знала, что большинство ведьм добры (по большому счету), деликатны (с покорными), великодушны (с достойными; недостойным, как правило, и так достается больше, чем они заслуживают) и в целом искренне преданы своему ремеслу, которое, как правило, приносит больше шишек, нежели наград. Никто из них не жил в леденцовых или пряничных домиках (хотя иные добросовестные молодые ведьмы проводят опыты с хлебобулочными изделиями). И детей в печках давно никто не жарил (хотя некоторые из них прямо-таки напрашиваются). В основном ведьмы занимались своим обычным ведьмовским делом: облегчали соседям приход в этот мир и уход из оного, а также помогали преодолевать наиболее неприятные из разнообразных препятствий, возникающих на жизненном пути.

Ведьмой быть непросто. Для этого надо иметь особый слух, ибо часто приходится общаться с людьми в обстоятельствах, располагающих

к откровенности: они могут поведать, например, о том, где закопан клад, или кто настоящий отец, или почему под глазом снова появился синяк. А еще нужен особый язык — который будет всегда оставаться за зубами. Чужие тайны — это власть. Власть внушает уважение. А уважение — самая твердая валюта в мире.

Внутри этого сестринства (впрочем, трудно назвать сестринством рыхлое объединение хронических единоличниц; да и шабаш ведьм — это скорее маленькая междуусобная война) испокон веков существовала иерархия, не имеющая никакого отношения к тому, что считается «положением в обществе». Никто не говорил об этом вслух, но если случалось умереть пожилой ведьме, то на ее похороны непременно являлись все товарки-соседки, чтобы сказать несколько последних слов, а потом разойтись по домам с маленькой, но приятной мыслью: «Ну вот, теперь я поднялась еще на одну ступеньку».

Стоит ли говорить, что за новичками наблюдали чрезвычайно внимательно и ревниво.

— Доброго утречка, госпожа Ягг! — раздался голос за спиной нянюшки. — Надеюсь, ты в хорошем здравии?

— Здравствуй, госпожа Шимми, — с улыбкой развернулась нянюшка. Картотека в ее голове немного потрещала и выдала справку: Светия Шимми, живет с пожилой мамой возле Тенелесья, нюхает табак, ладит с животными. — Как здоровье твоей матушки?

— Схоронили ее в прошлом месяце, госпожа Ягг.

Нянюшке Яgg очень нравилась Светия, поскольку видела она ее не часто.

— Батюшки мои! — всплеснула руками нянюшка.

— Но я обязательно передам ей, что ты о ней спрашивалась, — добавила Светия, бросив взгляд на ринг. — А кто та юная толстушка на коротких ногах? — осведомилась она. — Попа как два шара для боулинга...

— Это Агнесса Нитт.

— Какой славный у нее голосок. Словно создан для Проклятий!

— О да, голос что надо. Услышишь такой — обделаешься, — дипломатично согласилась нянюшка. — К тому же мы с Эсме присоветовали ей кое-что...

Светия посмотрела в другую сторону.

В дальнем конце поля возле аттракциона «тяни-на-счастье» сидела одинокая розовая фигурка. Похоже, бадья с отрубями не пользовалась особой популярностью.

Светия наклонилась поближе к нянюшке.

— А что она там... делает?

— Не знаю, — честно ответила нянюшка. —

Кажется, она решила стать милой.

— Эсме? Милой?!

— Хм... ну да, — подтвердила нянюшка.

Ей самой не очень верилось в то, что она говорила.

Светия уставилась на нее во все глаза, сотворила левой рукой некий знак и поспешно удалилась.

Остроконечные шляпы тем временем сбивались в маленькие стайки по три-четыре ведьмы.

Заостренные верхушки сближались, завязывали оживленные беседы, оборотясь к далекому розовому пятнышку, затем снова расходились, будто лепестки стремительно распускающегося цветка. Лепестки становились основой следующих цветков, где все повторялось заново. Происходящее чем-то напоминало процесс деления ядерного ядра. Напряжение нарастало. Назревал взрыв.

Время от времени кто-нибудь оборачивался и пристально смотрел на нянюшку, поэтому она поспешила прочь, лавируя между аттракционами, пока не очутилась возле ларька гнома Закзака Рукисилы — изготавителя и поставщика оккультных безделушек для самых впечатлительных. Закзак жизнерадостно кивнул ей поверх таблички: «СЧАСТЛИВЫЕ ПОДКОВЫ НА УДАЧУ, 2 ДОЛЛАРА ЗА ШТУКУ».

— Здравствуйте, госпожа Яgg, — поприветствовал ее гном.

Нянюшка ощутила волнение.

— А что в них такого счастливого? — осведомилась она, ткнув пальцем в одну из подков.

— Как что? Они приносят мне по два доллара, — ответил Рукисила.

— От этого они становятся счастливыми?

— Конечно. Для меня, — пояснил Рукисила. — Полагаю, вы тоже решили приобрести, госпожа Яgg? Знал бы я, что они так популярны, прихватил бы еще один ящик. Некоторые благородные дамы брали аж по две штуки.

«Благородные дамы» прозвучало значительно.

— Ведьмы покупают счастливые подковы? — изумилась нянюшка.

— Не то слово! Расхватывают так, будто завтра конец света, — похвастался Закзак и вдруг нахмурился. В конце концов, они же ведьмы... — Хм... неужто и впрямь конец света? — осторожно поинтересовался он.

— Я почти уверена, что беспокоиться не о чем, — сказала нянюшка.

Кажется, ответ ее озадачил Закзака еще больше.

— А еще вдруг стали хорошо продаваться обережные травы, — припомнил он. Что ни говори, но он был настоящим гномом, который даже в потопе увидел бы шикарную возможность продать как можно больше полотенец. — Предложить вам что-нибудь интересное, госпожа Ягг?

Нянюшка покачала головой. Если беда нагрянет с той стороны, откуда ее все ждут, то веточка душистой руты уже не поможет. Возможно, сгодился бы огромный дуб, да и то едва ли.

Атмосфера стала меняться. Хотя небо по-прежнему оставалось бледно-голубым и просторным, но где-то на краю сознания уже погромыхивал гром. Ведьмы ощущали смутную тревогу. При таком их скоплении на небольшом клочке земли нервозность неизбежно перекидывалась с одной на другую, заражая всех и каждого. Оттого даже самые обычные люди, твердо уверенные в том, что Синяя Птица — не более чем сорт чернослива, начинали испытывать глубокое экзистенциональное беспокойство, заставляющее кричать на детей и хотеть выпить.

Нянюшка заглянула в просвет между двумя палатками. Розовая фигурка по-прежнему терпеливо и немного грустно сидела возле бадьи

с отрубями. Люди предпочитали держаться от нее подальше.

Перемещаясь перебежками от одного укрытия за палатками к другому, нянюшка достигла буфетного прилавка. Там уже шла бойкая торговля, но в самом центре скатерти возвышалась нетронутая куча чудовищных кексов. А рядом стояла одинокая банка варенья. Какой-то шутник написал на ней мелом: «ВЫНЬ ЛОЖКУ ИЗ БАНКИ. ТРИ ПОПЫТКИ ЗА ПЕННИ!»

Нянюшке казалось, что она умело скрываеться, но сзади вдруг раздался шорох соломы. Члены комитета ее все-таки выследили.

— Это ты написала, госпожа Увертка? — гневно вопросила нянюшка. — Это очень жестоко. Совсем не... мило.

— Мы решили, что ты должна поговорить с девицей Ветровоск, — сказала Летиция. — Пусть она это прекратит!

— Прекратит что?

— Вот это все — что она делает с головами людей! Она пришла на нас повоздействовать, верно? Все знают, что она сильна в магической обработке умов. Мы ее уже чувствуем. Она портит нам праздник!

— Она просто сидит там в одиночестве, — напомнила нянюшка.

— Да, но как она сидит, позвольте осведомиться?

Нянюшка сноваглянула из-за палатки.

— Нормально сидит... как обычно, знаете ли...

Поясница наклонена, коленки согнуты.

Летиция гневно помахала пальцем.

— А теперь послушай меня, Гита Ягг...

— Если ты хочешь, чтобы она ушла, иди и говори ей сама! — рявкнула нянюшка. — Я уже сыта по горло...

Вдруг раздался пронзительный крик ребенка.

Ведьмы тревожно переглянулись и со всех ног побежали через поле к аттракциону «тяни-на-счастье».

По земле, захлебываясь слезами, катался маленький мальчик.

Это был Пьюси, нянюшкин младший внук.

Похолодев, она схватила мальчика на руки и обожгла матушку гневным взглядом.

— Что ты с ним сделала, ты... — начала было она.

— Нихачу-куклу! Нихачу-куклу! Хачу-солдатика! Хачу-хачу-хачу-СОЛДАТИКА-А-А-А!

Только теперь нянюшка заметила тряпичную куклу в липкой руке Пьюси и выражение ярости и разочарования на его залитом слезами лице (по крайней мере, той его части, которую можно было заметить по краям орущего рта).

— Йа-хачу-хачу-СОЛДАТИКА-А-А!

Посмотрев на других ведьм, а затем на матушку Ветровоск, нянюшка почувствовала, как ужасный холодный стыд поднимается вверх по ее ногам.

— Я сказала, что он может положить ее обратно и попробовать еще раз, — кротко объяснила матушка. — Но он ничего не хочет слушать.

— ...хачу-хачу-СОЛ...

— Пьюси Яgg, если ты сейчас же не умолкнешь, то отныне... — Нянюшка умолкла на секунду, подбирая самое страшное наказание, какое

только могла придумать. — Нянюшка никогда не угостит тебя сладеньким!

Пьюси тут же захлопнул рот, ошеломленный этой невообразимой угрозой.

А затем, к ужасу нянюшки, Летиция Увертка выпрямилась и решительно сказала:

— Девица Ветровоск, мы бы очень хотели, чтобы ты немедленно покинула праздник!

— Разве я мешаю? — удивилась матушка. — Я так надеялась, что нет. Я вовсе не хочу быть кому-то обузой. Он просто попробовал потянуть на счастье и...

— Ты... расстраиваешь гостей.

«Ой, что сейчас начнется... — подумала нянюшка. — Через секунду Эсме вскинет голову, прищурит взгляд и... если Летиция не отступит на пару шагов, то, стало быть, она гораздо меня сильнее».

— Можно мне остаться и просто посмотреть? — тихо спросила матушка.

— Я разгадала твою игру! — твердо заявила Летиция. — Ты решила все испортить, да? Ты не можешь смириться с мыслью, что тебя отстранили, поэтому придумала что-то ужасное?

«Лучше на три шага, — решила нянюшка. — Иначе не останется ничего, кроме костей. Вот-вот, с минуты на минуту...»

— Мне совершенно не хочется, чтобы кто-то решил, будто я испортила праздник, — сказала матушка, затем вздохнула и поднялась на ноги. — Пойду-ка я домой...

— Нет, ты не пойдешь! — взбешенная нянюшка толкнула подругу обратно на стул. — Берил Дипбаж, Летти Паркин! Вы-то что об этом думаете?

— Они все... — заговорила Летиция.

— Я не с тобой разговариваю! — рявкнула няньшка.

Ведьмы, стоявшие за спиной госпожи Увертки, избегали смотреть нянюшке в глаза.

— Это не то, что... В смысле, мы не думали... — неловко начала Берил. — То есть... Я всегда испытывала глубокое уважение... но... ради всех нас...

Голос Берил затих. Летиция торжествовала.

— Вот, значит, как? Тогда мы, пожалуй, и впрямь пойдем, — печально сказала няньшка. — Не нравится мне здешняя компания. — Она огляделась. — Агнесса! Помоги отвести матушку домой...

— Но мне не нужна по... — заговорила матушка, но няньшка с Агнессой крепко взяли ее под руки и решительно повлекли сквозь толпу. Ведьмы расступались перед ними, затем оборачивались и глядели вслед.

— Оно и к лучшему, — надменно бросила Летиция. — С учетом сложившихся обстоятельств.

Многие ведьмы избегали смотреть ей в глаза.

Весь пол матушкиной кухни был усеян обрезками тканей. С края стола свисали застывшие капли варенья, образовав на полу окаменевший холмик. Кастрюля из-под варенья отмокала в каменной раковине, хотя и без того было ясно, что скорее заржавеет железо, чем размягчится это варево.

Рядом выстроились в шеренгу пустые банки из-под маринадов.

Матушка села и сложила руки на коленях.

— Хочешь чаю, Эсме? — спросила няньшка Яgg.

— Нет, дорогая, спасибо. Возвращайся на Испытания. Не волнуйся за меня, — ответила матушка.

— Ты уверена?

— Да, я просто посижу здесь и успокоюсь. Не волнуйся.

— Я туда не вернусь! — прошипела Агнесса, когда они с нянюшкой вышли за порог. — До чего неприятно улыбается эта Летиция...

— Однажды ты сказала мне, что тебе не нравится, как хмурится Эсме, — напомнила нянюшка.

— Да, но хмурому человеку можно доверять. От него понятно чего ждать. Хм... тебе не кажется, что матушка теряет рассудок?

— Если и так, никто этот рассудок отыскать не сможет, — сказала нянюшка. — Нет, ты пойдешь со мной. Я уверена, она планирует... не знаю что.

«Как, черт возьми, узнать, что именно? — подумала нянюшка. — Не знаю, на сколько меня еще хватит...»

Она ощущала нарастающее напряжение еще до того, как они добрались до поля. Конечно, напряжение всегда присутствовало — на то они и Испытания, — но у этого был неприятный, даже кислый привкус: Лавки и аттракционы еще работали, но обычные люди уже расходились по домам, напуганные предчувствием чего-то такого, что находилось за пределами их понимания. Что касается самих ведьм, то всем своим видом они напоминали персонажей фильма ужасов за две минуты до развязки — когда уже ясно, что монстр собирается сделать последний роковой

прыжок, загвоздка лишь в том, из-за какого именно угла.

Летиция Увертка стояла в окружении ведьм. До нянюшки долетали обрывки жаркого спора. Она толкнула локтем знакомую ведьму, мрачно наблюдавшую за происходящим.

— Что происходит, Винни?

— У всех все валится из рук. Рина Козырь по ошибке наколдовала свиное ухо, и теперь ее подружки требуют разрешить ей вторую попытку, поскольку она вся на нервах.

— Экая досада...

— А Фурия Джонсон испарилась, поскольку ее погодное заклинание пошло как-то не так.

— Умчалась чернее тучи?

— Да и у меня сегодня руки-крюки. У тебя хороший шанс на победу, Гита.

— О, я никогда не гналась за призами, Винни, ты же знаешь. Главное — радость от участия.

Винни косо взглянула на нянюшку и хмыкнула:

— Так я тебе и поверила!

К ним торопливо подошла мамаша Бивис.

— Вперед, Гита, — сказала она. — Ты уж посторайся, ладно? А то единственной претенденткой на победу пока остается госпожа Сплетти со своей свистящей лягушкой. Стыдно сказать, лягушка не сумела досвистеть ни одной мелодии до конца. Только дрожит от страха, не переставая.

Пожав плечами, нянюшка Яgg вышла на огороженную веревками площадку. Где-то поодаль с кем-то случилась истерика. Сквозь рыдания и икоту прорывался взволнованный свист.

В отличие от магии волшебников, магия ведьм не предполагает применение грубой колдовской силы. Это было сродни разнице между молотом и рычагом. Обычно ведьмы старались найти ту маленькую точку, небольшое изменение в которой приводило к впечатляющим результатам. Чтобы вызвать лавину, можно либо потрясти гору, либо бросить в правильно выбранное место маленький снежок.

В этом году нянюшка, не особенно утруждаясь, готовила к показу «соломенного человека». Для нее это был идеальный номер: в меру смешной, в меру поучительный и вовсе не такой трудный, как могло показаться со стороны. Он как бы говорил, что нянюшка с радостью поучаствует в Испытаниях, но отнюдь не собирается претендовать на победу.

«Проклятье!» — подумала нянюшка. Она так надеялась проиграть свистящей лягушке. Долгими летними вечерами она с удовольствием слушала ее красивые мелодии.

Нянюшка сосредоточилась на выступлении.

По стерне зашуршали соломинки. Требовалось лишь умело управлять ветерками, бродившими по полю. Направим немного туда, потом сюда, закрутим спиралькой вверх и...

Нянюшка попыталась унять дрожь в руках. Она проделывала этот трюк тысячу раз и могла не глядя завязать из соломы хоть чертов узел. Но перед глазами стояло лицо Эсме Ветровоск, сидящей возле бадьи, и ее недоуменный обиженный взгляд, обращенный к подруге, готовой в тот момент на убийство...

На мгновение ей удалось должным образом слепить ноги и наметить контуры головы и рук. Со стороны зрительниц раздались приглушенные аплодисменты. Но прежде чем нянюшка заставила существо сделать первый шаг, случайный вихрь подхватил его и разметал по земле кучей бесполезной соломы.

Лихорадочно жестикулируя, она попыталась поднять свое творение, но тщетно. Соломенный Человек шлепнулся о землю, запутался в руках и ногах и окончательно затих.

Вновь послышались аплодисменты — но в этот раз совсем жидкие и тревожные.

— Простите... сегодня ничего не получается, — пробормотала она, покидая поле.

Судьи собрались на совещание.

— По-моему, лягушка отлично справилась, — сказала нянюшка как можно громче.

Ветер, только что доказавший свою строптивость, задул резче. То, что можно было назвать «психическим мраком бытия», усугубилось реальными сумерками.

В дальнем конце поля темнел высокий силуэт будущего костра, но зажечь его пока ни у кого не хватало духу.

На поле остались лишь ведьмы, обычный люд почти весь разошелся по домам. День давно утрастил всякую прелесть.

Кружок судей разошелся, и к встревоженной толпе двинулась госпожа Увертка с застывшей, словно восковой улыбкой.

— Что ж. Решение далось нелегко, — объявила она нарочито веселым голосом. — Число участ-

ниц сегодня побило все рекорды, так что перед нами встал действительно сложный выбор...

«Между мной и лягушкой, которая потеряла свисток и застрияла лапкой в банджо», — подумала нянюшка, искоса взглянув на лица своих сестер по ведьмовству. Некоторых из них она знала лет шестьдесят. Если бы нянюшка имела привычку читать, то сейчас бы читала их лица как книги.

— Мы все знаем, кто победил, госпожа Увертка, — сказала она, прервав поток словесний.

— Что ты имеешь в виду, госпожа Ягг?

— Здесь нет ни одной ведьмы, которая бы выступила как надо, — ответила нянюшка. — Большинство из них даже купили талисманы на удачу. Подумать только: ведьмы покупают талисманы!

Некоторые из женщин стыдливо потупились.

— Не понимаю, почему все так боятся девицу Ветровоск! Мне вот совершенно не страшно! Вы что, вообразили, будто она вас всех околдовала?

— Ага, и, судя по всему, довольно крепко! — сказала нянюшка. — Послушай, Летиция, давай уже признаем, что сегодня победительницы нет. Уж больно убого мы выступили. И все это прекрасно видели. Так что давайте просто разойдемся по домам, хорошо?

— Конечно же, нет! Я заплатила десять долларов за этот кубок и собираюсь вручить его...

Вянущие листья зашуршили на деревьях.

Ведьмы сбились в тесную кучу.

Заскрипели и затрещали ветки.

— Это ветер, — сказала нянюшка Ягг. — Всего-навс...

И тут все увидели матушку. Она появилась так, словно все время была здесь, просто никто ее не замечал. У матушки был дар отступать на второй план.

— Я просто захотела посмотреть, кто победил, — объяснила она. — Похлопать вместе со всеми, поздравить и так далее...

Летиция двинулась на матушку, вне себя от ярости.

— Ты что, залезла в чужие головы? — взвизгнула она.

— Да как бы я это сделала, госпожа Увертка? — кротко возразила матушка. — При стольких-то амулетах!

— Ты лжешь!

Нянюшка Яgg услышала, как ведьмы со свистом втянули воздух сквозь зубы, а громче всех — она сама. Ибо главное достоинство ведьмы — ее честность.

— Я не лгу, госпожа Увертка.

— Значит, ты отрицаешь, что решила испортить мне день?

Некоторые ведьмы, стоявшие с краю, опасливо попятались.

— Я признаю, что мое варенье не всем пришлось по вкусу, но я бы никогда... — начала матушка самым миролюбивым голосом.

— Ты на всех навела чары!

— ...я хотела помочь, спроси кого угодно...

— Ты все испортила! Просто признай! — голос Летиции стал пронзительным, как крик чайки.

— ...и уж конечно же, я не...

От сильной пощечины голова матушки мотнулась в сторону.

Все испуганно замерли, затаив дыхание.

Медленно подняв руку, матушка потерла щеку.

— Добилась своего, да?! — истошно взвизгнула Летиция.

Нянюшке показалось, что звук ее вопля прокатился эхом по горам.

Кубок выпал из рук председательницы и с хрустом прокатился по траве.

Затем все разом пришло в движение. Две ведьмы выступили из толпы, положили руки на плечи Летиции и мягко, но настойчиво оттащили ее от матушки. Госпожа Увертка сопротивляться не стала.

Все остальные ждали, что предпримет матушка Ветровоск. Наконец, она подняла голову.

— Надеюсь, с госпожой Уверткой все в порядке, — сказала она. — Мне показалось, что она немного... не в себе.

Настала гробовая тишина. Нянюшка подобрала с земли упавший кубок и постучала по нему указательным пальцем.

— Хм... — протянула она. — Кажется, всего лишь посеребренный. Бедняжку ограбили, если она заплатила за него десять долларов. — Нянюшка бросила кубок мамаше Бивис, и та ловко поймала его на лету. — Вернешь ей завтра, Бивис, хорошо?

Мамаша кивнула, стараясь не встречаться с матушкой взглядом.

— И все же нельзя, чтобы это испортило нам праздник, — любезно сказала матушка. — Давай-

те завершим день как положено! По нашим традициям: печеной картошкой, жареными зефирками и старыми сказками у костра. Давайте простим друг друга. А кто старое помянет — тому глаз вон.

Нянюшка почувствовала, как над полем развернулся веер внезапного облегчения. Ведьмы ожили, сбросив чары, которых на самом деле и не было. Спины выпрямились, глаза засверкали, возникла даже небольшая толчея, когда все разом устремились к седельным сумкам, притороченным к метлам.

— Господин Гопкрафт угостил меня целым мешком картошки, — похвасталась нянюшка, когда вокруг завязалась непринужденная беседа. — Пойду-ка принесу. Разведешь пока огонь, Эсме?

Вдруг в воздухе что-то изменилось. Подняв голову, нянюшка увидела сияющие в сумерках глаза матушки.

Наученная горьким опытом, она немедленно бросилась на землю.

Рука матушки мелькнула в воздухе, словно комета. С пальцев сорвалась жаркая искра.

Костер взорвался. Струя бело-голубого пламени взметнулась сквозь сложенные ветви и заплясала в небе. Резкие тени превратили лес в гравюру. Ударная волна посыпала остроконечные шляпы и опрокинула столики. Из пламени вылепились замки и фигуры забытых героев, древние армии вновь сошлись в смертельных боях. Огонь хватал за руки и гнал в пляс. Пламенные сцены застывали на сетчатках глаз и проникали прямо в головы...

А потом огонь утих и превратился в обычный костер.

— Простить — не значит забыть, — усмехнулась матушка.

На рассвете матушка Ветровоск и нянюшка Ягг возвращались домой по щиколотку в тумане. Ночь в целом удалась.

Через некоторое время нянюшка нарушила молчание:

— Нехорошо ты поступила.

— Я ничего не сделала.

— Да, но... то, что ты не сделала, — это и есть нехорошо. Все равно что выдернуть из-под человека стул, когда он уже садится.

— Кто не смотрит, куда садится, тому лучше оставаться на ногах, — возразила матушка.

По листве стукнул дробью один из тех коротких ливней, какие случаются, когда несколько дождевых капелек-индивидуалисток откалываются от большого коллектива.

— Ну хорошо, — уступила нянюшка. — Но все равно это было немного жестоко.

— Ладно, — легко согласилась матушка.

— Многие найдут это подлецким.

— Пускай.

Нянюшка вздрогнула. Мысли, которые промелькнули в ее голове через секунду после того, как Пьюси закричал...

— Я тут ни при чем, — продолжила матушка. — Я никому не вкладывала в голову такого, чего прежде там не было.

— Извини, Эсме.

— Ничего.

— Но... Летиция не хотела проявлять жестокость, Эсме. Она, конечно, злобная, властная и глупая, но...

— Ты ведь с детства меня знаешь, да? — перебила матушка. — Мы ведь с тобой не один пуд соли съели.

— Да, конечно, но...

— И ты никогда не опускалась до всяких там «я говорю это как подруга», верно?

Нянюшка покачала головой. Довод был веский. Никто, даже отдаленно симпатизирующий человеку, ни за что такое не сболтнет.

— Какая радость вообще в ведьмовстве? — спросила матушка. — Даже слово какое-то дурацкое.

— А шут его знает, — ответила нянюшка. — Я-то подалась в ведьмы, чтобы приваживать мальчиков.

— Думаешь, я не знаю?

— А каков был твой интерес, Эсме?

Матушка остановилась и поглядела сперва на морозное небо, а потом на землю.

— Не знаю, — призналась она. — Наверное, такой же.

«То-то и оно, — подумала нянюшка. — То-то и оно...»

Возле матушкиного домика они спугнули оленя.

У задней двери красовалась аккуратно сложенная поленница, а на пороге стояла пара мешков. В одном из них покоилась большая сырная голова.

— Похоже, сюда приходили господин Гопкрафт с господином Беднокуром, — сказала нянюшка.

— Хм...

Матушка посмотрела на аккуратно, но безграмотно исписанный листок бумаги, прикрепленный ко второму мешку:

«Дорагая гаспажа Витровоск! Я был бы висьма презнатилен, если б вы разришили назвать этат новый премеальный сорт «Есме Витровоск». Но-деюсь вы в добрам здравии, Перси Гопкрафт».

— Так-так-так. Интересно, кто его надоумил?

— Совершенно не представляю, — ответила нянюшка.

— Я так и думала.

Матушка с подозрением принюхалась, развязала мешок и вытащила оттуда «Эсме Ветровоск» — довольно округлую, слегка приплюснутую и заостренную с одного конца. Это была луковица.

Нянюшка Ягг вздохнула.

— Ну вот что за человек! Я же его просила не...

— Что-что?

— Да так... ничего...

Матушка Ветровоск вертела и вертела в руках луковицу, пока весь мир, включая нянюшку, ждал решения своей участи. Наконец она определилась.

— Лук очень полезный овощ, — сказала она. — Крепкий. Злой.

— И для организма нужный, — подхватила нянюшка.

— Хорошо хранится. Придает вкус.

— Пикантный и распаляющий, — облегченно закивала нянюшка, запутавшись в эпитетах. — А уж как с сыром хорош...

— Не стоит заходить так далеко, — остудила ее пыл матушка, укладывая лук обратно в мешок.

Ее голос звучал почти дружелюбно. — Попьешь чайку, Гита?

— Э-э... Пожалуй, я лучше пойду...

— Ну как хочешь.

Матушка начала было запирать дверь, но вдруг остановилась и слегка ее приоткрыла. Нянюшка заметила голубой лукавый глаз, смотревший на нее сквозь щелку.

— А все-таки я оказалась права, — сказала матушка.

Это был не вопрос.

Нянюшка кивнула.

— Ага.

— Все вышло так... мило.

АНК-МОРПОРКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГИМН

BBC Radio 4, 15 января 1999 г.

В 1998 году «BBC» (или, по крайней мере, часть ее) поинтересовалась, не имеется ли у Плоского мира гимна?

Я сказал, что такого не существует, но у города Анк-Морпорка свой национальный гимн, конечно же, быть должен.

Тогда они сказали: «Может быть, напишете его?»

В итоге первый в истории национальный гимн вымышленного города-государства был торжественно исполнен на «BBC Radio 4» 15 января 1999 г. в еженедельной программе, посвященной — чему бы вы думали? — ну конечно, национальным гимнам!

Карла Дэвиса попросили сочинить музыку, и мы несколько раз очень долго беседовали по телефону о том, как именно должна звучать эта вещь. Кульминацией переговоров стал звонок из нью-йоркского такси, в котором он играл для меня на ходу, кажется, на ксилофоне.

Музыка получилась чудесная. Именно такая, о какой я просил, — тяжеловесно-имперская, немного грозная и полная ликующей помпезности. Если не ошибаюсь, гимн сыграл Шотландский симфонический оркестр «BBC», аккомпанируя чудесному сопрано, благодаря которому притев превратился в нечто вагнеровское.

Официально гимн никогда не исполнялся второй раз — по запутанным причинам, связанным с деньгами и авторским правом. Тем не менее первая версия каким-то образом оказалась в сети. Вот ведь какие бывают прохвосты!..

Гимн широко раскинувшегося торгового города-государства Анк-Морпорк был написан даже не одним из его сыновей, а гостем — графом-вампиrom Хенриком Шлайнном фон Убервальдом (родился в 1703, умер в 1782, повторно умер в 1784, и еще раз в 1788, 1791, 1802/4/7/8, а также в 1821, 1830, 1861, пронзен колом в 1872). Граф-вампир провел в Анк-Морпорке довольно продолжительный отпуск, прячась от встречи с некоторыми недоброжелателями, которые искренне мечтали побеседовать с ним об отсечении его головы. Хенрика весьма впечатлила политика города по поддержанию мира с соседями при помощи взяток, финансовой нечистоплотности и предложений, от которых невозможно отказаться, — например, о приобретении у противников оружия, которое в основном, кстати, изготавливалось в Анк-Морпорке.

Гимн, известный также под милым названием «Мы правим вами оптом!», является единственным в мире гимном, в котором есть формальный второй куплет, состоящий в основном из смущенного бормотания.

Побывавший во многих странах граф не мог не заметить, что истинные патриоты никогда не помнят больше одного куплета гимна, отчего все последующие стихи они поют как «мнэ-мнэ-мнэ» до тех пор, пока не натыкаются на знакомые им слова. И эти слова они исполняют с величайшим воодушевлением и выразительностью, дабы создалось впечатление, будто все остальное они пели точно так же, просто их не было слышно.

В классическом исполнении гимна обычно солирует высокое сопрано, укутанное в простыню, держащее в одной руке нечто вроде факела, а в другой — большую вилку.

Икают драконы, летят бегемоты.
Но лишь о тебе, мой Анк-Морпорк, заботы.
Отвагой в бою пусть кичится другой,
А мы всех врагов побиваем деньгой.
У нас ваши шлемы, у нас ваша обувь
И все командиры — нас тронуть попробуй!
Морпоркия! Морпоркия!
Стабильности оплот!
Мы правим вами оптом,
Тронь нас, и ты банкрот!

Мы разорим агрессоров продажей им камней,
Мы мнэ-мнэ-мнэ-хм-мнэ-мнэ-мнэ до самых до ушей.
Хм-мнэ поем мы мнэ-мнэ-мнэ

Ээ-мнэ-мнэ-мнэ-мнэ-мнэ-ээ-мнэ.

Хм-мнэ-мнэ, острые мечи

В залоге все у нас.

Морпоркия! Морпоркия!

Хм-мнэ-мнэ-мнэ-мнэ-мнэ.

Мы правим вами оптом,

Кредитами круша!

МЕДИЦИНСКИЕ ЗАМЕТКИ

Nac Mac Programme Book,
конвент по «Плоскому миру», август 2002 г.

Ну что тут скажешь? На различных конвентах просят всякую белоберду вроде этой для проведения каких-нибудь мероприятий. Так уж они устроены. Что-то из этого получается, а иногда (возможно) получается хорошо.

**ИЗ «ДОМАШНЕГО СПРАВОЧНИКА
ПО МЕДИЦИНЕ, УХОДУ ЗА ВОЛОСАМИ
И ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ХИРУРГИИ»,
ОПУБЛИКОВАННОГО АНК-МОРПОРКСКОЙ
ГИЛЬДИЕЙ ЦИРЮЛЬНИКОВ-КОСТОПРАВОВ,
AM\$2.**

Плоский мир, хотя и содержит огромное число разновидностей чумы и других хорошо изученных недугов, может также похвастаться (если уместно такое слово) рядом собственных уникальных заболеваний. В частности, благодаря перенаселенности Анк-Морпорка возник целый ряд совершенно оригинальных, но удивительно знакомых жалоб, например, таких как:

СИНДРОМ ИЗБЫТКА ВНИМАНИЯ

Учителя считают, что он не менее вреден, чем другие виды расстройства развития. Никому не нравятся дети, которые слишком внимательно следят за каждым вашим движением и чутко прислушиваются к каждому сказанному вами слову. Это все равно что разговаривать с огромным бездонным ухом.

В особо запущенных случаях дети, страдающие этим недугом, указывают на ошибки учителя четким писклявым голосом и терроризируют дотошностью весь остальной класс. Кроме того, им свойственна мерзкая привычка прочитывать весь учебник в первый же день семестра, вместо того чтобы осваивать его с благопристойной геологической скоростью, считающейся приличной в их возрастной группе. Лечению не поддаются. Выгонять из класса при первой же возможности!

СИНДРОМ ФЛОРАБУНДИ

Беспорядочные и неконтролируемые приступы вежливости и хороших манер. На первый взгляд может показаться, что это вовсе не болезнь, но синдром смертельно опасен для разносчиков рыбы, заключенных, солдат или представителей иных профессий, где требуется проявлять чертовскую неучтивость. Синдром назван в честь старшего сержанта Чарльза Флорабунди по прозвищу «Цветочек», который в минуты стресса терял контроль над своим словарным запасом и, например, отказывался стрелять по любому врагу,

с которым его не знакомили. Чарльза отправили на пенсию после того, как вся казарма взбунтовалась, услышав от него: «Джентльмены, я глубоко вами фраппирован».

Как сказал впоследствии капрал Гарри «Шарпей» Указка: «Никто бы не стал возражать, если бы его назвали ... ным ... ом и послали в ... ную ... ду. Но «фраппировать» звучит как ... ное оскорбление! Что вообще эта ... ня означает?»

АННОЙЯ, ТАКЖЕ ИЗВЕСТНАЯ КАК «ПАРАНОЙЯ ИНВЕРСА»

Вера в то, что вы должны следить за всеми подряд. Крайне редко встречается среди людей, которые не являются Темными Властелинами или им подобными, в чей круг профессиональных обязанностей входит «слежка за всеми подряд». Однако госпожа Эверита Олово из Сестер Долли посетила врача с жалобой, что она бесконечно угнетает окружающих, шпионит за ними, читает их почту, улавливает их мысли с помощью странных волн и так далее.

После всестороннего обследования на Кафедре инвазивной медицины Незримого Университета выяснилось, что госпожа Олово действительно родилась от *Tex Самых*, но никогда не училась пользоваться своими способностями. *Te Самые* — это тайная, никому не известная, но определенно подозрительная организация, чья миссия состоит в том, чтобы вмешиваться в жизнь остальных людей и портить ее — в общем, всячески вредить этому миру, злобно хохоча. Госпожа Олово за-

давалась вопросом, не объявить ли себя одной из *Tex Самых*. Но как только ей объяснили, что сразу после этого ей придется носить черные мантии с капюшонами, проводить тайные собрания в огромных подземных пещерах и манипулировать судьбами миллионов людей двадцать четыре часа в сутки без выходных с пушистой белой кошкой в руках, она немедленно передумала — ведь это означало отказаться от игры в бридж по средам. К тому же на кошке у нее была аллергия. Поэтому госпожа Олово предпочла пить отвар ивовой коры в тех случаях, когда голоса внутри ее головы становились чрезмерно настойчивыми.

ПЛАНЕТИЗМ

Болезнь, поражающая тех, кто работает в условиях стресса и высокого магического напряжения. Приводит к нарушениям в тормозных цепях, которые мешают индивидууму транслировать на всю вселенную свои убеждения в том, что он (или она) является центром этой самой вселенной. Болезнь приводит к тому, что вокруг головы страдальца начинают вращаться маленькие воображаемые планеты. Строго говоря, в конечном счете вокруг больного начинает вращаться вся вселенная, но эффект настолько незначителен, что на практике ограничивается вращением небольших предметов в пределах нескольких футов.

Согласно историческим хроникам, волшебник Рорати Вильямс страдал хроническим планетизмом в течение нескольких лет, в результате чего на одной из планет появилась довольно развитая

цивилизация, пославшая флот летающих кораблей для колонизации его головы. Будучи заботливым и предупредительным человеком, Вильямс несколько лет не надевал шляпу.

СКРУПИЗМ

Многие слышали о Томасе Баудлере, опубликовавшем собрание сочинений Шекспира, удалив оттуда все одиозные места. Однако мало кто помнит мальчика Скрупа, испытывавшего неодолимое желание добавлять грубости в книги и песни, изначально не подразумевавшие ничего неприличного. Пагубная страсть проявилась в довольно юном возрасте, когда Скруп впервые нацарапал слова «чюбаны» и «жеппа» на полях школьного учебника (болезнь усугублялась пожизненной неспособностью писать правильно), но после того как в возрасте двадцати одного года ему досталось большое наследство, он получил возможность перепечатывать целые книги со «скрупленными» в них словами. Переплетая их в обложки, идентичные издательским, он ловко подменял книги прямо в магазинах.

Единственным результатом его деятельности за несколько месяцев стал заметный всплеск продаж нескольких книжных наименований. Однако все встало на свои места, когда небольшой, изданный частным порядком томик госпожи Епитетии Батанобубенчик под названием «Мысли из загородного сада» удостоился нескольких весьма спорных литературных премий и был высоко

оценен судейской коллегией за «смелую, хотя и противоречивую позицию по вопросу о первоцветах».

Умерший в возрасте восьмидесяти четырех лет господин Скруп был похоронен на анк-морпоркском Кладбище Мелких Богов. Осмотреть его надгробие, включая памятную надпись, можно только по личной договоренности с главным могильщиком, поскольку в знак уважения к общественности оно завернуто в простую коричневую бумагу.

СИГНИТУС

Не очень опасная, но хроническая болезнь, заставляющая страдальца стонать, а иногда убегать при виде любого, кто держит в руках больше трех книг. Опытным путем было выявлено, что симптомы существенно облегчает бренди (особенно с добавлением ещё большего количества бренди).

БУРСАРИТИС (ИЛИ ХРОНИЧЕСКОЕ ПРОДОЛЖАТЕЛЬСТВО)

Иллюзия, будто вы долго вели за собой сотни людей, чтобы отпраздновать то, что на самом деле не существует. В числе симптомов — маниакально-депрессивный психоз, застывшая восковая улыбка и склонность (когда этому не мешают физические ограничения) продавать людям футболки. Большой может выкрикивать что-то вроде: «Нужно продать еще 1978 кружек, прежде чем мы сдаемся!» ВНИМАНИЕ: если страдальца резко вывести из состояния транса, он может спон-

тально воспламениться. Лучше исполнять все его капризы, пока он не проснется сам. Будьте снисходительны к подобным людям. Их болезнь — не их вина.

Примечание: оные записки были любезно предоставлены доктором Перистилем Слабосильным из анк-морфорской гильдии цифюльников-костоправов. «ПРИХОДИТЕ К НАМ ЗА ЧИСТЫМ БРИТЬЕМ!»

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ИГРЫ ШМЯК

«Шмяк!» (настольная игра по Плоскому миру),
Тревор Труран, 2002 г.

Минимум раз в месяц мы узнаем об очередной попытке сделать настольную игру по мотивам Плоского мира. Многие из них, конечно, хороши, но слишком часто надпись «Плоский мир» приклеивается к чему-то слишком расплывчатому, или история Плоского мира серьезно переписывается, чтобы ее можно было приспособить к игре. Например, описание гласит: «В этой игре идет большая война между ведьмами и волшебниками...» Э-э... не думаю, что такое возможно.

Однако Тревор Труран, проектирующий игры так же легко, как другие люди дышат, придумал по-настоящему хорошую «Кумскую долину» (таково было рабочее название). Он сделал то, о чем я просил, — настоящую игру из Плоского мира; такую игру, в которую запросто можно было бы играть там. Она повествует о конфликте гномов и троллей — конфликте, ставшем священным за время его существования, — и для полноценной

игры нужно сыграть за обе стороны. Хоть я и не оговаривал такую возможность, но, как оказалось, именно этого я и хотел. Игра, которая заставит вас не только думать как ваш родовой враг, но и сыграть на его стороне, может оказаться чрезвычайно полезной для вдумчивого автора. Короче говоря, игра была аккуратно вписана в историю Плоского мира, и создавалось впечатление, что такой она и должна быть.

На первый взгляд правила были просты, но игроки, участвовавшие в чемпионате, говорили мне, что во многих аспектах она оказалась посложнее шахмат. А еще она подарила мне зародыш сюжета, который достаточно быстро превратился в полноценное произведение¹.

Оставалось только выбрать для него название, которое, впрочем, напрашивалось само...

В истории как гномов, так и троллей игры занимают чрезвычайно важное место.

Самой известной гномьей игрой является Тьфупфухфукунфус, придуманный хитроумным изобретателем Рукисилой Угрюмым для гномьего короля-под-город Хугена. Хуген велел создать игру, которая учila бы молодых гномов таким добродетелям, как боевая готовность, знание стратегии, смелость и быстрота мышления. В результате Угрюмый придумал настольную игру

¹ Примечание автора: И оно, вы не поверите, получило название «Шмяк!».

с доской, имеющей некоторое сходство с ранним вариантом доски для игры в шмяк.

Игра широко разошлась по всему гномьему миру, став очень популярной. Довольный Хуген осведомился у Угрюмого, что он желает получить в награду? Согласно исторической хронике, изобретатель ответил следующее: «Ваше Величество, если вас не затруднит, поместите одну илк (маленькая золотая монета, ходившая тогда в обращении) на первую клеточку, две на вторую, четыре на третью и так далее, пока вся доска не будет заполнена».

Король охотно согласился и велел принести из сокровищницы мешок золота. Однако не прошло и нескольких часов, как стало ясно, что Угрюмый фактически попросил все золото Вселенной.

Для короля, давшего слово выполнить просьбу Угрюмого, это создало определенную проблему, но он легко решил ее, вынув топор и приказав двум слугам оттащить Угрюмого к окну, где было посветнее. В этот момент Угрюмый поспешил изменить свою просьбу, сказав, что он хочет «столько золота, сколько сможет унести». Хуген милостиво согласился, но все-таки сломал Угрюмому одну руку. «Ибо, — сказал король, — несмотря на то, что Тьфупфухфукунфус учит гномов боевой готовности, знанию стратегии, смелости и быстроте мышления, важно также понимать, в какие моменты не следует быть додрхг'хня умным!»

А вот игры троллей тесно связаны с их религией, поэтому некоторые из них довольно трудно понять. Например, существует игра, похожая

на упрощенные шахматы, суть которой состоит в размещении фигур на доске и ожидании их перемещения. Или другая, в которой камни подбрасываются в воздух, после чего игроки делают ставки, упадут они на землю или нет. В эту игру можно выиграть довольно много денег.

КУМСКАЯ ДОЛИНА

Причина традиционной вражды между гномами и троллями укладывается в одно простое утверждение: одни из них камни, а другие — камнедобытчики. Но на самом деле вражда существует, поскольку никто уже не может вспомнить времена, когда ее не было. Год за годом она тянется, как справедливая и совершенно оправданная месть за месть, предпринятую в ответ на месть за месть, которая произошла до этого, и так далее.

Как хорошо, что, в отличие от гномов и троллей, люди никогда не занимаются подобным!

Возле реки Кум есть как минимум три места, претендующих на звание *той самой* Кумской долины, на которой, как теперь полагают, произошло четырнадцать знаменитых крупных сражений, безотносительно того, где они были *на самом деле*.

Наиболее вероятное местоположение *той самой* Кумской долины, находящейся в Кумской долине, представляет собой пустынный, предвещающий беду участок бесплодной земли. Он настолько безрадостен, что его обходят стороной даже грозовые тучи. Некоторые волшебники

с исторического факультета Незримого Университета предположили, что скальные образования в долине, находящиеся на пути господствующих ветров, обладают способностью вибрировать с частотой, вызывающей значительное беспокойство и раздражение в мозгах троллей, гномов и людей. Правда, три попытки доказать это экспериментальным путем потерпели неудачу из-за необъяснимых драк, то и дело вспыхивавших среди исследователей.

В последней битве в Кумской долине приняла участие группа молодых гномов из Анк-Морпорка, посещавшая этот район в рамках культурно-исторического тура. Городские гномы считают, что их отпрянкам необходимо помнить о корнях гномьего рода, и для этого их отправляют на Медную гору или в Убервальд, где молодежь может взглянуть на то, что гномы называют «наше горное время». К несчастью, то же самое место в тот же самый день посетила группа молодых троллей по схожим причинам. После непродолжительных взаимных оскорблений две туристические группы бросились в бой, продемонстрировав весьма воодушевленную реконструкцию предыдущих сражений.

ШМЯК

Изначально игра шмяк была задумана как альтернатива драке. Некоторые пожилые гномы и тролли решили, что несмертельные состязания помогут установить мир в горах, тем более что с обеих сторон уже заканчивались бойцы. К тому

же, ввиду эмоционального состояния всех проигравших на войне ветеранов, игру разделили на две части.

Ибо, по словам тролльского философа Плато: «Хотите понять врага — пройдите милю в его обуви. И если после этого он по-прежнему будет казаться вам врагом, то вы, по крайней мере, окажетесь от него за милю, а он — без обуви».

Согласно легенде, большой отряд гномов и маленькая группа троллей однажды охотились в долине друг на друга, и предводитель троллей решил опробовать хитрую стратегию. Обычно те и другие охотились, искусно прячась среди камней, которыми была усеяна вся долина. Но в тот раз главный тролль разместил отряд прямо на открытой местности, рассудив, что гномы ни за что их там не найдут.

«В конце концов, — сказал он, — гномы всегда выслеживают нас, когда мы прячемся за камни, потому что они всегда заглядывают за камни. Следовательно, если мы встанем на открытом месте, они не найдут нас, потому что им не за что будет заглядывать».

Этот важный шаг в развитии умственных способностей троллей даже имел некоторый успех — благодаря туману, ни с того ни с сего опустившемуся в то утро на долину. Однако после восхода солнца туман рассеялся и, к немалому изумлению троллей и вопреки тому, что они считали безупречной логикой, гномы их заметили. Завязалась битва, по результатам которой обе стороны заявили о своей победе, обвинив противников в нечестности.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Игре шмяк, воспроизводящей те события, приписывают значительное сокращение числа крупных войн между гномами и троллями. Со временем военные конфликты сменились бесчисленными драками в барах, где доски от шмяка, а иногда и фигуры используются в качестве оружия. Но поскольку с драками Стража сталкивается ежедневно, они считаются практически миром...

НЕСКОЛЬКО СЛОВ, ПРОИЗНЕСЕННЫХ ЛОРДОМ ХЭВЛОКОМ ВИТИНАРИ

По случаю братания городов Анк-Морпорк
и Уинкантон (2002 г.)

*Эта приветственная речь написана мною, Терри Пратчеттом, и торжественно зачитана вслух Стивеном Бриггсом, частенько игравшим роль лорда Витинари в любительских драматических спектаклях. Откровенно говоря, вытащить его из костюма лорда практически невозможно! С легкой обескураженностью наблюдал я за братанием городов, на котором присутствовало множество поклонников моих романов, одетых в невероятно странные экзотические наряды. Не знаю, может, они ходят так каждый день, но в тот момент жители Уинкантона превзошли своим видом даже жителей Анк-Морпорка, одевшихся, как они сами сказали, *en fête*¹. Это был тот самый случай, когда просыпаешься на следующий день и думаешь: «Hey-*

¹ «По-праздничному» (фр.)

жели это произошло на самом деле?» И только потом, расспросив нескольких людей, ты с радостью убеждаешься, что да — именно так все и было.

Друзья мои!

С чрезвычайным удовольствием я приветствую это — полагаю — первое братание между реальным и, казалось бы, нереальным городом. Я говорю «казалось бы», поскольку здесь, в Анк-Морпорке, мы предпринимаем решительные шаги, дабы убедить наших сограждан в том, что на свете есть город под названием Уинкантон и что он не плод чьего-то воображения.

К нашему счастью, в Анк-Морпорке обосновался Незримый Университет, чья магическая библиотека потенциально содержит любую книгу, которая когда-либо и где-либо будет написана. Именно здесь после некоторых поисков мы нашли «Специально Написанный Путеводитель по Уинкантону».

Изучив книгу, мы узнали, что город знаменит чрезвычайной мудростью своих мужчин и непревзойденной красотой своих женщин, ипподромом и традиционным производством некой дивной вещи под названием «постельный тик»¹. Кроме того, насколько мы поняли, Уинкантон делает то же, что и мой город, а именно функционирует

¹ Тик — прочная плотная ткань, предназначенная в первую очередь для пошива чехлов изделий с наполнителем из пуха и пера, непосредственно контактирующих во время эксплуатации с кожей человека. Чаще всего тик служит основой для изготовления подушек, одеял и перин.

Несколько слов, произнесенных лордом Хэвлоком Витинари

и обеспечивает уверенность в том, что завтрашний день настанет.

С большим интересом мы отметили сложившуюся здесь традицию устраивать большие завтраки для гостей города. По мнению волшебников Незримого Университета, не чуждых искусству владения ножом и вилкой, это, несомненно, одно из самых благородных времяпрепровождений человечества. Однако мы обнаружили, что, снабдив голодного путника провизией, жители Уинкантона позволяют ему продолжить путь, оставив большую часть его денег в целости и сохранности. Позвольте заверить, в нашем городе это было бы недопустимо.

С тех пор как на Хай-стрит был случайно открыт портал, граждане вашего города, возможно, стали замечать странновато одетых, но невероятно щедрых гостей из моего мира. Точно так же мы иногда встречаем потерянные души, ищащие, где бы вкусно поесть или как вернуться в место под названием «Ээ Три Оу Три». После переговоров с вашими почтенными советниками мы решили, что единственный способ решить эту проблему — сделать наши контакты официальными.

Таким образом, мы от всей души протягиваем руку дружбы жителям Уинкантона, в то время как вторая наша рука спрятана за спиной. А что до меня, то я с нетерпением жду вкусных больших сосисок и возможности услышать, как тикает моя постель.

*Лорд Хэвлок Витинари
Патриций Анк-Морпорка*

СМЕРТЬ И ЧТО СЛУЧАЕТСЯ ПОСЛЕ

«Время онлайн-игр», 2004

Рассказ был написан специально для онлайн-игры «Охота на Время», в которой каждая история включала в себя зашифрованную фразу.

Фраза по-прежнему имеет отношение к истории, и она все еще там, но найти ее сможет только истинный фанат. Правда, я немного нарушил правила, вернее, допустил исключение из них.

И мне очень нравится идея, что Небесам свойственна логическая достоверность...

Когда Смерть повстречал философа, тот взволнованно заявил:

— В такой момент понимаешь, что я одновременно и мертв, и жив.

Смерть устало вздохнул. «Проклятье, еще один...» — подумал он. Похоже, речь опять пойдет о квантах. Смерть терпеть не мог философов. Они всегда пытаются выкрутиться.

— Видишь ли, — проговорил философ, пока Смерть неподвижно наблюдал, как в часах утекает последний песок его жизни. — Все в мире состоит из крошечных частиц, обладающих странным свойством находиться во многих местах одновременно. Но тела, состоящие из крошечных частиц, как правило, находятся в одном месте в одно время, что кажется противоречащим квантовой теории. Я продолжу?

— ДА, ТОЛЬКО НЕ ДО БЕСКОНЕЧНОСТИ, — ответил Смерть. — ВЕДЬ ВСЕ ПРЕХОДЯЩЕ.

Он не отрывал взгляда от падающего песка.

— Так вот, если мы согласимся, что существует неисчерпаемое число вселенных, то проблема решена! Если есть бесконечное множество вселенных, то и эта кровать может находиться в миллионах из них одновременно!

— ОНА ДВИЖЕТСЯ?

— Что?

Смерть кивнул в сторону кровати.

— ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ, ЧТО ОНА ДВИЖЕТСЯ? — поинтересовался он.

— Нет, потому что у меня тоже есть миллион версий. И... вот в чем плюс... некоторые из них не собираются умирать! Ведь все возможно!

Смерть побарабанил пальцами по ручке косы, обдумывая услышанное.

— ЗНАЧИТ, ТЫ СЧИТАЕШЬ, ЧТО...

— Получается, я не совсем умираю, верно?
В тебе больше нет определенности.

Послышался тяжкий вздох Смерти. «Всему виной космос», — подумал он.

Вот в чем проблема. На планетах с вечно пасмурным небом такого никогда не бывало. Но как только люди увидели огромное пространство у себя над головой, их мозг стал расширяться, пытаясь его объять.

— Что, затрудняешься с ответом? — спросил умирающий философ. — Чувствуешь себя немногим старомодным, да?

— ЭТО, КОНЕЧНО, ЗАГАДКА, — согласился Смерть. «А ведь раньше они молились», — подумал он. Между прочим, сам он никогда не верил в силу молитвы.

Смерть еще немного подумал.

— А ЕСЛИ ПОСТАВИТЬ ВОПРОС ПО-ДРУГОМУ? — произнес он. — ТЫ ЛЮБИШЬ СВОЮ ЖЕНУ?

— Что?

— Я ПРО ТУ ГОСПОЖУ, КОТОРАЯ ПРИСМАТРИВАЛА ЗА ТОБОЙ. ТЫ ЕЕ ЛЮБИШЬ?

— Да, конечно.

— МОЖЕШЬ ЛИ ТЫ ПРЕДСТАВИТЬ, ЧТОБЫ ТЫ БЕЗ ВСЯКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В СВОЕМ ПРОШЛОМ ПРЯМО СЕЙЧАС ВЗЯЛ И УДАРИЛ ЕЕ НОЖОМ? — осведомился Смерть. — К ПРИМЕРУ.

— Разумеется, нет!

— НО ТВОЯ ТЕОРИЯ ГЛАСИТ, ЧТО ОТ ЭТОГО НИКУДА НЕ ДЕТЬСЯ. ТАКОЕ ВПОЛНЕ ВОЗМОЖНО В РАМКАХ ФИЗИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ, А ЗНАЧИТ, ДОЛЖНО ПРОИЗОЙТИ И БУДЕТ ПРОИСХОДИТЬ МНОГО-МНОГО РАЗ. КАЖДОЕ МГНОВЕНИЕ — ЭТО МИЛЛИАРДЫ МГНОВЕНИЙ, В КОТОРЫХ ВСЕ, ЧТО ВОЗМОЖНО, СТАНОВИТСЯ НЕИЗБЕЖНЫМ, А ЗНАЧИТ, РАНО ИЛИ ПОЗДНО СВЕДЕТСЯ К ЧЕМУ-ТО ОДНОМУ.

— Но мы всегда можем выбирать между...

— А ЕСТЬ ЛИ ЭТОТ ВЫБОР? ВСЕ, ЧТО МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ, ДОЛЖНО СЛУЧАТЬСЯ. ТВОЯ ТЕОРИЯ ГЛАСИТ, ЧТО ДЛЯ КАЖДОЙ ВСЕЛЕННОЙ, КОТОРАЯ ОБРАЗОВАЛАСЬ, ЧТОБЫ ВМЕСТИТЬ ТВОЕ «НЕТ», ДОЛЖНА БЫТЬ ЕЩЕ ОДНА, ВМЕЩАЮЩАЯ ТВОЕ «ДА». НО ТЫ СКАЗАЛ, ЧТО НИКОГДА БЫ НЕ СОВЕРШИЛ УБИЙСТВА. ТКАНЬ КОСМОСА ТРЕПЕЩЕТ ПЕРЕД ТВОЕЙ УЖАСАЮЩЕЙ УВЕРЕННОСТЬЮ. ТВОИ МОРАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ СТАНОВЯТСЯ СИЛОЙ СТОЛЬ ЖЕ МОЩНОЙ, КАК ГРАВИТАЦИЯ.

«А мирозданию, — подумал Смерть, — безусловно, есть за что ответить».

— Это что, сарказм?

— ВООБЩЕ-ТО НЕТ. Я ВПЕЧАТЛЕН И ЗАИНТЕРИГОВАН, — ответил Смерть. — ТВОЯ КОНЦЕПЦИЯ ДОКАЗЫВАЕТ СУЩЕСТВОВАНИЕ ДВУХ ДО СЕГО ВРЕМЕНИ МИФИЧЕСКИХ МИРОВ. ПОЛУЧАЕТСЯ, ГДЕ-ТО ЕСТЬ МИР, В КОТОРОМ КАЖДЫЙ ДЕЛАЕТ ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР, ОСНОВАННЫЙ НА ПРИНЦИПАХ МОРАЛИ. И ЭТЫЙ ВЫБОР ВО МНОГО РАЗ УВЕЛИЧИВАЕТ СЧАСТЬЕ БЛИЖНИХ. ПРАВДА, ЭТО ДОЛЖНО ОЗНАЧАТЬ, ЧТО ГДЕ-ТО ОСТАЛИСЬ ДЫМЯЩИЕСЯ ОСТАНКИ ТОГО МИРА, В КОТОРОМ ПРИНЦИПОВ МОРАЛИ НЕ БЫЛО...

— Ой, да брось! Я понял, на что ты намекаешь, но я никогда не верил во всю эту чепуху вроде Рая и Ада!

Комната погружалась во тьму. Голубое мерцание на краю лезвия косы Жнеца становилось все более заметным.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

— ПОРАЗИТЕЛЬНО, — восхитился Смерть. — ПРОСТО НЕВЕРОЯТНО! ПОЗВОЛЬ ВЫДВИНУТЬ ЕЩЕ ОДНУ ТЕОРИЮ: ВЫ, ЛЮДИ, НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ УДАЧЛИВЫЙ ВИД ОБЕЗЬЯН, ПЫТАЮЩИЙСЯ ОБЪЯСНИТЬ ВСЮ СЛОЖНОСТЬ МИРОЗДАНИЯ ЧЕРЕЗ ЯЗЫК, КОТОРЫЙ ВОЗНИК ЛИШЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОДСКАЗАТЬ СОПЛЕМЕННИКУ, ГДЕ НАХОДИТСЯ СПЕЛЫЙ ПЛОД.

С трудом переведя дыхание, философ сумел выдавить только:

— Не говори ерунды...

— МОЕ ЗАМЕЧАНИЕ НЕ ПОДРАЗУМЕВАЛО УНИЧИЖИТЕЛЬНОСТИ, — ответил Смерть. — УЧИТЫВАЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ВЫ МНОГОГО ДОСТИГЛИ.

— Мы уже вышли за рамки замшелых предрассудков!

— ВОТ И МОЛОДЦЫ, — похвалил Смерть. — ВОТ ЭТО СИЛА ДУХА! Я ПРОСТО ХОТЕЛ УБЕДИТЬСЯ.

Он подался вперед.

— ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ ТЕОРИЮ О ТОМ, ЧТО СОСТОЯНИЕ НЕКОТОРЫХ МЕЛКИХ ЧАСТИЦ НЕОПРЕДЕЛИМО ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ЗА НИМИ НЕ НАЧИНАЮТ НАБЛЮДАТЬ? ЧАСТО ПРИВОДЯТ В ПРИМЕР КОТА, ЗАПЕРТОГО В ЯЩИКЕ.

— Конечно, — ответил философ.

— ХОРОШО, — сказал Смерть. Когда погас последний огонек, он поднялся на ноги и улыбнулся. — ЕЩЕ УВИДИМСЯ...

КОЛЛЕГИАЛЬНОЕ ИЗГНАНИЕ БЕСОВЩИНЫ В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Журнал The Times Higher Education Supplement,
13 мая 2005 г.

Что ж, они сами напросились. В то время кипели жаркие дебаты вокруг вопросов, связанных с государственными деньгами, которые выделяются университетам, поскольку университеты не горели желанием работать по указке правительства. К счастью для волшебников Незримого Университета, им не приходится никого ни о чем просить. Пожалуй, только теперь пришло время признаться, что эта короткая зарисовка в какой-то степени обязана своим рождением собраниям по четвергам, которые я проводил в качестве председателя Общества Писателей. Именно там я узнал об огромной важности чайных столиков на колесиках и правильной подаче шоколадного печенья как неотъемлемых компонентов успешной работы комитетов.

Дело было в четверг. Члены Волшебного Совета Незримого Университета любили проводить собрания по четвергам во второй половине дня. В Зале Совета, украшенном витражным изображением аркканцлера Сломана в момент создания им специальной теории слуда, было тепло и уютно, к тому же здесь всегда можно было рассчитывать на чай с шоколадным печеньем, неизменно подававшимся к половине четвертого.

И вот, когда до печенья оставалось совсем ничего, аркканцлер Наверн Чудакулли побарабанил пальцами по потертой коже стола.

— Следующий пункт повестки, господа, — провозгласил он. — Судя по всему, наш милостивый правитель лорд Витинари счел нужным поставить нас перед фактом небольшой... проверки. Наверное, мы его чем-то расстроили или допустили некую оплошность...

— Вероятно, из-за Возможной улицы? — предположил декан. — Она ведь так и не нашлась, да?

— С Возможной улицей все в порядке, декан, — резко ответил Чудакулли. — Она лишь временно перемещена. Но я уверен, что отставшая часть континуума догонит ее к будущему четвергу. Ту досадную случайность нельзя было предотвратить.

— Что ж, — заговорил декан, явно наслаждаясь моментом, — если назвать случайностью чаровой разряд, о котором ты сказал, что он ни за что не произойдет после того, как...

— Декан! Жизнь не стоит на месте. Мы должны двигаться вперед и оставить это позади! — рявкнул Чудакулли.

— Разрешите, аркканцлер? — вмешался Думминг Тупс, глава кафедры нецелесообразной магии, а также проректор, чью должность в Университете трактовали как «тот, кому поручают самую нудную работу».

— Да, Тупс?

— Может, оставим это позади до того, как двинемся вперед? — предложил Думминг. — Таким образом, оно окажется еще дальше позади нас, когда мы, собственно, двинемся.

— Хорошая мысль. Проследи за этим, — кивнул Чудакулли и вновь обратил взор на зловещую папку из плотной бумаги, лежавшую перед ним. — Как бы то ни было, коллеги, его светлость назначил инспектором по делам университетов некоего господина Э.И. Пессимала — человека, о котором я мало что знаю. Подозреваю, задача проверяющего состоит в том, чтобы затащить нас — брыкающихся и, несомненно, кричащих — в век Летучей Мыши.

— Но ведь это — прошлый век, аркканцлер, — удивился Тупс.

— К счастью, нас очень трудно тащить, и мы великолепно умеем лягаться, — продолжил Чудакулли. — Он внес несколько небольших... хм... предложений по улучшению...

— Серьезно? Вот повеселимся! — обрадовался декан.

Чудакулли сдвинул папку вправо.

— Вам слово, Тупс.

— Да, аркканцлер... Хм, спасибо. Э-э... Как вы знаете, город никогда не облагал Университет налогами...

— Потому что все знают, что случится, если они попробуют, — не без удовольствия отметил декан.

— Да, — сказал Тупс. — Но все-таки нет. Боясь, прошли те времена, когда небольшое изменение внешности или пара огненных шаров могли произвести впечатление. Все эти штуки немного устарели. Думаю, было бы нeliшим хотя бы *рассмотреть* предложения господина Пессимала...

Все присутствующие дружно пожали плечами. По крайней мере, это поможет скоротать время до чаепития.

— Во-первых, — начал Тупс, — господин Пессимал хочет знать, чем мы тут занимаемся.

— Что? Да мы главный университет Магии! — воскликнул Чудакулли.

— Но разве мы преподаем?

— Конечно. Когда нет другого выбора, — ответил декан. — Мы показываем учащимся, где библиотека, немного болтаем с ними и выдаем дипломы выжившим. Если возникают какие-то проблемы, то моя дверь, образно говоря, всегда для них открыта.

— Образно говоря, сэр? — не понял Тупс.

— Да. Но на самом деле она, конечно, заперта.

— Тупс, объясните ему, что мы не занимаемся никакими *практическими* делами, — сказал профессор современного руносложения. — Мы *ученые*!

— А ведь это интересный вопрос, — подмигнул Чудакулли Тупсу. — К примеру, чем занимаетесь вы, главный философ?

Глаза главного философа затравленно забегали.

— Ну я это... — выдавил он, прочистив горло. — Должность главного философа в Незримом Университете, как ни странно...

— Это понятно, — перебил Чудакулли. — Но чем вы занимаетесь *конкретно*? И сделали ли вы за прошедшие полгода больше, чем за полгода предшествующие?

— Раз уж мы задаем *такие* вопросы, аркканцлер, то ответьте нам, что делаете *вы*? — раздраженно спросил декан.

— Я руковожу, декан, — с достоинством ответил Чудакулли.

— Тогда мы должны *что-то* делать, иначе какой смысл в вашем руководстве?

— Подобные замечания, декан, бьют в самое сердце бюрократического источника, поэтому сделаю вид, будто я ничего не услышал.

— А еще господин Пессимал удивляется, почему нет публикаций с результатами... э-э... наших трудов, в чем бы они ни состояли, — продолжил Тупс.

— *Публикаций* — переспросил профессор современного руносложения.

— *Трудов*? — удивился заведующий кафедрой беспредметных изысканий.

— У-ук? — уточнил библиотекарь.

— Колледж Коксфорд с некоторых пор четыре раза в год выпускает «Журнал Несократимых Исследований», — кротко заметил Тупс.

— Да. В шести экземплярах, — кивнул Чудакулли.

— Ни один уважающий себя волшебник никогда не расскажет другим волшебникам о своих планах! — пылко выкрикнул профессор современного руносложения. — Кроме того, как измерить мышление? Можно сосчитать столы, изготовленные плотником, но как понять, сколько мыслей требуется для того, чтобы определить саму сущность столовости?

— Вот именно! — поддержал его заведующий кафедрой беспредметных изысканий. — Я уже пятнадцать лет работаю над Теорией Всякой Всячины! Число вложенных в нее мыслей трудновообразимо! Эти шесть-семь страниц дались мне ох как нелегко, доложу я вам!

— Видал я эти писульки Коксфорда, — презрительно бросил Чудакулли. — Там есть названия вроде «Диатомические аспекты нахождения сыра в мышах». Или мышей в сыре. Или вообще, в каком-нибудь твороге!

— И в чем была суть статьи?

— О, я не думаю, что она писалась для чтения. Скорее для того, чтобы быть написанной, — отмахнулся Чудакулли. — В любом случае никто не знает, что такое диатомика. Вероятно — та же магия, только вид сбоку!

— Хмм... Тем не менее господин Пессимал утверждает, что Коксфорд охотно набирает студентов, и это идет на пользу всему городу, — заметил Тупс. — В сущности, он предлагает нам... э-э... привлекать молодых людей с помощью рекламы. — Он осекся, ощущив внезапное охлаждение атмосферы, но затем решился продолжить: — Даже тех, кто никогда не задумывался о ремесле

волшебника. Он отмечает, что в Коксфорде всем новоприбывшим студентам выдают хрустальный шар и ваучер на бесплатную лягушку или лягушкоподобное существо.

— Что? Добровольно сделаться *привлекательными* для студентов? — изумился аркканцлер. — Господин Тупс, суть университета в том, что в него трудно попасть. Помните декана Рустера? Он расставлял *ловушки*, чтобы отвадить студентов от своих лекций! «Я рад юным дарованиям из любых слоев общества, — говорил он, — но тот, кто неспособен обнаружить капкан, мне точно не подходит!» Он считал, что любой студент, который не умеет очень осторожно открывать двери и не смотрит, куда ставит ногу, будет только обузой для настоящего профессионала. Попытки любезничать со студентами приводят лишь к появлению курсов вроде Сравнительной Резьбы по Дереву или к выпускникам, которые думают, что слово «спасибо» пишется раздельно, и не чувствуют запаха серы, когда видят вывеску «Отдел кадров».

— Вынужден сообщить, сэр, что господин Пессимал советует принимать до сорока процентов нетрадиционных студентов, — сказал Думминг Тупс.

— И что это значит? — осведомился Главный Философ.

— Ну, э-э... — задумался Тупс, но члены совета уже решили прибегнуть к методу толкования путем гвалта.

— Мы и так принимаем кого ни попадя! — возмутился декан.

— Может, он имел в виду не разнообразие видов, а тех, кто *традиционно* не силен в магии? — предположил заведующий кафедрой беспредметных изысканий.

— Но это же смешно! — воскликнул декан. — Набирать сорок процентов бездельников?

— Именно! — согласился аркканцлер. — Нам что, придется набирать умных, чтобы восполнить нехватку *способных*? Мыслимое ли дело! Если они уже умные, зачем им учиться в университетах? Нет уж, дудки! Мы продолжим брать на обучение исключительно молодых дурачков! Принимать тупиц, чтобы выпускать умных — такова давняя политика нашего Университета!

— Но некоторые из них поступают к нам, *считая* себя уже умными, — заметил заведующий кафедрой беспредметных изысканий.

— Да, но мы их быстро разубеждаем, — радостно отозвался декан. — Для чего еще нужен университет, как не для того, чтобы указать, что все, что ты считал правильным, на самом деле неверно?

— Отлично сказано! — похвалил Чудакули. — В незнании сила! Именно так декан достиг больших высот в жизни!

— Благодарю, аркканцлер, — ответил декан. — Приму как комплимент. Приложенное в правильном направлении невежество — это ключ к познанию чего угодно.

— Кажется, инспектор имел в виду тех, кто по случайности рождения, воспитания, социальной среды или преждевременного образования не соответствует нашим обычным требованиям для поступающих, — быстро пояснил Тупс.

— В самом деле? Толково придумано... — язвительно заметил Чудакулли. — А станет ли он, со своей стороны, нанимать клерков, которые не в ладах с арифметикой или пишут все, что начинается на букву «Р», в папку «Разное»?

— Кажется, он такого не говорил...

— Надо же! Как странно... О, я понимаю, к чему он клонит, но видите ли, господин Тупс, у нас университет, а не пункт оказания первой помощи. Мы не можем сделать мир лучше по одному взмаху волшебной палочки!

— Вообще-то, сэр... — начал было Тупс.

Чудакулли раздраженно отмахнулся.

— Да-да, я знаю. Мы, конечно, можем взмахнуть палочкой и сделать мир лучше. Но если мы будем улучшать мир с помощью магии, он станет намного, значительно хуже! Главное, что мы делаем, коллеги, — это воздерживаемся от использования магии. Только представьте, что было бы, если бы мы... э-э... применили свой интеллект на политической арене. Удивляюсь, как он об этом нас не попросил...

— Любопытно, но на самом деле он интересовался, имеется ли у нас комитет по этике, — продолжил Тупс.

— Поскольку такового у нас сроду не водилось, полагаю, он не особо и нужен, — сказал Чудакулли.

— Кажется, это как-то связано с экспериментами над животными, — пояснил Тупс.

— У-ук?

— Совершенно верно, — согласился Чудакулли. — Зачем творить мерзости над животными,

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

когда вокруг столько студентов? Когда я учился на первом курсе, меня минимум раз в неделю во что-нибудь превращали, и ничего! Стал только лучше. Еще что-нибудь, Тупс?

— Много чего, сэр, — вздохнул Тупс. — Очень много.

Над почтенным Советом сгостились тучи.

— Что ж, коллеги, полагаю, пора подвести итоги нашего собрания, — произнес аркканцлер, чтобы хоть как-то развеять тишину. — Предлагаю сообщить господину инспектору, что мы безотлагательно рассмотрим его предложения.

Волшебники в ужасе подняли головы. Аркканцлер подмигнул. Волшебники облегченно выдохнули.

— Точно! — закивал профессор современного руносложения. — Самым внимательным образом!

— Под лупой! — поддержал декан.

— Создадим комитет! — предложил заведующий кафедрой беспредметных изысканий.

— Уверен, господин Пессимал будет рад это услышать, — согласился Чудакулли. — Тупс, внесите рассмотрение этого вопроса в повестку заседаний будущего года, хорошо? Или, возможно, через год. Да, так даже лучше. Вопрос серьезный, торопиться нельзя. Как я всегда говорю, «прежде чем что-то решать, нужно сто раз подумать».

И на этой радостной ноте, как по волшебству, появился чай с печеньем.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО ОБСУЖДЕНИЮ ПРЕДЛОЖЕНИЯ О СОЗДАНИИ АНК-МОРПОРКСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СКАУТОВ

Август 2007 г.

Думается, это то, что в викторианские времена именовалось «памфлетом». Я написал его по случаю одного события, устроенного Бернардом Пирсоном¹ (также известным как «Искусный Умелец»²), который владеет собственным магазином³ в Уинкантоне, графство Сомерсет. В ре-

¹Бернард Стэнли Пирсон (род. в 1946 году) — британский художник и автор, наиболее известный по созданным им скульптурам персонажей и моделей зданий из цикла о «Плоском мире». Активно сотрудничает с официальным художником «Плоского мира» Полом Кидби.

²Таким прозвищем его наградил сам Т. Пратчетт. Содержит прямую ссылку к улице Искусных Умельцев, часто упоминаемой в романах.

³Магазин в основном продает книги о «Плоском мире» и разнообразные сопутствующие товары, включая марки, оловянные фигурки, игры, тематические галстуки и тому подобное.

кламных целях в августе 2007 года он организовал потешный слет бойскаутов на спортивных площадках этого прекрасного города.

Председательствует: капитан Моркоу (Анк-Морпоркская Городская Стража)

Также присутствуют: Джосайя Боггис (Гильдия воров)

Госпожа Алиса Банд (Гильдия наемных убийц)

Сержант Детрим (Анк-Морпоркская Городская Стража)

Граг Грох Грохссон (Глава общины гномов)

Госпожа Эстфесса Парлней (Комитет «Гномы на высоте»)

Хризопраз (Лига защиты прав кремниевых существ)

Джон Смит (Убервальдская Лига воздержания)

Лорд Витинари (исключительно в качестве Стороннего Наблюдателя)

В своем вступительном слове капитан Моркоу коснулся актуальной проблемы преступности среди городской молодежи, ставшей в последнее время предметом многочисленных статей в газете «Правда».

Госпожа Парлней заявила, что это оттого, что им нечем заняться!

Лорд Витинари заметил, что на самом деле им есть чем заняться — начиная от мелкого воровства и заканчивая междоусобными войнами во-

оруженных банд. Поэтому вопрос состоит в том, чтобы предложить им нечто такое (если это вообще возможно), что не повлечет за собой смерть невинных или предположительно невинных свидетелей.

Господин Джон Смит отметил, что это нечто должно включать в себя ношение шляп. По его опыту, шляпы обладают замечательным стабилизирующим эффектом.

Капитан Моркоу высказал мнение, что большинство проблем — даже теперь — связаны с многолетним соперничеством между бандами троллей и гномов. Хотя и наблюдается некоторая положительная динамика, проявляющаяся в том, что некоторые тролли стали присоединяться к бандам гномов и наоборот.

Господин Бoggis, со своей стороны, заверил, что делает все возможное, чтобы научить приезжих анк-морпоркскому образу жизни.

Лорд Витинари счел, что проблема, очевидно, в приезжих, с радостью воспринявших правила жизни в Анк-Морпорке и с большим энтузиазмом ставших им следовать.

Капитан Моркоу пересказал собравшимся идею сержанта Детрита, основанную на древнетролльской традиции «Харуга», что примерно переводится как «разведчики». Суть ее в том, что молодые мужчины-тролли, которых называют

«скауты», ведут жизнь следопытов и перенимают опыт у старших воинов. По словам сержанта, это отличный способ укрепления морального духа, и он неоднократно задавался вопросом, нельзя ли приспособить эту традицию к решению проблем Анк-Морпорка.

Господин Боггис отметил, что «Харуга» очень похожа на тот образ жизни, который ведут уличные сорванцы, трудящиеся в его Гильдии, и назвал идею многообещающей.

Капитан Моркоу сказал, что целью данного мероприятия должна стать возможность для молодых людей всех форм и размеров провести время вместе без применения тяжелого вооружения.

Лорд Витинари спросил, в чем именно будет состоять данное мероприятие.

Хризопраз сказал, что был тем самым скаутом в юном возрасте, и только благодаря этому стал настоящим троллем. Насколько он помнил, они изучали вопросы выслеживания и завязывания узлов.

Господин Боггис поинтересовался, кого именно они там выслеживали.

Хризопраз признался, что они выслеживали гномов.

Затем господин Боггис спросил, на ком именно они вязали узлы.

Хризопраз ответил, что на гномах.

Лорд Витинари счел идею хорошей (для начала), но отметил, что отдельные детали было бы не худо подправить. Безусловно, некоторые виды деятельности даже за символическую плату могут дать молодым людям больше чувства удовлетворения, чем прыжки на чьей-нибудь голове.

Госпожа Банд напомнила, что, согласно профессиональному долгу, юные убийцы обязаны заниматься деятельностью, не очень-то далекой от вышеописанной.

Лорд Витинари заявил, что в скаутском лагере им придется воздержаться от своих привычек.

Грох Грохссон заметил, что было бы очень полезно дать возможность организаторам прививать молодежи некоторые полезные моральные ценности или, по крайней мере, объяснить им, что это такое. Было бы неплохо, если бы молодые люди приобрели чистоту в помыслах, словах и делах.

Сержант Детрит ответил, что в систему воспитания троллей-скаутов входил запрет баловаться со своими дубинками в течение дня.

Госпожа Парлэй отметила, что социальное окружение некоторых потенциальных скаутов весьма препятствует сохранению ими чистоты.

Лорд Витинари заметил, что все это, конечно, прекрасно, но только если они не начнут убивать других. Лично он был бы счастлив увидеть хоть какую-то чистоту на деле. Пусть говорят и думают что угодно, но он готов поддержать предложение от имени города и станет с нетерпением ждать улучшения поведения молодых самцов всех видов.

Госпожа Парлней поинтересовалась, будут ли скауты-девочки.

Сержант Детрит ответил, что брать в скауты девочек строго-настрого запрещено, поскольку они вызывают недостаток чистоты в помыслах, словах и делах.

Грох Грохссон отметил, что многие современные женщины-гномы борются за то, чтобы их признали девочками.

Капитан Моркоу сказал, что, конечно, не видит причин, по которым нельзя было бы создать аналогичную организацию для молодых женщин. Более того, учитывая внешне трудноопределимую половую ориентацию гномов, каждый гном может присоединиться либо к мальчикам-скаутам, либо к девочкам-скаутам, но без права перехода туда-сюда. Моркоу выразил уверенность, что представители Гильдий и другие ответственные граждане будут счастливы пожертвовать своим временем ради наставления молодых людей на путь истинный. Сам капитан

вместе с сержантом Ангвой готов преподавать ориентирование в лесу и выживание в диких условиях.

Господин Бoggis заметил, что выживание в диких условиях — это сущий пустяк по сравнению с пятью минутами, проведенными в переулке Анк-Морпорка, поэтому он со своей стороны позабочится о том, чтобы молодые люди научились ходить в бакалейные лавки, не жертвуя по дороге зубами.

Далее комитет активно обсудил возможные мероприятия и принял решение провести летний сбор под открытым небом для учреждения «Анк-Морпоркской Федерации Скаутов», а также (возможно) «Федерации городских выживальщиков».

ЗАЛ СЛАВЫ АНК-МОРПОРКСКОЙ ФУТБОЛЬНОЙ АССОЦИАЦИИ (В ВИДЕ КОЛЛЕКЦИОННЫХ КАРТОЧЕК)

Знаменитые футболисты Анк-Морпорка,
сентябрь 2009 г.

Еще один памфлет! В этот раз о праздновании по поводу выхода романа «Незримые академики», когда несколько команд фанатов «Плоского мира» и местных жителей сразились на игровых полях Уинкантона. Насколько помню, некоторые дамы выглядели довольно расстрепанно, но это, как ни странно, совершенно не отразилось на игре. Конечно, мне пришлось выдумать ряд забавных имен.

НЕЗРИМЫЕ АКАДЕМИКИ

[1] *Аркканцлер Наверн Чудакулли*, д-р чарологии, д-р магии, д-р ворожбы, д-р магианизма, д-р некромантии, д-р пророчества, д-р человеческого фактора, д-р магической философии, д-р патологического завораживания, д-р сжатой метафизики, д-р колдовства, бак. диковинного кружевоплетения.

Иногда предпринимает попытки перекричать мяч у врага противника. Однако излюбленная тактика Наверна Чудакулли состоит в том, чтобы изо всех сил пинать мяч в ближайшего нападающего и забирать его обратно на отскоке, пока соперник корчится на земле. Это вызывало ряд проблем среди игроков, пока они не нашли «противоядие», которое можно было изготовить из отрезка струны и обычной металлической суповой тарелки с двумя отверстиями.

[69] Профессор Бенго Макарона, д-р чарологии (Пугалоу), профессор КОТ (Чабб), мастер игры (Щеботан), старший специалист (п. ч.т.), д. ф.н. (блит), ДМСК, МК, профессор магических наук (Коксфорд), старший специалист по куроведению (Орлея, Университет Иана Завоевателя, Креветочный корпус, второй этаж), Primo Octo (дважды), старший специалист по блит-слудовому обмену (Аль-Хали), КФГСБ, возвратно-поступательный профессор блит-теории (Клатчский университет), доктор чарологии (Клатчский университет), Didimus Supremus (Клатчский университет), почетный профессор блит-субстратных определений (Чабб), заведующий кафедрой блит-и музыкальных наук (Щеботанский колледж благородных девиц).

Крайне опытный игрок из Орлеи, известный широтой подходов к решению любой стоящей перед ним задачи. Отличный нападающий, но с прискорбной привычкой... чрезмерно увлекаться в особо напряженные моменты.

[76] Профессор Ринсвинд, отъявленный профессор жестокой и необычной географии (НУ),

заведующий кафедрой экспериментальной прозорливости (НУ), преподаватель динамики слуда (НУ), заведующий кафедрой общественного непонимания магии (НУ), заведующий кафедрой приблизительной точности (НУ).

Ринсвинд — самый быстрый игрок на любом поле. К сожалению, часто забывает о мяче. Любопытный факт: энергичность его бегства затуманивает зрение соперникам, которым становится трудно поверить, что мяч на самом деле позади них и движется в противоположном направлении.

[1.618] Доктор Думминг Тупс, кафедра высокоэнергетической магии (НУ), доктор чарологии (НУ), преподаватель теории энергонезависимого интеллекта (НУ), бессменный лектор по теории рефургасирования слуда (НУ).

Играющий тренер. Раньше всегда терял очки в начале матча, но теперь приклеивает их к голове скотчем. Мыслит тактически... иногда. Время от времени безо всякой видимой причины с его ноги слетает башмак.

[9] Гриффид Скиния Эванс (или Эванс Полосатый).

Единственный игрок в команде Незримого Университета, который официально мертв. По сути, он — все, что осталось от последнего мастера спорта Незримого Университета, чей дух обитает ныне в огромном медном свистке, служившем ему при жизни. К сожалению, люди иногда забывают, что, свистнув в этот свисток, они окажутся во власти духа покойного Эванса, который незамедлительно отправит всех на пробежку в одних

трусах по пересеченной местности за то, что они забыли спортивную форму.

[8] *Доктор Икс* (он же *Хикс*), профессор *Невыразимых Темных Истоков* посмертных коммуникаций (НУ), доктор чарологии, Импессимальный Хранитель Серебряного Черепа (3-го класса).

Единственный игрок, которому по университетскому уставу разрешается, предполагается и даже требуется фблить. В конце концов, тот, кого официально назначили плохим парнем, просто обязан нарушать правила. Единственный игрок, готовый носить номер «8». Время от времени разбрасывает бесплатные билеты на свои пресловутые любительские драматические спектакли, чтобы деморализовать соперников.

[1] *Библиотекарь*, доктор чарологии, профессор исследований Б-пространства.

Второй номер «1» (потому что долго обижался). Прирожденный вратарь, поскольку может вертеться вокруг штанг и контролировать ворота всеми четырьмя конечностями.

[10] *Альфонс Шноббс* (не родственник), медаль слугобраза за один год безупречной службы (НУ), медаль слугобраза за пять лет безупречной службы (НУ), медаль слугобраза за десять лет безупречной службы (НУ).

Всесторонне развитый игрок, чьи таланты отточены многолетней погоней за студентами после закрытия баров. Целью своей жизни считает восстановление доброго имени Шноббсов. Носит невероятно большие и тяжелые башмаки, заслышиав стук которых люди спасаются бегством.

[206] Чарли (другие имена неизвестны).

Ни разу не играл в составе команды Незримого Университета с тех пор, как Футбольная ассоциация Анк-Морпорка разделилась в своих мнениях по поводу уместности присутствия на поле ходячих скелетов. Тем не менее Чарли всегда принимает участие в тренировках, поскольку, как отметил доктор Икс, он весьма хорош для анатомической практики и постоянно носит с собой магическую губку.

[4] *Тревор Навроде* (образование неизвестно).

Формально не является членом команды, хотя когда-то играл за Незримый Университет. Самый опытный живой игрок, поскольку давно владеет пустой жестянкой — причем виртуозно. Несмотря на то что он легко может заставить банку бросить вызов гравитации, Навроде испытывает известные трудности в обращении со стандартным сферическим мячом.

[9] *Господин Натт* (Образование: обширнее, чем можно себе представить).

Играющий тренер. Пожалуй, самый искусный тактик из всех, кто когда-либо шнуровал футбольные башмаки. Возможно, единственный игрок, когда-либо пользовавшийся термином «цайтгайст»¹ в повседневной беседе. Невероятно изощренный в вопросах философии игры, Натт способен провести содержащую парадокс аксиому мимо соперника раньше, чем тот успевает заметить, что с него упали трусы.

¹ *Zeitgeist* (*нем.*) — термин из «Философии истории» Гегеля: дух времени; модное, актуальное в данный момент, «у всех на устах».

[1001] Сундук.

Удивительно, но его так и не взяли в команду из-за полной неспособности понять, что такое игра. К тому же у него слишком много ног.

ИГРОКИ ПРОЧИХ КОМАНД

[7] Джимми Уилкинс (*«Свиноеды со Скотобоен»*).

В качестве капитана «Свиноедов» Джимми Уилкинс превзошел сам себя благодаря способности ходить по полю колесом и бить по мячу, стоя на руках. Это приводило в такое замешательство ничего не ожидавших вратарей, что мяч влетал в заднюю сетку еще до того, как они что-либо успевали сообразить.

[4] Дж. В. Рикетт (*«Свиноеды со Скотобоен»*).

Мастер тонкого управления мячом по прозвищу «Дай-пас-Рикетт» был известен тем, что мог пробежать половину поля, удерживая мяч на носке ботинка. Не стал по-настоящему великим футболистом исключительно из-за полного нежелания делиться мячом с товарищами по команде. Однажды лихо унесся с поля, когда один из игроков его команды попытался отобрать у него мяч. Считался отличным игроком при условии вовремя подставленной ему подножки.

[1] Чарли Бартон (*«Вторничные ребята»* с улицы Паточной Шахты — вратарь).

Редкий мяч пролетает мимо Чарли (Большого Парня) Бартона. Поговаривают, что в конце каждого матча его самого приходится выбивать из ворот. Ширина Чарли, ставшая результатом

феноменального потребления пирогов, привела к тому, что Футбольная ассоциация Анк-Морпорка учредила следующее правило: ворота «Шахтеров» должны быть минимум в два раза шире, чем у соперников, чтобы оставалось место для пролета мяча.

[6] *Акнон Смит («Колиглазы»).*

Защитник «Колиглазов» Акнон Смит (или *Святой Акнон*, как его называют) принадлежит к небольшой секте, adeptам которой положено прерываться на молитву каждые пятнадцать минут. Болельщики уже привыкли, что он падает на колени посреди игры, по странному совпадению спотыкаясь хотя бы об одного из игроков противоборствующей команды. Всякий раз игру приходится прерывать, пока Акнон не закончит свои молитвы. Футбольная ассоциация Анк-Морпорка продолжает искать решение этой проблемы.

Дэвид «Дэйв» Навроде (образование неизвестно).

Ныне усопший. Обладатель абсолютного рекорда по числу забитых мячей в уличной версии игры (четыре гола). Всем своим обликом Дэйв Навроде представлял архетипичного футболиста — от огромных мешковатых спортивных трусов до башмаков с торчащими из них гвоздями. К сожалению, категорически отказывался носить хоть какую-то защиту головы, отчего и стал, судя по всему, *покойным Дэйвом Навроде*.

[2] *Энди Шенк («Колиглазы»).*

Энди Шенк — главный заводила среди сторонников «Колиглазов», равно как и в Анк-Морпоркской Толкучке. Его отец — внушающий страх

Зал славы Аник-Морпоркской Футбольной ассоциации

капитан команды «Колиглазы», и Энди вполне может унаследовать этот титул благодаря необузданной дикости и мастерскому владению всеми видами ближнего боя. Своим соратникам он внушает почти такой же страх, как врагам. Стоит на учете в Городской Страже как особо злостный негодяй, за которым требуется непрерывное наблюдение (когда это возможно).

[8] *Джозеф Борофф* (капитан «Свиноедов»).

Опытный игрок в древнюю разновидность уличного футбола (также известную под названиями «Забава Бедняков», «Игра» и «Толкучка»). Избран капитаном «Юнайтед» на собрании капитанов всех главных футбольных команд города. Чрезвычайно силен — говорят, может поднять одновременно две свиные туши (по одной в каждой руке).

[6] *Шуизин Пыльник* (капитан «Кабанов с Кулоношной улицы»).

[9] Гарри Шлемобой (*«Кабаны с Кулоношной улицы»*).

Прочие игроки: Глупс Аткинсон, Джимми Ложка, Ключ, мамаша Аткинсон, Вилли Пилтдин, Микки Пулфорд и братья Колбассы (Ф. и К.)

СУДЕЙСТВО

Арканцлер Коксфорда (ранее декан Незримого Университета).

Визит арканцлера нового краснокирпичного университета Псевдополиса к бывшим коллегам из Незримого Университета как нельзя кстати совпал с первым матчем по так называемому «фут-

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

булу». Будучи назначенным судьей, он получил возможность свистеть в «призрачный» свисток Гриффида Скинии Джонса — давно умершего мастера спорта Незримого Университета. Будучи не спортсменом, он стал известен в своей прежней альма-матер под прозвищем «Два стула» — благодаря огромному обхвату и любви к гигантским блюдам.

ОТРЫВОК, НЕ ВОШЕДШИЙ В РАССКАЗ «МОРЕ И РЫБКИ»

Приложение

За широкими воротами вороний краину
теснил — вороний краину, —
чтобы забыть ее. Боязнь — ужасающая
— в вороном — краине проходит предчувствие
жажды, лихой любви.

Вороний краину притягивала бу-
харская земля, поклонясь Египту, поклоня-
ясь египетской земле.

«Египетский Египет», — говорил язы-
цами из-под земли Мистика, — неизвестно за пределы
всего человеческого мысли. Где первоначально
зажигалась, покоряя все
— где погибла ее золотой
уманко-жель, рожавшаяся от золотой греческой
девушки.

Как же даровано даровано смиру, — сколько тиши-
ны и величественности пребывающей в наконечни-
ции. Такие идеальные условия были когда-нибудь изобретены
и убийца прошел в них, чтоб убить. И сколько
эти бледнющие фары — для зробить из любви свою
жажду любви, дающей

ОТРЫВОК, НЕ ВОШЕДШИЙ В РАССКАЗ «МОРЕ И РЫБКИ»

На следующее утро матушка Ветровоск поднялась задолго до рассвета. За ночь деревья успели покрыться инеем, и матушке даже пришлось воспользоваться молотком, чтобы добыть из бочки воду для умывания.

В воздухе носился острый привкус грядущего снега и кислый запах лисиц.

Вернувшись в дом, матушка приготовила бутерброд с сыром, наполнила бутылку холодным чаем и отправилась в путь.

Ей понадобилось не больше часа скорой ходьбы по шуршащим листьям, чтобы выйти за пределы шума человеческих мыслей. Еще через полчаса она обогнула тлеющие ямы углежога, почувствовав его сны, а также маленький, но острый и лживый ушишко кота, развлекавшегося охотой среди поленниц.

Затем дорожка пропала совсем, остались только многочисленные цепочки следов промеж деревьев. Умы здешних существ были острее и проще и обычно вмещали в себя что-то одно. В основном это были мысли о еде — как добыть ее побольше и самому не стать ею. Иногда животные думали

о сексе, и в такие моменты матушка Ветровоск старалась закрывать свой разум. Даже белки — эти грязные мелкие бесята — заслуживают право на уединение.

Некоторое время она шла по берегу реки, ступча башмаками по камням и постепенно поднимаясь вверх по течению.

Голова здесь работала лучше. Внизу, рядом с людьми, в разум постоянно вторгаются чужие шепчущие мысли. О чем конкретно размышляют соседи, она слышать не могла — разве что в моменты наивысшей концентрации. Впрочем, в бесконечной круговерти забот, треволнений и надежд даже хозяева собственных умов редко сознают, о чем они на самом деле думают. Ведь более загаженных голов, чем человеческие, и не сыскать. Какое облегчение освободиться от этого непрекращающегося мысленного шума!

Однако по-прежнему слышалось слабое жужжание, напоминавшее назойливый писк комара в спальне. Заходить так далеко отваживаются лишь охотники. А еще в предгорьях можно встретить гномов. Впрочем, они знают, что лучше не появляться там, где...

...матушка повернулась и шагнула в щель между двумя валунами, о существовании которой вы бы даже не догадались...

...и оказалась в узком, но длинном и глубоком ущелье, в тенистых местах которого уже лежал снег. Здесь же пытались прорости несколько не в меру оптимистичных деревьев.

Матушка шла вперед, не останавливаясь. Башмаки шлепали по ручью, прорезавшему щель

в скалах. Наконец, матушка добралась до входа в пещеру. Несмотря на то что устье ручья было довольно широким, стороннему наблюдателю могло показаться, что это лишь тень от обломков скатившихся сверху камней. Матушка остановилась перед устьем, оставшись наедине со всепоглощающей тишиной, свойственной любым пещерам мира.

Возле входа в тени сидела Ведьма.

Матушка поклонилась ей (ведьмы никогда не делают реверансов) и проскользнула мимо — в глубь пещеры.

Она не была здесь... Что? Неужто уже десять лет?

Пещеры имеются под всеми Овцеликскими горами — из-за их огромного магического потенциала, — но подземные пустоты не всегда ограничиваются обычными четырьмя измерениями. О некоторых пещерах ходили слухи, что в них легко войти, но трудно выйти. По крайней мере, здесь. И сейчас.

Однако матушка Ветровоск бесстрашно направилась к одному из подземных ответвлений, располагавшихся недалеко от входа. Пещера здесь обладала особым свойством, которое, как чуяла матушка, сейчас ей было совершенно необходимо. Возможно, это как-то связано с формой свода, возможно, с маленькими кристаллами, блестевшими на стенах, но в пещеру совершенно не просачивались мысли.

Ни одна из них не могла проникнуть в нее или выйти наружу.

Матушка села на песчаный пол, чтобы встретиться со своими воспоминаниями.

Через некоторое время они пришли.

Там, в Искре, был один человек, которого стали подозревать в убийстве маленьких детей. Когда ее позвали, она пришла и увидела в его голове чувство вины, извивавшееся подобно красному червяку. А потом она отвела людей на ферму и показала, где копать. Человек бросился перед ней на землю и стал молить о пощаде. Он кричал, что был пьян и совершил преступление под парами алкоголя.

Она навсегда запомнила свой ответ, произнесенный спокойным, рассудительным тоном: «Ты закончишь свою жизнь в петле».

И они оттащили его и повесили, а она осталась смотреть, потому что была обязана ему хотя бы этим. Он ругался на нее, что было довольно несправедливо, поскольку повешение — это чистая смерть. Или, по крайней мере, более чистая, чем та, которой бы его подвергли, если бы жители деревни осмелились оспорить ее приговор. Потом она увидела тень Смерти, явившегося за ним, а за Смертью стояли маленькие яркие фигурки. Через минуту он умер...

Сидевшая в темноте матушка стала раскачиваться.

...Крестьяне кричали, что справедливость восторжествовала. Потеряв терпение, она велела всем разойтись по домам и молиться богам, в которых они верили, дабы не вырастить подобное в себе. Ибо самодовольное лицо торжествующей добродетели не менее ужасно, чем открытое проявление зла.

И, что самое странное, на его похороны явилось довольно много жителей деревни, бормотавших нечто вроде: «Конечно, он совершил ужасное

злодеяние, но в целом не был таким уж плохим... И вообще... может, она заставила его себя оговорить?»

Постепенно перешептывания усилились, и матушка стала ловить на себе темные взгляды...

В конце концов, должна существовать справедливость, которая касается всех? За каждого оставленного без внимания нищего, за каждое грубое слово, за каждый забытый долг, за каждую мелочь...

Но кто придет на похороны, когда не станет ее?..

Потом нахлынули другие воспоминания. Другие смутные фигуры стали проявляться в темноте пещеры.

Она много где была, много чего сделала, и, бывало, матушке удавалось найти такие способы выпустить гнев наружу, что удивляли даже ее саму. Она сталкивалась с гораздо более могущественными ведьмами, но никогда не позволяла им в это поверить. Она отказалась от многого, но и приобрела немало. Она ни за что не признает, что когда-то ошиблась в своем выборе. И все же... если много лет назад она где-то в чем-то совершила ошибку... то никогда уже об этом не узнает. Возможно, она провела бы более спокойную жизнь. Иногда матушка чувствовала альтернативных «себя», существующих в других измерениях. В конце концов, если умеешь читать на расстоянии мысли других людей, то свои-то непременно должен. О спокойной тихой жизни, за которой неизбежно последует смерть...

Но ведь она никогда даже не старалась казаться милой. Весь жизненный опыт матушки гово-

рил, что милые люди приходят к финишу последними... или не приходят вовсе.

По правде говоря, в глубине души ее терзали самые темные желания. Мир нуждается в основательной встряске, и попытка этого избежать — та еще задачка. Каждый день превращался в борьбу с собой — до побелевших костяшек пальцев. Летиция так и не узнает, что была в дюйме от... чего-то очень-очень неприятного. Но это тот самый дюйм, который Эсме Ветровоск ковала всю свою жизнь, и он был прочнее стали. Понимание того, насколько плохой ты можешь быть, — отличный стимул для того, чтобы стараться быть хорошей.

Она и в самом деле была хороша — как в правосудии, так и в целительстве (особенно в том его разделе, который начинается с головы). Она была хороша в своих победах. Она была хороша — хоть ей никто об этом не говорил — во всем, что удостаивала своим вниманием.

Но она никогда не была милой. Следует это признать. А ведь большинство людей милое предпочитают хорошему.

Но куда деться от этого страшного искуса? Были же ведьмы и посильнее ее, но и те сдавались. Чем дольше смотришь на свет, тем ярче он становится. Однажды ты оглянешься через плечо во время краткой передышки и увидишь... какой прекрасной, богатой, темной и соблазнительной стала твоя тень...

Нянюшка Яgg сидела в садике позади своего домика, широко расставив ноги для здоровой циркуляции воздуха — как все немолодые дамы во

всех мирах. Сидела нянюшка не просто так. Она присматривала за одним из своих сыновей и двумя внуками, которые копали ее огород, иногда подбадривая их криками или указаниями на то, что, с ее точки зрения, они делали неправильно.

На широких коленях нянюшки лежала целая охапка золотистых табачных листьев, которые она измельчала и обмакивала в свою особую медово-травяную смесь. За зиму листья дозреют под прессом, и с наступлением весны со всех сторон королевства к нянюшке потянутся любители табака с мечтою приобрести знаменитую «Ореховую махорку Ягг», которая будет куриться еще по меньшей мере три сотни лет — до наступления эпохи Тяжелых Машин.

Время от времени нянюшка прикладывалась к стоявшей рядом кружке.

В очередной раз взяв ее в руку, она увидела, что пузырьки внутри кружки стали вялыми, а поверхность спокойной, как старый чай.

— Неужто уже выдохлось? — громко произнесла нянюшка.

Она окинула взглядом деревню. Из-за вязов в боевом порядке вылетали громко кричащие грачи.

Нянюшка Ягг неторопливо проковыляла в свою избушку и подошла к раковине, в которой остывали кувшины с молоком. Хватило одного вдоха, чтобы понять: в кувшинах уже практически образовался сыр. Хотя всего час назад молоко было свежим.

Слабый шорох привлек ее внимание. Десятки жуков забегали под дверью и юркнули в щели между половицами.

Ведьмы всегда обращают внимание на мелкие знаки: масло не сбилось, вино обратилось в уксус, паучки ищут укрытие... Людям кажется, что это означает приближение бури, и в каком-то смысле они, конечно, правы.

А еще ведьмы умеют пользоваться тем, что у них под рукой. Манипуляции с крашеными свечками, хрустальными шарами и прочей дребеденью, конечно, впечатляют, но в крайнем случае приходится пользоваться тем, до чего можно дотянуться.

Поэтому нянюшка нагнулась, подняла тяжелую крышку колодца и посмотрела вниз — в темные воды.

Внизу ничего не было. Как не бывает и в хрустальном шаре. Там одна пустота, которая просит ее наполнить.

Внутреннее око нянюшки узрело снег, скалы и очертания крючковатого каменного носа...

— Вот дурында старая... — пробормотала она.

Через мгновение изумленные сын и внуки увидели, как нянюшка выскочила из дома с метлой в руках. Она вскочила на ручку и газанула магией с такой силой, что метла подпрыгнула почти вертикально вверх. Ловко выровнявшись в воздухе, нянюшка направила метлу в сторону гор.

Десять минут спустя, подняв снежный вихрь, она приземлилась в маленьком ущелье, которое трудно было заметить даже с воздуха. Быстро погладив Ведьму-хранительницу, она прошла дальше. Каменная Ведьма никогда не казалась нянюшке страшной, даже в детстве.

Один юный волшебник, проводивший здесь каникулы с маленьким молоточком в руках, од-

нажды поведал ей, что Ведьма у пещеры — это лишь сталагмит, то есть результат долгого накопления растворенного камня, капавшего сверху тысячи лет. Как будто это что-то могло объяснить! Ну ладно, допустим, мы знаем, как она была создана, но зачем — нам сие неведомо. Кстати, тот юноша так и не зашел в пещеру, вспомнила нянюшка. У него вдруг образовалась куча более важных дел. Вот так это место и отваживает от себя посторонних.

Башмаки нянюшки зашлепали по разлившимся по камням лужам. Она стала углубляться в пещеру.

Как-то раз нянюшка пыталась побывать наедине с собственными мыслями, но это занятие ей быстро наскучило.

О да, пещера вытащила наружу постыдные воспоминания. Но шутка в том, что нянюшка никогда их от себя и не скрывала. Это была простая память, не содержавшая в себе никакого страха. За жизнь она совершила много такого, что должна была совершить, и в основном это были приятные вещи. А еще она понадела много такого, что лучше бы и не делать, но вспоминать об этом было не менее весело. А иногда даже веселее. Нянюшка никогда не каялась в содеянном — за исключением тех редких случаев, когда с легкой грустью сожалела о том, что чего-то не сделала раньше или что теперь подходящие поводы возникают не так уж часто...

— Ох, Эсме! Что же ты наделала!

Наклонившись, нянюшка подхватила обмякшую матушку.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

— Пошли, — сказала она бодрым голосом, взвалив недвижимое тело на плечи. — Не обязательно торчать здесь, чтобы думать. И вообще — думками делу не поможешь.

После того как они выбрались из пещеры, няньшка ухитрилась подсадить матушку на ручку метлы и крепко привязала ее своими полосатыми чулками.

Многие считают, что «потеряться в мыслях» — это то состояние ума, которое предшествует фразе «Прости, я немного задумался». Но это всего лишь «Не обращай внимания». Истинная потеряность в мыслях — это когда требуется помочь другого человека, который вас в них отыщет.

Медленно пролетев в закатном воздухе над деревьями, няньшка привезла подругу домой и уложила спать.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие А. С. Байетт 7

КОРОТКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ НЕ О ПЛОСКОМ МИРЕ

Предприятие Аида (1963)	15
Разгадка (1964)	36
Картина (1965)	39
Принц и куропатка (1968).....	42
Ринсмангл, гном с Ровной Пустоши (1973)	51
Дышите коротко и экономно (1976).....	67
Сказание о Гластонбери (1977)	70
Хуже дурака только старый дурак, стоящий в английской очереди (1978).....	75
Ку-ку, меня заменили птичкой (1978)	80
И помни о монолитах (1978).....	84
Верхние Меги (1986)	90
Двадцать пенсов, с конвертом и поздравительной надписью (1987).....	127
Инкубус (1988)	140

Последняя награда (1988)	142
Ночные «вертушки» (1989)	163
#ifdefDEBUG + ‘мир/достаточно’ + ‘время’ (1990).....	181
Голливудские цыплята (1990).....	205
Тайная книга мертвых (1991)	216
Ради былого и грядущего (1995)	218
Первый клиент (1996)	242
Сэр Джошуа Сервитут:	
Биографическая справка (2010).....	248

КОРОТКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ О ПЛОСКОМ МИРЕ

Мост троллей (1992)	253
Театр жестокости (1993)	270
Море и рыбки (1998).....	279
Анк-Морпоркский национальный гимн (1999)	347
Медицинские заметки (2002)	351
Исторические корни игры шмяк (2002).....	358
Несколько слов, произнесенных lordом Хэвлоком Витинари по случаю братания городов Анк-Морпорк и Уинкантон (2002)	365
Смерть и что случается после (2004)	368

Коллегиальное изгнание бесовщины в отдельно взятом университете (2005).....	373
Протокол заседания комиссии по обсуждению предложения о создании Анк-Морпоркской Федерации скаутов (2007).....	383
Зал славы Анк-Морпоркской Футбольной ассоциации (в виде коллекционных карточек) (2009) ...	390

ПРИЛОЖЕНИЕ

Отрывок, не вошедший в рассказ «Море и рыбки»	401
--	------------

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Терри Пратчетт МЕРЦАНИЕ ЭКРАНА

Сборник фантастических рассказов

Ответственный редактор Е. Сафонова

Литературный редактор К. Тринкунас

Художественный редактор К. Гусарев

Технический редактор О. Куликова

Компьютерная верстка Е. Кумшаваева

Корректор И. Гончарова

Страна происхождения: Российская Федерация

Шығарылған ел: Ресей Федерациясы

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Россия, город Москва, улица Зорге, дом 1, строение 1, этаж 20, каб. 2013.

Тел.: 8 (495) 411-66-66.

E-mail: info@eksmo.ru

Библиотека: «ЭКСМО» АК5 Библиотека,

123308, Россия, г. Москва, Зорге улица, 1 кв., 1 литер, 20 кабинет, офис 2013 х.

Тел.: 8 (495) 411-66-66.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Телефон библиотеки: «Эксмо»

Интернет-магазин: www.book24.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-магазин: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Казахстан Республикасында импорташы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по праву претензий на продукцию,

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Казахстан Республикасында дистрибутор және еңбайынча арыз-талаптарды
қабылдаушының елді «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровской кв., 3-я, литер 5, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарнамалық мөрмөн шектелмеген.

Сертификация туралы актерлер сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия надания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»
www.eksmo.ru/certification

Шығарылған мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмеген

Дата изготовления / Подписано в печать 04.03.2021. Формат 80x100¹/32.

Гарнитура «MySt». Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,26.

Доп. тираж 2000 экз. Заказ № 690

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо»

Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, строение 1.
Телефон: +7 (495) 411-50-74. E-mail: reception@eksмо-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: International@eksмо-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksмо-sale.ru*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.
E-mail: Ivanova.sv@eksмо.ru

Оптовая торговля бумагами-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/н 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksмо-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде

Адрес: 603004, г. Нижний Новгород, улица Карлинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза»
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94). E-mail: reception@eksmonn.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Санкт-Петербург

Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 84, лит. «Е»
Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: zerver@zsko.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбурге

Адрес: 620024, г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2и
Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08)

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самара

Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е»
Телефон: +7 (846) 207-55-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону

Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44А
Телефон: +7(863) 303-62-10. E-mail: Info@md.eksмо.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске

Адрес: 630015, г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3
Телефон: +7(383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

Обособленное подразделение в г. Хабаровске

Фактический адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. Фрунзе, 22, оф. 703
Почтовый адрес: 680020, г. Хабаровск, А/Я 1006

Телефон: (4212) 910-120, 910-211. E-mail: eksmo-khv@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмень

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмень

Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Пермикова, 1в, 2 этаж. ТЦ «Перестрой-ка»
Ежедневно с 9.00 до 20.00. Телефон: 8 (3452) 21-53-96

Республика Беларусь: ООО «ЭКСМО АСТ Си энд Си»

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Минске

Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlets»
Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92

Режим работы: с 10.00 до 22.00. E-mail: eksmost@yandex.ru

Казахстан: «РДЦ Алматы»

Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, 3А
Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-58-90 (91, 92, 99). E-mail: RDC-Almaty@eksмо.kz

Украина: ООО «Форс Украина»

Адрес: 04073, г. Киев, ул. Вербовая, 17а
Телефон: +38 (044) 290-99-44, (067) 536-33-22. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный assortiment продукции ООО «Издательство «Эксмо» можно приобрести в книжных магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине: www.chital-gorod.ru.

Телефон единой справочной службы: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.book24.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksмо-sale.ru

ЧИТАЙ·ГОРОД

book 24.ru

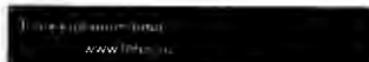
Официальный
интернет-магазин
издательской группы
“ЭКСМО-АСТ”

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

- eksmoline
- eksmo
- eksmoline
- eksmo.ru
- eksmo_live
- eksmo_live

ЛитРес:
один клик до книги

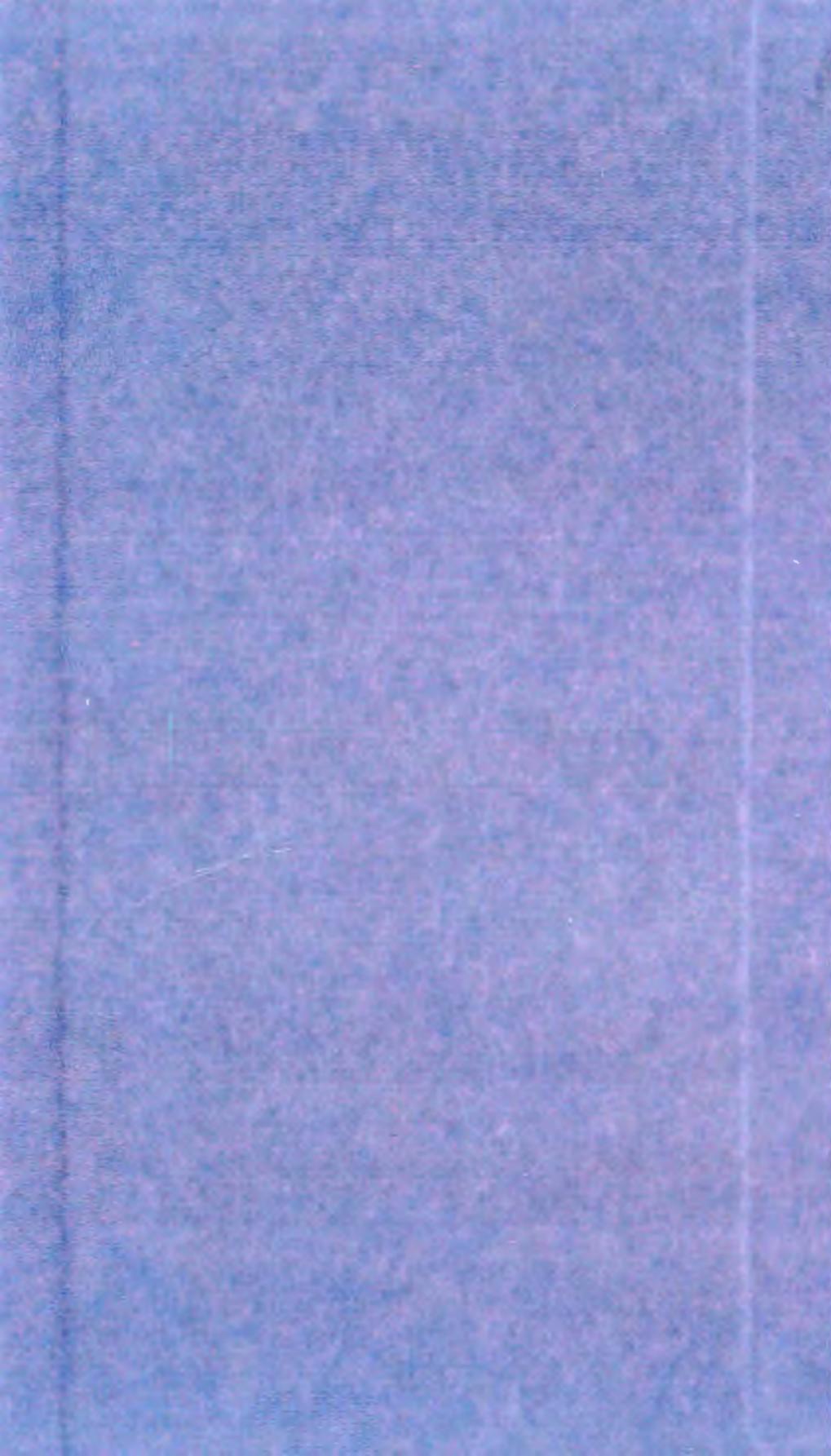

ISBN 978-5-04-111819-8

9 785041 118198 >

**ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ – СБОРНИК РАССКАЗОВ С ЗА
ТЕРРИ ПРАТЧЕТТА: КАВАЛЕРА ОРДЕНА БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ,
СОЗДАТЕЛЯ ПЛОСКОГО МИРА И ОДНОГО ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ
МАСТЕРОВ ФЭНТЕЗИ, КОТОРЫХ ЗНАЛ МИР.**

Пратчетт пишет о нас. Он одинаково хорошо разбирается как в полицейских, бизнесменах, мошенниках, убийцах, банках, акциях и музыке, так и в гоблинах, ведьмах, драконах, троллях и гномах. Ну и, конечно, в компьютерах.

А. С. БАЙЕТТ

Терри был одним из величайших фантастов и, вне всякого сомнения, самым смешным. Он был столь же мудр, сколь и плодовит, а это о чём-то да говорит... Яркий, солнечный, проницательный, теплый и добрый человек. Человек безграничного терпения. Человек, который по-настоящему знал, как наслаждаться жизнью... и книгами.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

Он был уникален. Когда нам обоим было чуть меньше лет, мне посчастливилось написать с ним книгу, которая научила меня многому..

Я буду скучать по тебе, Терри.

НИЛ ГЕЙМАН

ISBN 978-5-04-111819-8

9 785041 118198 >

